

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XX ВѢКА

1890—1910

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ.
С. А. ВЕНГЕРОВА

ИЗД.
Т-ВА „МІРЪ“
МОСКВА

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

(Автобіографическое письмо С. А. Венгеру.)

Вотъ Вамъ, наконецъ, когда Вы уже извѣрились въ силу моего общанія, досточтимый и долготерпѣливый Семень Аванасьевичъ, не простая отписка, а добросовѣстная, — и, быть можетъ, даже слишкомъ пространная, — въ прозѣ, которой Вы разрѣшили болтливость, и въ стихахъ, законодателемъ не предусмотрѣнныхъ, — автобіографическая записка о томъ, какъ жизнь меня слагала; о томъ же, что мнѣ удалось сложить изъ жизни, пусть судятъ другіе, если имъ видна неконченная стройка изъ-за неснятыхъ лѣсовъ.

Отецъ мой былъ изъ неслюдимыхъ,
Изъ одинокихъ — и невѣръ.
Стеля по мхамъ болотъ родимыхъ
Стальные цѣпи, землемѣрь
(Ту груду звучную, чьи звеня
Досель изъ сумерекъ забвенья
Мерцаютъ мнѣ, чей странный видъ
Все память смутную дивить), —
Схватилъ онъ сѣмя злой чахотки,
Что въ гробъ его потомъ свела.
Мать разрѣшенія ждала, —
И вышла изъ туманной лодки
На берегъ земного бытія
Изгнанница — душа моя.

Но я унаслѣдовалъ черты душевнаго склада матери. Она оказала на меня всецѣло опредѣляющее вліяніе. Я страстно ее любилъ и такъ тѣсно съ нею сдружился, что ея жизнь, не разъ пересказанная мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, стала казаться мнѣ, ребенку, пережитою мною самимъ.

Ей сельскій іерей былъ дѣдомъ,
Отецъ же въ Кремль ходилъ — въ сенатъ.

Мнѣ на Москвѣ былъ въ дѣтствѣ вѣдомъ
 Одинъ, другой священникъ — братъ
 Ея двоюродный. По женской
 Я линіи — Преображенскій,
 И благолѣпіе люблю,
 И православную кутью.
 Но сироту за дочь лелѣять
 Взялась нѣмецкая чета:
 Къ нимъ чтицей въ домъ вступила та,
 Отрадно было старымъ сѣять
 Изящныхъ чувствъ и мыслей сѣвъ
 Въ мечты одной изъ русскихъ дѣвъ.

А дѣвой русскою по праву
 Назваться мать моя могла:
 Похожа поступью на паву —
 Кровь съ молокомъ — она цвѣла
 Такъ женственно-благоуханно,
 Какъ сердцу русскому желанно;
 И косы темныя до пятъ
 Ей достигали. Говорятъ
 Пустое все про „долгій волосъ“:
 Разумницей была она
 И Несмѣяной прозвана.
 Къ тому жъ имѣла дивный голосъ:
 „Въ театрѣ ждали бъ васъ вѣнки“, —
 Такъ сѣтовали знатоки.

Немало лѣтъ прожила моя мать въ благочестиво-чопорномъ, пѣтистически-библейскомъ домѣ престарѣлой и бездѣтной четы фонъ-Кеппеновъ; хозяинъ дома, братъ извѣстнаго академика, дерптскій теологъ, знатокъ еврейскаго языка и дѣятельный членъ Библейскаго общества, былъ въ то же время главноуправляющимъ имѣній свѣтлѣйшаго князя Воронцова. По-нѣмецки моя мать не научилась, — какъ не одолѣла никогда и отечественнаго правописанія, — но стала любить и Библию, и Гете, и Бетховена и взлелѣяла въ душѣ идеаль умственного трудолюбія и высокой образованности, который желала видѣть непремѣнно осуществленнымъ въ своемъ сынѣ. Хотѣлось ей также, чтобы ея будущій сынъ былъ поэтъ. Не даромъ въ свои долгіе дѣвическіе годы наполняла она вороха тетрадей списанными стихами; кстати сказать, переписывала она что-то и для молодого Островскаго и восхищалась „разборами“ Бѣлинскаго, съ сестрой котораго, по ея словамъ, водила знакомство. Она была пламенно религіозна; ежедневно, въ теченіе всей жизни, читала Псалтирь, обливаясь слезами; видывала въ знаменательныя эпохи вѣщіе сны и даже наяву имѣла видѣнія; въ жизнь вглядывалась съ мистическимъ проникновеніемъ, но, при живой фантазіи, мечтательствовать себѣ не позволяла и отличалась, по единогласному свидѣтельству всѣхъ, ее знавшихъ, чрезвычайно трезвымъ, сильнымъ и проницательнымъ умомъ. Она боготворила царя-освободителя, была счастлива тѣмъ, что родилась въ девятнадцатый день мѣсяца февраля (1824), ненавидѣла нигилизмъ

и отчасти славянофильствовала съ отѣнкомъ либеральнымъ, каковая приверженность идеѣ славянства сказалась и въ выборѣ моего имени. Помню, что въ дѣтствѣ заѣзжалъ къ намъ разъ толстый баринъ въ голубой шелковой русской рубахѣ (по фамилии, кажется, Нащокинъ), и мы ѣздили съ нимъ куда-то въ его каретѣ, а потомъ мать объясняла мнѣ, что это — „славянофилъ“.

По смерти своихъ стариковъ мать моя уже не собиралась замужъ, — ей было почти сорокъ лѣтъ, — а жила уединенно съ нашею Татьянушкой:

Моей старушка стала няней,
И въ памяти разсвѣтно-ранней
Мерцаегь обликъ восковой.
Киваетъ няня головой,—
„А возлѣ рѣчки, возлѣ моста—
Тамъ шелкова растеть трава...“
Сѣдая никнетъ голова.
Очки поблескиваютъ просто...
Но съ дѣтства я въ простомъ ищю
Разгадки тайной — и грушу...
Съ Украйны дѣвушкой дворовой
Въ нѣмецкій домъ привезена,
Дни довлечивъ до воли новой,
Пошла за матерью она.
Считала мать ее святою;
Ея Украйна золотою
Мнѣ снилась: вечерѣтъ даль,
Колдуетъ по степи печаль...

Тогда пришелъ къ моей матери съ обоими своими малолѣтними сыновьями отецъ мой, оставшійся вдовцомъ по смерти первой жены, незадолго до того покинувшей его и дѣтей. Мать ее давно знала, пользовалась ея довѣріемъ, корила ее за легкомысліе и выслушивала ея жалобы на гордость, замкнутость, деспотизмъ отца, на его неумѣнье обезпечить семьѣ достатокъ. Мальчики стали передъ матерью на колѣни и просили ее „быть имъ мамой“. Предложеніе было неожиданнымъ, но она согласилась. Черезъ годъ — 16 февраля 1866 года — я родился въ собственномъ домикѣ моихъ родителей, почти на окраинѣ тогдашней Москвы, въ Грузинахъ, на углу Волкова и Георгіевскаго переулковъ, насупротивъ ограды Зоологическаго сада.

Я съ любовью отмѣчаю эти мѣста, потому что съ ними связаны первыя впечатлѣнія моей жизни, сохраненныя памятью въ какомъ-то волшебномъ озареніи, — какъ будто тотъ слонъ, котораго я завидѣлъ изъ нашихъ оконъ въ саду, ведомаго по зеленой травѣ важными людьми въ парчевыхъ халатахъ, и тотъ носорогъ, на котораго я подолгу глазѣлъ сквозь щели ветхаго забора, волки, что были въ ближайшемъ нашемъ сосѣдствѣ, и олени у канавы съ черною водой, высокая береза нашего садика, окрестные пустыри и нашъ бѣло пушистый дворникъ,

...сѣдой, какъ лунь,
Какъ одуванчикъ — только дунь,—

остались навсегда въ душѣ видѣніямъ утраченнаго рая. Бываль я по лѣтамъ и въ деревнѣ, у сестеръ отца, жившихъ въ имѣніяхъ своихъ мужей; но и сельскія картины не могли затмить въ моей душѣ красоту однажды видѣннаго Эдема.

Простудившись въ пору моего появленія на свѣтъ, отецъ мой бросилъ свое ремесло землемѣра и, лишь спустя значительный промежутокъ времени, поступилъ на службу въ Контрольную Палату. Онъ былъ счастливъ досугомъ, затворился въ своей комнатѣ —

И грудю вольнодумныхъ книгъ
Межъ Богомъ и собой воздвигъ...

И все въ дому пошло неладно:
Мать говорлива и жива,
Отецъ угрюмъ, разсѣянъ, жадно
Впиваетъ мертвыя слова —
И сердце женское ихъ ложью
Умыслилъ совратить къ безбожью.
Напрасно! Бредитъ Чарльзъ Дарвинъ;
И гдѣ жъ причина всѣхъ причинъ,
Коль не Всевышній создалъ атомъ?
Апогеоза „протоплазмъ“
Внушаетъ матери сарказмъ:
Назвать орангутанга братомъ —
Вотъ вздоръ! Мрачнѣй осеннихъ тучъ,
Онъ запирается на ключъ.

Завѣтный ключъ! Онъ съ бранью тычетъ
Его въ замокъ, когда сѣдой
Стучится батюшка и причетъ —
Домъ окропить святой водой.
Вы — Бюхнеръ, Мошешотъ и Штраусъ,
Товарищи недѣльныхъ паузъ
Пивагорейской тишины,
Одни затворнику вѣрны, —
Пока безмолвія твердыня,
Веселостью осаждена,
Улыбкамъ женскимъ не слана.
Такъ благость Божья и гордыня
Боролись въ ищущемъ умѣ:
Отецъ мой былъ не *sieur Nomais*, —

Но вѣка сынъ! Шестидесятихъ
Годовъ земли российской типъ,
„Интеллигентъ“, сирѣчь проклятыхъ
Вопросовъ жертва — иль Эдипъ;
Быть можетъ, искреннѣй, народнѣй
Другихъ и про себя свободнѣй:
Онъ всенощной отъ юныхъ лѣтъ
Любилъ вечерній, тихій свѣтъ...
Но ненавидѣлъ суевѣрье
И всяческій клерикализмъ;
Здоровый чтилъ онъ эмпиризмъ:

Питай лишь мать къ нему довѣрье,
Законъ огня открылся бѣ мнѣ,
Когда бѣ я пальцы сжегъ въ огнѣ...

Побѣда въ этой борьбѣ осталась все же за матерью. Передъ самою смертью, подѣ вліяніемъ особенныхъ внутреннихъ событій, отецъ мой обратился къ вѣрѣ съ полною сознательностью и пламенностью чрезвычайной.

Мнѣ было пять лѣтъ, когда онъ умеръ; я остался съ матерью и няней; мои единокровные братья воспитывались въ Межевомъ Институтѣ; мы жили въ маленькой квартиркѣ на Патріаршихъ Прудахъ. Мать воспитывала во мнѣ поэта, показывала портреты Пушкина, гадала обо мнѣ по Псалтырю и толковала мнѣ слова о томъ, что псаломѣвецъ былъ юнѣйшимъ среди братьевъ, и что руки его настроили псалтирь. Но еще при жизни отца я позналъ магію дермонтовскихъ стиховъ („Споръ“, „Воздушный корабль“): они казались тѣмъ волшебнѣе, чѣмъ менѣе были понятны. На седьмомъ году глубоко потрясло и восхитило меня Уланово „Проклятіе пѣвца“, стихотворный переводъ котораго я открылъ въ старинномъ журналѣ съ картинками. Позднѣе надъ моею постелью оказался случайно приклееннымъ къ обоямъ, верхомъ внизъ, лоскутокъ печатной бумаги, на которомъ я разобралъ пушкинскую оду „Пока не требуетъ поэта“: постоянно перечитывать ее и не понимать было мнѣ сладостно. О своемъ раннемъ развитіи заключаю изъ отчетливыхъ воспоминаній о взволнованныхъ разговорахъ по поводу франко-прусской войны, изъ влюбленности въ Пизанскую башню съ ея окруженіемъ, изъ галлюцинацій, связанныхъ съ видѣннымъ, также на картинкѣ, „Моисеемъ“ Микель-Анджело. Съ семи лѣтъ меня начали обучать иностраннымъ языкамъ и россійской словесности. Учительницею моею была хорошенькая барышня, дочь нашего домовладѣльца; меня какъ-то опьяняли ея свѣженькое личико, ея голосъ, запахъ, отъ нея исходившій, и я мучительно ревновалъ къ морскому офицеру, ея жениху.

Это была уже вторая моя влюбленность; предметомъ первой, носившей своеобразно-чувственный характеръ, была, годомъ раньше, маленькая подруга, съ которою мы укрывались по темнымъ комнатамъ отъ большихъ. Отъ моей прекрасной наставницы узналъ я не только о Ломоносовѣ, но даже о Кантемирѣ и на урокахъ читывалъ наизусть и съ восторгомъ, вмѣстѣ съ отрывками изъ „Кавказскаго Плѣнника“ и съ Некрасовскимъ „Власомъ“, всю державинскую оду „Богъ“. По девятому году я посѣщалъ частную школу, устроенную не безъ притязаній на изысканность семьею нашего извѣстнаго экономиста М. И. Туганъ-Барановскаго; братья Туганы, ихъ двоюродный братъ и я составляли высшій классъ и соревновали въ писаніи романовъ. Туда принесъ я и свое стихотвореніе „Взятіе Іерихона“; законоучитель прочелъ его всѣмъ дѣтямъ; я позналъ одновременно и гордость литературнаго успѣха, и обиду критиче-

скихъ инсинуацій: глупенькая учительница заявила, что видѣла гдѣ-то нѣчто подобное.

Мнѣ было семь лѣтъ, когда мать велѣла мнѣ читать по утрамъ акаѳисты; ежедневно прочитывали мы вмѣстѣ и по главѣ изъ Евангелія. Толковать евангельскія слова мать считала безвкуснымъ, но подчасъ мы спорили о томъ, какое мѣсто красивѣе. Такъ, мать особенно любила 12-ую главу отъ Маттея съ приведеннымъ въ ней пророчествомъ Исаіи („трости надломленной не переломить, и льна курящагося не угасить“), а меня еще властительнѣе плѣнялъ конецъ 11-ой главы, гдѣ говорится о „легкомъ игѣ“. Съ той поры я любилъ Христа на всю жизнь. Эстетическое наивно переплеталось съ религіознымъ и въ нашихъ маленькихъ паломничествахъ по обѣту пѣшкомъ, лѣтними вечерами, къ Иверской или въ Кремль, гдѣ мы съ полнымъ единодушіемъ настроенія предавались сладкому и жуткому очарованію полутемныхъ старинныхъ соборовъ съ ихъ таинственными гробницами. Чистому же художеству, о которомъ мать моя думала немало, часто вздыхая о томъ, что я, за недостаткомъ средствъ, не обучаюсь необходимѣйшему на ея взглядъ искусству — музыкѣ, посвящали мы долгіе часы совмѣстныхъ вечернихъ чтеній. Такъ, медленно и съ упоеніемъ — мнѣ было тогда семь лѣтъ — прочитанъ былъ нами полный „Донъ-Кихотъ“. Рано познакомила меня мать и со своимъ любимцемъ — Диккенсомъ.

Дѣтскими книгами она учила меня пренебрегать: Андерсенъ былъ въ ея глазахъ книгою не дѣтской; Робинзонъ былъ мною усвоенъ, одновременно съ „Донъ-Кихотомъ“, въ подлинной редакціи; Жюль-Вернова поэма о капитанѣ Немо была съ восторгомъ мною изучена; десяти лѣтъ я увлекался „Разбойниками“ Шиллера. Прибавлю, что, мать ревниво ограждала меня отъ частыхъ сношеній съ дѣтьми сосѣдей, находя ихъ дурно воспитанными, и пріучала стыдиться дѣтскихъ игръ. Она безсознательно прививала мнѣ утонченную гордость и тотъ „индивидуализмъ“, съ которымъ я долженъ былъ долго бороться въ себѣ въ гимназическіе годы, и тайные яды котораго остались во мнѣ дѣйственными и въ зрѣлую пору моей жизни.

Девяти лѣтъ я поступилъ приходящимъ ученикомъ въ приготовительный классъ (гдѣ мнѣ нечего было дѣлать) московской первой гимназіи; выборъ гимназіи былъ также обусловленъ сѣображеніями эстетическими: она помѣщается въ красивомъ старомъ зданіи подлѣ тогда еще не открытаго храма Христа Спасителя. Поступленіе мое совпало съ пріѣздомъ въ гимназію императора Александра II. Этотъ пріѣздъ отпечатлѣлся въ моей памяти съ такою точностью, что я до сихъ поръ вижу въ воображеніи тѣнь отъ сабли идущаго царя на залитой солнцемъ коридорной стѣнѣ, возвѣстившую за мигъ его появленіе; онъ прошелъ черезъ классную комнату, сказавъ: „здравствуйте, дѣти“, — и такъ поглотилъ собою все окружающее, что я не видѣлъ никого изъ провожавшей его свиты. Первый учебный годъ я провелъ, по болѣзни, почти весь дома, а въ слѣдующемъ

неожиданно былъ провозглашенъ „первымъ ученикомъ“, каковымъ и оставался до окончанія курса. Тогда же круто измѣнился и мой нравъ: изъ мальчика заносчиваго и деспотическаго я сдѣлался сдержаннымъ и образцовымъ по корректности воспитанникомъ, а также обособившимся и вначалѣ даже нелюбимымъ товарищемъ.

Когда я былъ во второмъ классѣ, шла русско-турецкая война; мы съ матерью были охвачены славянскимъ энтузіазмомъ. Къ тому же оба мои брата, артиллерійскіе офицеры, были на войнѣ, и одинъ изъ нихъ, ординарецъ при самомъ Скобелевѣ, пріѣзжалъ на короткое время, по военному порученію, въ Москву. Я посылалъ братьямъ въ окопы письма, полныя воинственно-патріотическихъ стиховъ, которые призналъ черезъ годъ дѣтскимъ лепетомъ. На открытіи памятника Пушкину я стоялъ, съ замираніемъ сердца, передъ закутанною статуей въ рядахъ гимназистовъ и былъ взятъ на торжественное засѣданіе въ университетъ. Эта пора была апогеемъ моей религіозности: я простаивалъ долгіе часы по ночамъ передъ иконою и засыпалъ отъ усталости на колѣняхъ. Мать была недовольна этими крайностями, но дѣятельно мнѣ не препятствовала. Со страстью занимался я греческимъ языкомъ за годъ до начала его преподаванія. Перейдя въ четвертый классъ, уже давалъ уроки; а въ пятомъ, внезапно и безболѣзненно, созналъ себя крайнимъ атеистомъ и революционеромъ.

Этотъ переворотъ во мнѣ произошелъ передъ самою катастрофою перваго марта. Всѣ проклинали цареубійцъ; среди гимназистовъ устраивались, по слухамъ, добровольные союзы для наблюденія за политической благонадежностью товарищей. Я терзался въ душѣ, а порою и открыто гнѣвался, слыша поносимыя имена людей, которые уже были въ моихъ глазахъ героями и мучениками. Во внѣшней жизни эта эпоха опредѣлилась для меня, какъ начало долгаго и суроваго труженичества. Я давалъ такъ много платныхъ уроковъ, что имѣлъ свободу читать и думать только ночью. Учебными занятіями я могъ пренебрегать: учителя тревожили меня единственно для разбора новыхъ текстовъ *à livre ouvert* или для общихъ культурно-историческихъ характеристикъ, предоставляли мнѣ погружаться за уроками въ исправленіе товарищескихъ тетрадокъ, прощали погрѣшности въ моихъ латинскихъ и греческихъ работахъ за ихъ общій прекрасный стиль и чувство языка и признавали мои русскія „сочиненія“, всегда прочитываемыя вслухъ матери, весьма чуткой къ чистотѣ и красотѣ рѣчи, образцовыми. Тѣ же ученическія сочиненія, порой на скользкія для меня темы, возбуждали удивленіе друзей, посвященныхъ въ тайну моего міросозерцанія, дипломатическою ловкостью, съ которою я умѣлъ въ нихъ одновременно не выдавать и не предавать себя. Были среди товарищей и такіе, которые упрекали меня въ лицемеріи, а въ добрыя минуты выражали увѣренность, что въ будущемъ я, въ качествѣ политическаго борца, благородно оправдаю возлагаемыя на меня надежды. Мать же была

омрачена происшедшею во мнѣ перемѣною, которой я отъ нея не таилъ, и въ нашей тѣсной дружбѣ стала обоими мучительно ощущаться глубокая трещина. Въ ночные часы поглощалъ я груды подпольной литературы, гдѣ были и старый „Колоколъ“, и трактаты Лассалля, и многія новѣйшія изданія революціонныхъ партій.

Главный вопросъ, меня мучившій, былъ вопросъ объ оправданіи терроризма, какъ средства социальной революціи; мое рѣшеніе созрѣло лишь къ концу гимназическаго курса и было опредѣленно отрицательнымъ. Что же до „чистаго аѳеизма“, „уроки“ котораго преподавалъ я устно и письменно одному любимому и замѣчательному товарищу, потомъ немало пострадавшему за свои политическія убѣжденія, то мое вольнодумство обошлось мнѣ самому не дешево: его послѣдствіями были тяготѣвшее надо мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пессимистическое уныніе, страстное вожделѣніе смерти, воспѣваемой мною и въ тогдашнихъ стихахъ, и, наконецъ, дѣтская попытка отравленія доставшимися мнѣ отъ отца ядовитыми красками въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Примѣчательно, что моя любовь ко Христу и мечты о Немъ не угасли, а даже разгорѣлись въ пору моего безбожія. Онъ былъ и главнымъ героемъ моихъ первыхъ поэмъ („Исусъ“ — искушаемый въ пустынѣ; „Легенда“ — о еврейскомъ мальчикѣ въ испанскомъ готическомъ соборѣ). Страсть къ Достоевскому питала это мистическое влеченіе, которое я искалъ примирить съ философскимъ отрицаніемъ религіи. Благотворнымъ было для меня въ эти годы сближеніе съ однимъ товарищемъ-поэтомъ, по имени Калабинымъ, который чистымъ ясновидѣніемъ угадалъ во мнѣ таящагося отъ міра поэта: читая мнѣ безъ устали и на распѣвъ стихи Пушкина и Лермонтова и указывая на „жесткія“ строки въ моихъ собственныхъ произведеніяхъ, онъ разбудилъ и развилъ во мнѣ мои первоначальные, дѣтскіе лирическіе восторги.

Два года моего московскаго студенчества были временемъ смѣлаго до чрезмѣрной самонадѣянности подъема душевныхъ силъ. Жизнь аудиторій показалась мнѣ на первыхъ порахъ какимъ-то священнымъ пиршествомъ. Университетъ привѣтливо улыбнулся мнѣ присужденіемъ преміи за работу по древнимъ языкамъ. Я былъ историкъ: послѣдовать добрымъ совѣтамъ директора гимназіи и поѣхать стипендіатомъ въ лейпцигскій филологическій семинарій казалось мнѣ предосудительною уступкою реакціи; черезъ исторію мечталъ я самостоятельно овладѣть проблемами общественности и найти путь къ общественному дѣйствію. Ключевскій меня плѣнилъ; П. Г. Виноградовъ давалъ мнѣ изъ своей библіотеки, для подготовки къ задуманному сочиненію, нѣмецкія книги. Я посѣщалъ только избранныя лекціи и много времени проводилъ у своего друга, А. М. Дмитревскаго, полного тѣхъ же стремленій, что я самъ. Въ послѣднемъ классѣ гимназіи мы съ нимъ сообща перевели русскими триметрами отрывокъ изъ „Эдипа-царя“, теперь же вмѣстѣ прилежно читали

французскіе томы для В. И. Герье. Онъ соби́рался посвятить себя исторіи русскаго крестьянства и все зналъ и усвоивалъ себѣ основательнѣ меня. При взглядѣ на него мнѣ вспоминались строки:

Горѣлъ полуночной лампадой
Передъ свѣтышею добра.

Въ промежутки между нашими занятіями его мать играла намъ Бетховена, сестра-консерваторка также исполняла на роялѣ какую-нибудь классическую вещь или пѣла пѣсни Шуберта и Шумана. Мы усердно посѣщали съ нею концерты. Я страстно въ нее влюбился, и черезъ годъ было между нами рѣшено, что я женюсь на ней, и мы уѣдемъ учиться въ Германію. На родинѣ мнѣ не сидѣлось: было душно и жутко. Дальнѣйшее политическое бездѣйствіе—въ случаѣ, если бы я остался въ Россіи—представлялось мнѣ нравственною невозможностью. Я долженъ былъ броситься въ революціонную дѣятельность; но ей я уже не вѣрилъ. Я писалъ тогда:

О, мой народъ! Чѣмъ жертвовать тебѣ?
Чего молить? Не новыхъ приношеній
Въ отчаяніи возросшихъ поколѣній!

Напрасны „жертвы“, зло одними нашими усиліями неодолимо:

Не сокрушить его слѣпой борьбѣ,
Пока молчатъ твои свѣтыя грозы...

Свое послѣднее лѣто въ Россіи я проводилъ въ подмосковномъ имѣніи братьевъ Головиныхъ, гдѣ приготавлилъ къ шестому классу лица младшаго брата Павла, рано умершаго юношу-поэта, и немного занимался по-гречески съ другимъ братомъ, лицеистомъ старшаго класса, Ѳедоромъ Александровичемъ (впослѣдствіи предсѣдателемъ второй Государственной Думы), съ которымъ по сей день связанъ взаимною сердечною пріязнью. Я сгоралъ въ то лѣто какою-то лихорадкою дерзновенія и счастья, писалъ съ каждою почтой своей будущей женѣ и ея брату и получалъ отъ нихъ письма, бродилъ ночами по лѣсу и вырѣзалъ на деревянной стѣнѣ своей комнаты строки изъ „Фауста“:

Vernunft fängt wieder an zu sprechen,
Und Hoffnung wieder an zu blühn;
Man sehnt sich nach des Lebens Bächen,
Ach! zu des Lebens Quellen hin.

Этими „источниками жизни“ представлялись мнѣ, въ нераздѣльномъ сліяніи, любовь и „страна свѣтыхъ чудесъ“ — Западъ. Головины похитили мои рукописи, и во мнѣ былъ разоблаченъ не только поэтъ, но и поэтъ-символистъ, хотя слова „символизмъ“, въ смыслѣ литературнаго направленія, никто изъ насъ не зналъ. А именно одинъ молодой человѣкъ изъ нашей компаніи (дѣло было лунною ночью, мы лежали на стогу сѣна), разбирая мои стихи, сдѣлалъ открытіе, что я изображаю природу не такъ, какъ другіе, и не такъ,

/nach
14

какъ ему лично нравится, но влагаю въ изображаемое какой-то особенный, тайный смыслъ.

Мои профессора разстались со мною, по окончаніи второго курса, весьма благожелательно: В. И. Герье нашелъ мое рѣшеніе учиться въ Германіи разумнымъ; проф. Зубковъ (покойный) далъ мнѣ въ Боннѣ къ Бюхелеру и Узенеру рекомендательныя письма (увы, я ими не воспользовался, далеко обѣгая свою суженую и избранныцу сердца—античную филологію), П. Г. Виноградовъ выработалъ для меня программу послѣдовательныхъ занятій у Гизебрехта, Зома и Моммзена. Съ родиною я простился слѣдующимъ Fagewell, показывающимъ, до какой степени еще и тогда я былъ ребенкомъ:

Куда ити? Кругомъ лежалъ туманъ;
Во мглѣ стопа невѣрная скользила.
И вотъ—бойцы; вотъ—кровь ихъ свѣжихъ ранъ;
Вотъ—свѣжая насыпана могила...
И ты ль пойдешь на темный вражій станъ?
Въ тебѣ ль живетъ божественная сила?
Ты ль—сумрачный грядущій великанъ,
Чье на небѣ заблещетъ вдругъ свѣтило?...
И я былъ слабъ и бѣденъ въ этотъ мигъ:
Я головой смущенною поникъ,
Но съ зброю покинулъ край родимый.
Я зброю пошелъ руководимый,
Дабы найти въ пыли священныхъ книгъ
Волшебный щитъ и мечъ неодолимый.

Германія встрѣтила насъ еще на морѣ доносившимся съ берега благоуханіемъ цвѣтущихъ липъ. Вскорѣ я увидѣлъ и прирейнскіе замки, и готическіе соборы, и Сикстинскую Мадонну, и трирскую Porta Nigra. Потомъ мы поселились въ берлинской мансардѣ. Первый семестръ (съ осени 1886 г.) ушелъ на усвоеніе языка. Въ концѣ второго я представилъ Моммзену изслѣдованіе о податномъ устройствѣ римскаго Египта и былъ имъ ласково ободренъ. Онъ позвалъ участниковъ семинаріи ужинать въ свою „тѣсненькую“ виллу и тамъ спросилъ меня, остаюсь ли я на болѣе долгое время въ Берлинѣ; я сказалъ, что желалъ бы, но боюсь, что вспыхнетъ война; „мы не такъ злы (wir sind nicht so böse)“, былъ отвѣтъ. Я восхищался каждымъ, всегда внезапнымъ и нетерпѣливымъ движеніемъ этого тщедушнаго и огненнаго старика, въ которомъ мысль и воля сливались въ одну горящую энергію, каждою вспышкою его гениальнаго и холерическаго ума. Вотъ нѣсколько строкъ о немъ изъ моего стихотворнаго дневника:

Въ сей день счастливый Моммзенъ ѣдкій
Меня съ улыбкой похвалилъ.
Онъ Ювенала очертилъ
Характеристикою мѣткой,
Тревожилъ искры старыхъ глазъ
И кудрями сѣдыми трясъ.

Нерѣдко и на лекціяхъ (по эпиграфикѣ и государственному праву), и въ бесѣдѣ съ участниками семинаріи обращался онъ къ своей постоянной мысли о томъ, что вскорѣ долженъ наступить періодъ варварства, что надлежитъ спѣшить съ завершеніемъ огромныхъ работъ, предпринятыхъ гуманизмомъ девятнадцатаго вѣка; о причинахъ же предстоящаго одичанія Европы ничего не говорилъ. Начались мои блужданія въ области историческихъ проблемъ, удалявшія меня отъ того, къ чему лежало мое сердце, — отъ изученія эллинской души. Такъ, я занимался равенскимъ экзархатомъ и представилъ проф. Бреслау первую часть большого изслѣдованія о византійскихъ учрежденіяхъ въ южной Италіи. Правда, я не пренебрегалъ вовсе и филологіей (критическіе анализы Фалена меня увлекали, тогда какъ Кирхгофъ былъ скученъ; дискусіи у Гюбнера велись по-латыни), а равно слушалъ философію и разбиралъ Метафизику Аристотеля у Целлера, посѣщалъ музеи съ Курциусомъ, работалъ по латинской и греческой палеографіи съ Ваттенбахомъ, проходилъ политическую экономію у Шмоллера. Наконецъ, П. Г. Виноградовъ, со мною переписывавшійся, пріѣхавъ однажды въ Берлинъ, разрѣшилъ меня отъ послушанія исторической наукѣ и опредѣленно посоветовалъ отдаться филологіи, продолжая, однако, работать у Моммзена: онъ надѣялся, что я буду совмѣщать въ Москвѣ филологическую доцентуру съ преподаваніемъ римской исторіи. Черезъ годъ О. Гиршфельдъ призналъ „солидною работою“ первый набросокъ моей будущей диссертациі (De societatibus vectigalium). Тотъ же вопросъ о государственныхъ откупахъ, но уже не въ римской республикѣ, а за время имперіи (эта часть, большая первой по объему, не была мною позднѣе переработана и не вошла въ мою латинскую диссертацию) я разрабатывалъ далѣе въ семинаріи Моммзена, который заводилъ серьезнѣйшіе и опаснѣйшіе диспуты съ болѣе зрѣлыми учениками, среди которыхъ вспоминаю Мюнцера (нынѣ профессора въ Базелѣ), П. Мейера (проф. въ Берлинѣ), знаменитаго впослѣдствіи бельгійца Ф. Кюмона, выступавшаго у насъ съ своими первыми опытами о распространеніи религіи Митры въ римскомъ мірѣ. Рядомъ съ научными занятіями шли у меня занятія для заработка: сначала—литературная обработка доставляемаго мнѣ матеріала по международной политикѣ для одного корреспондентскаго бюро, потомъ—частное секретарство у агента нашего министерства финансовъ, камергера Куманина, нынѣ покойнаго, добраго друга моей юности. Немало было у меня и знакомствъ среди молодыхъ русскихъ ученыхъ, работавшихъ въ Берлинѣ. Помню празднованіе Татьянина дня въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана съ П. Г. Виноградовымъ, кн. С. Н. Трубецкимъ, А. И. Гучковымъ, В. В. Татариновымъ (ученикомъ Виноградова) и проф. Гатцукомъ.

Какъ только я очутился за рубежомъ, забродили во мнѣ исканія мистическія, и пробудилась потребность сознать Россію въ ея идеѣ. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова. По отноше-

нію же къ германству сразу и навсегда опредѣлились мои притяженія и отталкиванія, грани любви и ненависти. Я упивался многотомнымъ Гете, съ любовью углублялся въ Шопенгауера, ничего не зналъ на свѣтѣ усладительнѣе и духовно-содержательнѣе нѣмецкой классической музыки и отчетливо видѣлъ общую форсировку, надутое безвкусіе и обезличивающую силу новѣйшей нѣмецкой культуры, мѣщанство духа, въ которое выродилась протестантская мысль, стоявшая передо мною въ лицѣ тюбингенца и Штраусова друга — Целлера, — наконецъ, протестантски-націоналистическую фальсификацію исторіи.

Съ недоумѣніемъ наблюдалъ я, что государственность можетъ служить источникомъ высочайшаго пагуба даже для столь свободнаго и свободолюбиваго человѣка, какъ Моммзенъ; но истиннымъ талантамъ стараго поколѣнія я многое прощалъ, какъ и самому Трейчке я прощалъ его крайній шовинизмъ за подлинный жаръ его благороднаго краснорѣчія. Зато самодовольный и все же ненасыщенный націонализмъ послѣдняго чекана, который кишѣлъ и шипѣлъ вокругъ клубами крупныхъ и мелкихъ змѣй, былъ мнѣ отвратителенъ. По случаю отставки Бисмарка, ознаменовавшей собою „новый курсъ“, я написалъ сонетъ, гдѣ уподоблялъ молодого императора Фазтону, самонадѣянная дерзость котораго должна повлечь за собою міровой пожаръ и гибель его виновника. Нѣсколько стихотвореній изъ поры моего берлинскаго студенчества вошли переработанными въ мой первый сборникъ.

Отмѣчу для характеристики внутреннего перелома, которымъ сопровождалось мое переселеніе за границу, что въ 1889 г., въ годъ парижской всемірной выставки, которую я клеймилъ, какъ „юбилей сѣкиры“, написалъ я длинное посланіе къ брату жены о теургической задачѣ искусства съ характеристиками и Гесіода, и древняго синкретизма, и искусства катакомбъ, и романскихъ церквей, и готическаго стиля, и Рафаэля, и современнаго притязательнаго ничтожества; главная мысль содержалась въ слѣдующихъ строкахъ:

Въ тѣ дни, какъ племена, готова смерть и брани,
Стоять, ополчены, въ необозримомъ станѣ,
И точатъ нищіе на богача топоръ,
И всякъ—соперникъ всѣмъ, и дѣлитъ всѣхъ раздоръ,
Когда, какъ торгаши, тому хотимъ лишь вѣрить,
Что можемъ мѣрою ходячею измѣрить,—
Христово царствіе теперь ли призывать?
Но воленъ жрецъ искусствъ: ему дано воззвать,—
Да прозвучитъ въ ушахъ и родственно и ново —
Вселенской Общины спасительное слово.

Въ 1891 г., отбывъ въ Берлинъ девять семестровъ и напутствуемый наставленіями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувръ, я отправился въ Парижъ съ томиками Ницше, о которомъ начинали говорить. Мы поселились вблизи Національной Библіотеки у одного

chef d'institution и officier de l'Académie, подь руководствомъ котораго я въ теченіе почти года ежедневно упражнялся во французской стилистикѣ. Тогда же въ первый разъ побывалъ я на короткое время въ Англіи. Въ парижской Національной библіотекѣ, правильно мною посѣщаемой, познакомился я съ И. М. Гревсомъ; за сближеніемъ на почвѣ общихъ занятій римскою исторіей послѣдовала и душевная дружба. Онъ властно указалъ мнѣ ѣхать въ Римъ, къ которому я считалъ себя не довольно подготовленнымъ; я по сей день благодаренъ ему за то, что онъ побѣдилъ мое упорное сопротивленіе, проистекавшее отъ избытка благоговѣйныхъ чувствъ къ Вѣчному городу, со всѣмъ тѣмъ, что должно было тамъ открыться. Ни съ чѣмъ не сравнимы были впечатлѣнія этой весенней поѣздки въ Италію черезъ долину разлившейся Роны, черезъ Арль, Нимъ, Оранжъ съ ихъ древними развалинами, черезъ Марсель, Ментону и Геную. Послѣ краткаго предварительнаго пребыванія въ Римѣ мы пустились въ путь дальше, на Неаполь, и объѣздили Сицилію, послѣ чего надолго сѣли въ Римѣ, дѣля всецѣло жизнь одной простой итальянской семьи, такъ что на третій годъ этой жизни могли считать себя до нѣкоторой степени римлянами. Я посѣщалъ германскій Археологическій институтъ, участвовалъ вмѣстѣ съ его питомцами („ragazzi Capitolini“) въ обходахъ древностей, думалъ только о филологіи и археологіи и медленно перерабатывалъ заново, углублялъ и расширялъ свою диссертацию, но подолгу обезсиливалъ вслѣдствіе изнурявшей меня малярии. Жизнь въ Римѣ привела съ собою немало новыхъ знакомствъ съ учеными (вспоминаю, какими они были въ ту пору, профессоровъ Айналава, Крашениникова, М. Н. Сперанскаго, М. И. Ростовцева, покойныхъ Кирпичникова, Модестова, Рѣдина, Крумбахера, славнаго Дж. Б. де-Росси) и съ художниками (братья Свѣдомскіе, Риццони, Нестеровъ, подвижникъ катакомбъ—Рейманъ).

Властителемъ моихъ думъ все полнѣе и могущественнѣе становился Ницше. Это ницшеанство помогло мнѣ—жестоко и отвѣтственно, но, по совѣсти, правильно—рѣшить представшій мнѣ въ 1895 г. выборъ между глубокою и нѣжною привязанностью, въ которую обратилось мое влюбленное чувство къ женѣ, и новою, всецѣло захватившею меня любовью, которой суждено было съ тѣхъ поръ, въ теченіе всей моей жизни, только расти и духовно углубляться, но которая въ тѣ первые дни казалась какъ мнѣ самому, такъ и той, которую я полюбилъ, лишь преступною, темною, демоническою страстью. Я прямо сказалъ о всемъ женѣ, и между нами былъ рѣшенъ разводъ. Прежде чѣмъ были устранены многія препятствія, стоявшія на пути къ нашему браку, я и Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ должны были нѣсколько лѣтъ скрывать свою связь и скитаться по Италіи, Швейцаріи и Франціи. Другъ черезъ друга нашли мы—каждый себя и болѣе, чѣмъ только себя: я бы сказалъ, мы обрѣли Бога. Встрѣча съ нею была подобна могучей весенней діонисійской грозѣ, послѣ которой все во мнѣ обновилось, расцвѣло и

зазеленѣло. И не только во мнѣ впервые раскрылся и осозналъ себя, вольно и увѣренно, поэтъ, но и въ ней: всю нашу совмѣстную жизнь, полную глубокихъ внутреннихъ событій, можно безъ превеличій назвать для обоихъ порою почти непрерывнаго вдохновенія и напряженнаго духовнаго горѣнія.

Между тѣмъ моя первая жена, безъ моего вѣдома, принесла Вл. Соловьеву на судъ мои стихи. Онъ нашелъ въ нихъ „главное“, какъ онъ говорилъ,—„безусловную самобытность“, а о моемъ „ниществѣ“ предрекъ, что на немъ я не остановлюсь. Я былъ обрадованъ телеграммой о его сочувствіи и желаніи, съ моего разрѣшенія, отдать мои стихи въ журналы. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я имѣлъ съ нимъ важныя для меня свиданія, всякій разъ какъ пріѣзжалъ въ Россію. Онъ былъ и покровителемъ моей музыки, и исповѣдникомъ моего сердца. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ мѣсяца за два до его кончины и принялъ его благословеніе дать своей первой книгѣ заглавіе: „Кормчія Звѣзды“. Мать моя умерла въ 1896 г.; разрывъ мой съ первою женой отъ нея старательно скрывали, но она все угадывала и страдала, хотя ранній бракъ мой съ самаго начала былъ ей не по сердцу.

Что до моей диссертациі, она была представлена въ Берлинѣ, и вскорѣ Гиршфельдъ обрадовалъ меня новогоднимъ привѣтомъ (1896 г.), присланнымъ въ Парижъ, съ припиской, что Моммзенъ высказался о ней очень благопріятно („sehr günstig beurtheilt“), и что самъ онъ къ его оцѣнкѣ въ факультетѣ присоединился. Каково же было мое разочарованіе, когда, явившись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ Моммзену, вышедшему ко мнѣ въ халатикѣ, я услышалъ отъ него: „Вашею работою я собственно недоволенъ; черезъ нѣсколько лѣтъ вы напишете нѣчто лучшее“. Послѣ чего онъ далъ мнѣ свою визитную карточку съ просьбой къ декану факультета показать мнѣ его отчетъ. Новое удивленіе испыталъ я, найдя въ отчетѣ щедрыя похвалы, кончавшіяся заявленіемъ—„um nicht Superlative zu gebrauchen“,— что диссертациа далеко выходитъ за обычный уровень и написана „diligenter et subtiliter“; слѣдовала детальная полемика съ моею теоріей (о *societas publicanorum*), имѣвшей ту особенность, что она противорѣчила его собственной. Мнѣ оставалось явиться на экзаменъ, который, по увѣреніямъ Гиршфельда и намеку самого Моммзена, былъ бы простою формальностью; Гиршфельдъ убѣждалъ меня также по полученіи докторской степени „габитуироваться“ въ Германіи приватъ-доцентомъ. Но на испытаніе мнѣ никогда не суждено было предстать: ревностное изученіе специальныхъ изслѣдованій и толстыхъ книгъ, въ родѣ „Государственнаго Права“ Моммзена, не обезпечивало меня отъ возможности промаховъ въ отвѣтъ на какіе-нибудь вопросы порядка элементарнаго, а мое самолюбіе съ этою возможностью не мирилось. Да и не тѣмъ уже въ то время сердце полно было.

Рима, однако, я не оставлялъ для эллинизма и за почти годичное наше пребываніе въ Англіи усердно собиралъ, въ лондонскомъ Reading-Room при Британскомъ музеѣ, матеріалы для изслѣдованія религіозно-историческихъ корней римской вѣры во вселенскую миссію Рима. Зато въ Аѣинахъ, гдѣ я пробылъ годъ, я уже всецѣло предаюся изученію религіи Діониса. Это изученіе было подсказано настойчивою внутреннею потребностью: преодолѣть Ницше въ сферѣ вопросовъ религіознаго сознанія я могъ только этимъ путемъ. Изъ Аѣинъ мы ѣздили съ Л. Д. Зиновьевой-Аннибалъ на пасху въ Палестину и посѣтили по пути Александрію и Каиръ. Послѣ этой поѣздки я заболѣлъ въ Аѣинахъ тифомъ въ столь длительной и опасной формѣ, что врачи почти уже отчаивались въ моемъ выздоровленіи.

Думая о возможной смерти, которая сама по себѣ всегда была мнѣ желанна, я радовался, что оставляю по себѣ „Кормчія Звѣзды“: книга печаталась въ Россіи. Въ 1903 г. я читалъ курсъ лекцій о Діонисѣ въ парижской Высшей школѣ общественныхъ наукъ, устроенной М. М. Ковалевскимъ для русскихъ. Инициаторомъ этого приглашенія былъ покойный И. И. Шукинъ; съ покойнымъ М. М. Ковалевскимъ связала меня съ тѣхъ поръ глубокая пріязнь. Тамъ я познакомился съ пришедшимъ на мою лекцію Валеріемъ Брюсовымъ, уже рецензировавшимъ мою книгу стиховъ. Мережковский писалъ мнѣ, прося дать лекціи о Діонисѣ въ „Новый Путь“. Въ слѣдующемъ году мы съ женою познакомились съ московскими поэтами, — Брюсовъ, Бальмонтъ, Балтрушайтисъ признали меня торжественно „настоящимъ“, и торжественно же мы побратались, — а вслѣдъ за тѣмъ и съ петербургскимъ кружкомъ „Новаго Пути“. Въ 1905 г. мы, покинувъ Женеву, гдѣ я продолжалъ работать надъ Діонисомъ и учился санскриту у де-Соссюра, поселились въ Петербургѣ. Осенью 1907 г. умерла послѣ семидневной болѣзни (скарлатины) въ деревнѣ Загорье Могилевской губерніи Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ. Что это значило для меня, знаетъ тотъ, для кого моя лирика не мертвые іероглифы; онъ знаетъ, почему я живъ и чѣмъ живъ.

Я посвящалъ въ слѣдующіе годы много усилій дѣлу петербургскаго Религіозно-философскаго общества, а также дѣлу Общества ревнителѣй художественнаго слова, основаннаго покойнымъ Иннокентіемъ Анненскимъ, С. К. Маковскимъ и мною, и въ теченіе двухъ лѣтъ былъ преемникомъ Анненскаго, въ качествѣ преподавателя греческой и римской литературы, на Высшихъ женскихъ курсахъ Раева. Въ 1912 г. я закончилъ въ Римѣ изслѣдованія объ отдѣльных проблемахъ религіи Діониса, которыя медленно печатаются и выйдутъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ общимъ очеркомъ, каковой представляютъ собою статьи въ „Новомъ Пути“ и въ „Вопросахъ Жизни“. Такъ же исподволь печатаются и „Лири Новалиса“ въ моемъ переложеніи, и монографія „Эпосъ и начало трагедіи“, и лирическая трилогія „Человѣкъ“, и статьи о Скрябинѣ, дружба съ кото-

рымъ въ два послѣдніе года его жизни была глубоко значительнымъ и свѣтлымъ событіемъ на путяхъ моего духа, и, наконецъ, книга статей „Родное и Вселенское“, выражающая мое религіозно-общественное самоопредѣленіе, какимъ я обрѣлъ его въ себѣ въ эти трагическіе годы. Въ настоящее время я занятъ преимущественно переводами трагедій Эсхила и „Новой Жизни“ Данта. Въ заключеніе прибавлю, что я не упоминаю нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для меня и дорогихъ именъ, или потому, что они связаны съ внутренними событіями, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, или же по той общей причинѣ, что жизнь моя со времени переселенія въ Россію вовсе не разсказана въ этомъ очеркѣ.

Вячеславъ Ивановъ.

Сочи, январь-февраль 1917 г.

„Ивановскія среды“.

Николая Бердяева.

Осенью 1905 года Вячеславъ Ивановичъ Ивановъ и покойная жена его Лидія Дмитріевна Зиновьева-Аннибалъ устроили у себя на „башнѣ“,—такъ называлась квартира ихъ на Таврической на шестомъ этажѣ,—журфиксы по средамъ. Въ началѣ это были скромныя собранія друзей и близкихъ знакомыхъ изъ литературнаго міра. Ивановы недавно переѣхали въ Петроградъ изъ за границы и завязывали литературныя связи. Но какъ-то сразу сумѣли они создать вокругъ себя особенную атмосферу и привлечь людей самыхъ различныхъ душевныхъ складовъ и направленій. Это была атмосфера особенной интимности, сгущенная, но совершенно лишенная духа сектантства и исключительности. Поистинѣ В. И. Ивановъ и Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ обладали даромъ общенія съ людьми, даромъ притяженія людей и ихъ взаимнаго соединенія. Много талантливой энергіи тратили они на людей, много вниманія удѣляли каждому человѣку, интересовывались каждымъ въ отдѣльности и интересовывали каждого собой, вводили въ свою атмосферу, въ кругъ своихъ исканій. Сразу же выяснилось, что В. И. Ивановъ не только поэтъ, но и ученый, мыслитель мистически настроенный, человѣкъ очень широкихъ и разнообразныхъ интересовъ. Всегда поражала меня въ Вяч. Ивановѣ эта необыкновенная способность съ каждымъ говорить на тѣ темы, которыя его болѣе всего интересуютъ—съ ученымъ о его наукѣ, съ художникомъ о живописи, съ музыкантомъ о музыкѣ, съ актеромъ о театрѣ, съ общественнымъ дѣятелемъ объ общественныхъ вопросахъ. Но это было не только приспособленіе къ людямъ, не только гибкость и пластичность, не только свѣтскость, которая въ В. Ивановѣ поистинѣ изумительна,—это былъ также даръ незамѣтно вводить каждого въ атмосферу своихъ интересовъ, своихъ темъ, своихъ поэтическихъ или мистическихъ переживаній черезъ путь, которымъ каждый идетъ въ жизни. В. Ивановъ никогда не обострялъ никакихъ разногласій, не велъ рѣзкихъ споровъ, онъ всегда искалъ сближеній и соединеній разныхъ людей и разныхъ направленій, любилъ вырабатывать общія платформы. Онъ мастерски ставилъ вопросы, провоцировалъ у разныхъ людей идейныя и интимныя признанія. Всегда было желаніе у В. Иванова пре-

вратить общеніе людей въ Платоновскій симпозионъ, всегда призывалъ онъ Эросъ. „Соборность“—излюбленный его лозунгъ. Всѣ эти свойства очень благопріятны для образованія центра, духовной лабораторіи, въ которой сталкивались и формировались разныя идейныя и литературныя теченія. И скоро журфиксы по средамъ превратились въ извѣстныя всему Петрограду, и даже не одному Петрограду, „Ивановскія среды“, о которыхъ слагались цѣлыя легенды. Все увеличивалось число лицъ, посѣщавшихъ среды, и бесѣды становились планомѣрными, съ предсѣдателемъ, съ опредѣленными темами. Душой, психеей „Ивановскихъ средъ“ была Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ. Она не очень много говорила, не давала идейныхъ рѣшеній, но создавала атмосферу даровитой женственности, въ которой протекало все наше общеніе, всѣ наши разговоры. Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ была совсѣмъ иной натурой, чѣмъ Вяч. Ивановъ, болѣе діонисической, бурной, порывистой, революціонной по темпераменту, стихійной, вѣчно толкающей впередъ и ввысь. Такая женская стихія въ соединеніи съ утонченнымъ академизмомъ Вяч. Иванова, слишкомъ многое принимающаго и совмѣщающаго въ себѣ, съ трудомъ уловимаго въ своей единственной и послѣдней вѣрѣ, образовывала талантиливую, поэтически претворенную атмосферу общенія, никого и ничего изъ себя не извергавшую и не отталкивающую. Три года продолжались эти „среды“, отвѣчавшія назрѣвшей культурной потребности, все расширялись и претерпѣвали разныя измѣненія. Я, кажется, не пропустилъ ни одной „среды“ и былъ несмѣняемымъ предсѣдателемъ на всѣхъ происходившихъ собесѣдованіяхъ.

На „Ивановскихъ средахъ“ встрѣчались люди очень разныхъ даровъ, положеній и направленій. Мистическіе анархисты и православные, декаденты и профессора-академики, неохристиане и социал-демократы, поэты и ученые, художники и мыслители, актеры и общественные дѣятели,—всѣ мирно сходились на Ивановской башнѣ и мирно бесѣдовали на темы литературныя, художественныя, философскія, религіозныя, оккультныя, о литературной злобѣ дня и о послѣднихъ, конечныхъ проблемахъ бытія. Но преобладалъ тонъ и стиль мистическій. Сразу же создавалась атмосфера, въ которой очень легко говорилось. Въ постановкѣ темъ и въ характерѣ, который приняло ихъ обсужденіе, быть можетъ, не хватало жизненной остроты, и никто не думалъ, что рѣчь идетъ о самыхъ жизненныхъ его интересахъ. Но образовалась утонченная культурная лабораторія, мѣсто встрѣчи разныхъ идейныхъ теченій, и это былъ фактъ, имѣвшій значеніе въ нашей идейной и литературной исторіи. Многое зарождалось и выявлялось въ атмосферѣ этихъ собесѣдованій. Мистическій анархизмъ, мистическій реализмъ, символизмъ, оккультизмъ, неохристианство,—всѣ эти теченія обозначались на средахъ, имѣли своихъ представителей. Темы, связанныя съ этими теченіями, всегда ставились на обсужденіе. Но ошибочно было бы смотрѣть на среды, какъ на религіозно-философскія собранія. Это не было мѣстомъ ре-

лигіозныхъ исканій. Это была сфера культуры, литературы, но съ уклономъ къ предѣльному. Мистическія и религіозныя темы ставились скорѣе, какъ темы культурныя, литературныя, чѣмъ жизненныя. Многіе подходили къ религіознымъ темамъ со стороны историко-культурной, эстетической, археологической. Мистика была новью для русскихъ культурныхъ людей, и въ подходѣ къ ней чувствовался недостатокъ опыта и знанія, слишкомъ литературное къ ней отношеніе. То было время духовнаго кризиса и идейнаго перелома въ русскомъ обществѣ, въ наиболѣе культурномъ его слоѣ. На „среды“ ходили люди, которые группировались вокругъ журналовъ новаго направленія—„Міра искусства“, „Новаго пути“, „Вопросовъ жизни“, „Вѣсовъ“. Повышался уровень нашей эстетической культуры, загоралось сознаніе огромнаго значенія искусства для русскаго возрожденія. И какъ-то сразу же русское литературно-художественное движеніе соприкоснулось съ движеніемъ религіозно-философскимъ. Въ лицѣ Вяч. Иванова оба теченія были слиты въ одномъ образѣ, и это соприкосновеніе разныхъ сторонъ русской духовной жизни все время чувствовалось „на средахъ“. Но ничего не было узко кружковаго, сектантскаго. Въ бесѣдахъ находили себѣ мѣсто и люди другого духа, позитивисты, любившіе поэзію, марксисты со вкусами къ литературѣ. Вспоминаю бесѣду объ Эросѣ, одну изъ центральныхъ темъ „среды“. Образовался настоящій симпозиумъ, и рѣчи о любви произносили столь различные люди, какъ самъ хозяинъ Вячеславъ Ивановъ, пріѣхавшій изъ Москвы Андрей Бѣлый и изящный проф. О. Ф. Зѣлинскій и А. Луначарскій, видѣвшій въ современномъ пролетаріатѣ перевоплощеніе античнаго Эроса, и одинъ матеріалистъ, который ничего не признавалъ, кромѣ физиологическихъ процессовъ. Но господствовали символисты и философы религіознаго направленія. Частыми посѣтителями и участниками собесѣдованій по средамъ были Е. Аничковъ, М. Волошинъ, Л. Габриловичъ, проф. О. Зѣлинскій, Вяч. Г. Каратыгинъ, проф. Н. Котляревскій, В. Мейерхольдъ, В. Нувель, проф. М. Ростовцевъ, О. Сологубъ, Г. Чулковъ, К. Сюннербергъ. Часто бывали, но сравнительно рѣдко говорили А. Блокъ, Бакстъ, Добужинскій, С. Городецкій, М. Кузминъ, К. Сомовъ, А. Ремизовъ, П. Соловьева. Рѣже можно было встрѣтить Д. Мережковского, З. Гиппіусъ, Д. Filosofova, А. Карташева, а также В. Розанова. Нерѣдко среды были посвящены поэзіи, и многіе молодые поэты впервые читали тамъ свои стихи. Собранія по средамъ постепенно начали расширяться, появлялись все новые и новые люди. Въ Петроградѣ много говорили объ „Ивановскихъ средахъ“, онѣ вызывали къ себѣ интересъ въ разныхъ кругахъ, иногда очень далекихъ. На одной изъ средъ, когда собралось человѣкъ шестьдесятъ поэтовъ, художниковъ, артистовъ, мыслителей, ученыхъ, мирно бесѣдовавшихъ на утонченныя культурныя темы, вошелъ чиновникъ охраннаго отдѣленія въ сопровожденіи цѣлаго наряда солдатъ, которые съ ружьями и штыками размѣстились около всѣхъ дверей.

Почти цѣлую ночь продолжался обыскъ, въ результатъ котораго неожиданнымъ гостямъ пришлось признать свою ошибку. Въ эту ночь изъ передней пропала шапка Мережковского, который написалъ на эту тему статью въ газетѣ. Политики на „средахъ“ не было, несмотря на бушевавшую вокругъ революцію. Но діонисическая общественная атмосфера отражалась на „средахъ“. Въ другую эпоху „среды“ были бы невозможны. На третій годъ своего существованія собранія по средамъ начали вырождаться, они потеряли свой интимный характеръ и стали слишкомъ многочисленными. Въ послѣднюю зиму начало бывать много артистовъ новаго театра Комиссаржевской, много молодежи, бывали люди, совсѣмъ неизвѣстные хозяевамъ, и собесѣдованія потеряли свой прежній характеръ. Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ заболѣла въ эту зиму воспаленіемъ легкихъ и лежала въ лѣчебницѣ. „Среды“ не могли продолжаться въ ея отсутствіи. Но весной, когда Л. Д. вернулась на башню и совсѣмъ еще слабая лежала въ креслѣ, еще нѣсколько разъ собирались по средамъ. Но чувствовался конецъ. „Среды“ умирали. Скоро умерла и душа ихъ.

„Среды“ продолжались три года. За это время много было событий. Мы собирались и бесѣдовали въ историческій 1905 годъ. Но и въ этой исключительно напряженной революціонно-политической атмосферѣ, когда большинство было исключительно поглощено политикой, на „средахъ“ утверждались и отстаивались цѣнности духовной творческой жизни, поэзіи, искусства, философіи, мистики, религіи. Въ этихъ собесѣдованіяхъ мы себя не чувствовали оторванными отъ жизни. Въ нихъ чувствовалась стихія расковыливающая и освобождающая. Потомъ начался другой періодъ русской жизни. Многое было углублено. Все дифференцировалось по разнымъ направленіямъ и сферамъ творчества. Сознаніе очень выросло съ того времени. Новая поэзія, новое искусство были признаны и вошли въ общую культуру. Религіозно-философскія теченія углубились. Но въ атмосферѣ, въ которой происходили собесѣдованія по средамъ, было что-то молодое, зачинающее, возбуждающее. И „среды“ навсегда останутся яркимъ эпизодомъ нашего культурнаго развитія.

Вячеславъ Ивановъ.

Проф. Ф. О. Зелинского.

I.

Мое личное знакомство съ Вячеславомъ Ивановымъ началось въ 1905 году. Имя его было мнѣ уже извѣстно, не только какъ поэта, но и какъ собрата по научной специальности, о чемъ рѣчь еще впереди: я былъ поэтому очень радъ, когда черезъ общихъ знакомыхъ получилъ приглашеніе на его полупубличную лекцію, которую онъ долженъ былъ прочесть въ частномъ домѣ для ограниченного круга лицъ на одну изъ своихъ любимыхъ темъ. Лекція была назначена въ 2 $\frac{1}{2}$ ч.; зная по нашимъ нравамъ впередъ, что она раньше 3 не начнется, я не торопился и пришелъ послѣднимъ; всѣ мѣста были заняты, но по распоряженію предупредительной хозяйки мнѣ былъ принесенъ складной стулъ, на которомъ я и усѣлся. Мое предчувствіе меня не обмануло: одновременно со мной въ залу вошелъ и лекторъ. Это былъ средняго роста блондинъ со слегка румянымъ лицомъ, бородкой и голубыми глазами; нетронутые желѣзомъ волосы, причесанные назадъ, придавали его мягкому, безстрастному лицу духовный характеръ. Онъ началъ ровнымъ, негромкимъ и несмѣлымъ голосомъ; но не успѣлъ онъ договорить первой фразы, какъ въ залѣ раздался оглушительный трескъ. Всѣ обратили глаза на мѣсто происшествія; оказалось—здѣсь лежалъ я на полу среди обломковъ моего складного стула...

Упоминаю эту маловажную подробность потому, что она дала мнѣ случай оцѣнить самообладаніе лектора—или, вѣрнѣе, его стоическую невозмутимость, „атараксію“. Онъ прервалъ рѣчь ровно настолько, чтобъ дать шуму улечься, а затѣмъ продолжалъ тѣмъ же ровнымъ, негромкимъ и несмѣлымъ голосомъ, безо всякой злобы противъ лица, которое, хотя и безвинно, испортило ему его вступленіе. Плавню, какъ бы ни въ чемъ не бывало, потекла рѣчь далѣе: о задачахъ и идеалахъ новой поэзіи, о недоговоренномъ и недоговоримомъ, о палитрѣ чувствъ, о словахъ-сигналахъ. Чувствуя себя виноватымъ передъ лекторомъ, я съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за его разсужденіемъ; но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что, даже удесятеривъ его, я все же не поспѣлъ бы за прихотли-

выми извилинами его мысли. Сплошь да рядомъ хотѣлось его остановить, просить повторить ту или другую фразу, чтобы доискаться смысла, несомнѣнно оригинальнаго и замѣчательнаго, но таящагося за таинственной изгородью мудреныхъ, мудрено сплетенныхъ словъ. Получилось чувство глубокой симпатіи, приправленное удивленіемъ и жалостью, удивленіе вызывалось поразительной сгущенностью мысли, требовавшей какъ бы разбавленія водой собственнаго разсужденія для того, чтобы стать прозрачною, жалость—убѣжденіемъ, что именно по этой причинѣ В. Ивановъ для большинства своихъ слушателей останется не только непонятымъ, но даже, если можно выразиться, и не-чаяннымъ. Такъ оно и вышло. Но между мной и тогдашнимъ лекторомъ завязались съ тѣхъ поръ очень интимныя и тонкія личныя отношенія, обусловленные жадой понять—съ одной стороны, жадой быть понятымъ—съ другой.

II.

За отсутствіемъ у насъ методовъ объективной литературной критики (они есть, но ихъ надо обнаружить), единственно честной въ этой области остается критика отражающая, т. е. говорящая, чѣмъ является критикуемый въ сознаніи критикующаго. Это правильно по отношенію ко всѣмъ авторамъ, но особенно по отношенію къ такимъ крайнимъ субъективистамъ, какъ В. Ивановъ; здѣсь фактическая необходимость представляется также и этической справедливостью. Я намѣренъ изобразить В. Иванова, какимъ онъ представляется мнѣ, заранѣе будучи увѣренъ въ томъ, что мое изображеніе не совпадетъ съ представленіемъ, которое себѣ составилъ о немъ тотъ или другой изъ моихъ читателей, и подавно не совпадетъ съ тѣмъ, которое самъ изображаемый составилъ себѣ о себѣ же.

Въ одной изъ своихъ раннихъ статей, говоря о вакхическихъ сценахъ въ изображеніи А. Н. Майкова, я выразился слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „Это—вакхизмъ александрійскихъ барельефовъ, красивыхъ и сладострастныхъ, такъ и располагающій душу къ мечтательности и нѣгѣ, почти тотъ самый, который мы находимъ у Батюшкова и у Пушкина; это не тотъ демоническій вакхизмъ, которымъ дышатъ „Вакханки“ Еврипида, не тотъ стихійный, восторженный экстазъ, въ которомъ человѣкъ почувствовалъ свое единство съ природой и съ божествомъ—и безсмертіе своей божественной души. А между тѣмъ это, пожалуй, и есть та почва, на которой произойдетъ сліяніе между греческимъ и славянскимъ духомъ: не даромъ полуславянинъ Фр. Ницше первый его открылъ и возвѣстилъ о немъ въ своей дивной, поистинѣ вакхической книгѣ о рожденіи трагедіи“.

¹⁾ „Изъ жизни идей“, т. I, стр. 237 второго изданія.

Эти слова были написаны въ 1899 г., когда я еще ничего о В. Ивановѣ не зналъ; они оказались вѣщими. Въ 1903 г. появилась первая книга лирическихъ стихотвореній В. Иванова подъ заглавіемъ „Кормчія звѣзды“; въ слѣдующемъ — „Прозрачность. Вторая книга лирики“; затѣмъ еще рядъ сборниковъ и отдѣльныхъ цикловъ и стихотвореній, объединяемыхъ нынѣ въ главномъ и (пока) лучшемъ твореніи нашего поэта, въ его „Cor ardens“¹⁾. Еще раньше въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ за 1905 г. увидѣла свѣтъ его символическая трагедія „Танталъ“. Таковъ поэтический матеріалъ, подлежащій нашей оцѣнкѣ; о прозаическомъ здѣсь говорить не приходится.

Итакъ, „Кормчія звѣзды“... Не надо было прочесть заглавія ко второму циклу—„Діонису“, чтобы догадаться, что среди этихъ звѣздъ самымъ сильнымъ блескомъ сіяетъ звѣзда кроткаго и грознаго, вѣчно манящаго и вѣчно неразгаданнаго бога нѣдренныхъ тайнъ. Это уже не „тирсь изломанный“, не „чаша золотая“, не сладкая дрема вакханки подъ шелестъ тополя и журчаніе текущаго ручейка: Діонисъ-Загрей, міровая жертва, растерзанная титанами въ пещерахъ сумрачнаго царства, символъ и освященіе зиждательныхъ страданій и зиждательной смерти,—и Діонисъ, сынъ Семелы, Діонисъ возрожденный и вѣчный, міровая ярость, побѣдоносное око вселенной, зиждательное веселье и зиждательная любовь... Нѣтъ, всякое истолкованіе оказывается слишкомъ плоскимъ. Миѳъ—не аллегорія, онъ не растворяется въ разсужденіи, подобно ей; зачерпнутое пламя разлетается дымомъ между зачерпнувшими пальцами, и попрежнему горитъ въ причудливыхъ образахъ видимая безплотность огня.

Туда, въ царство нѣдренныхъ тайнъ, спустился нѣкогда Ницше, первый, познавшій Діониса; туда же за нимъ снизошелъ и В. Ивановъ. Но Ницше былъ для В. Иванова лишь примѣромъ, не образцомъ. Сплетеніе смерти и возрожденія—повторяю, что это истолкованіе слишкомъ плоско и убого—болѣе поразило В. Иванова, чѣмъ Діонисъ-голосъ Воли, какимъ его, тоже глубоко и вѣрно, понялъ Ницше. И тутъ рядомъ съ Діонисомъ возсіяла другая „кормчая звѣзда“, тоже озарившая нѣкогда вѣщую душу великаго предшественника нашего поэта,—Гераклитъ. Идея изначальнаго огня, все-рождающаго и всепоглощающаго, рождающаго ради поглощенія и поглощающаго ради рожденія, естественно сплелась съ идеей Діониса.

1) „Cor ardens“. Часть первая: Cor ardens. Speculum speculorum. Эросъ. Золотая завѣсы. М., книгоиздательство „Скорпіонъ“, 1911. Часть вторая была обѣщана на мѣсяцъ май того же года; но, какъ извѣстно, обѣщанія влюбленныхъ и поэтовъ не доходятъ до слуха боговъ. Она обниметъ циклъ „Любовь и Смерть“ и „Rosarium“; многія стихотворенія этой второй части, благодаря любезности автора, были у меня подъ руками (она появилась лишь въ 1913 г. Вскорѣ затѣмъ вышелъ и новый сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ „Тайна“ и новая трагедія подъ заглавіемъ „Дѣти Прометея“). Кромѣ того, должны быть отмѣчены поэтические переводы В. Иванова, появившіеся недавно въ коллекціи М. и С. Сабашниковыхъ въ Москвѣ: лирическихъ отрывковъ Алкея и Сафо и сонетовъ Петрарки).

Вмѣстѣ эти двѣ великія и неисчерпаемыя идеи оплодотворили душу „пламенника“—имѣ онѣ обязанъ своими самыми чудными и сильными вдохновеніями. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется; свою субъективную точку зрѣнія я уже оговорилъ и повторять своей оговорки больше не буду.

III.

Въ этотъ символъ растерзаннаго и возрожденнаго Діониса укладывается добрая часть поэзіи В. Иванова; но такъ какъ это именно символъ, а не аллегорія, то онѣ допускаетъ очень разнообразное пониманіе и появляется передъ умомъ поэта въ самыхъ различныхъ образахъ. То это Фаэтонъ, свергаемый съ колесницы солнца,—о немъ плачутъ Геліады, но роптать не должно, ибо „безсмертенъ полный мигъ“ („Прозрачность“, 124): глубокая истина, звучащая основной нотой также и въ „Танталъ“. То это Орфей, — тотъ же Діонисъ въ сущности: („Прозрачность“, 138).

Мы подкрались, улучили полноты верховной мигъ,
Бога съ богомъ разлучили, растерзали вѣчный ликъ,
И гармоній возмущенныхъ вопіетъ изъ крови стонъ.
Вновь изъ волнъ поработенныхъ, краснымъ солнцемъ встанетъ онъ.
Строя сѣмя, мѣра бога сердце будетъ вновь томить
Отъ порога до порога къ невозможному стремить
И когда чудесной властью исполненіе вдругъ прильетъ,
Сердце вновь измѣнитъ счастьемъ, нектаръ цѣльный разольетъ.
Вскрикнуть струны искушенья, смолкнуть жалобой живой...
Вновь разрывъ и изступленіе, и растерзанъ Вакхъ! Эвой!

То опять миръ нисходитъ въ душу поэта, и „яростное“ настроеніе, внушившее ему идею „полноты мига“, смѣняется настроеніемъ „жертвеннымъ“: обреченный безвременной зиждательной смерти приходитъ къ нему въ его „Вертоградъ на горѣ зеленой“ и проситъ могилы подъ звѣзднымъ кипарисомъ—подъ покровомъ всеусыпляющей Ночи. Исполнено было желаніе („Кормчія звѣзды“, 362)...

Вертоградъ мой на горѣ высокой,
Въ немъ сию подъ звѣзднымъ кипарисомъ—
Слезъ не лью, утѣшний. Шепчутъ вѣтви;
Звѣзды внемлютъ. Тихи вѣтви; звѣзды
Имъ поютъ. Дрожать, какъ струны, корни
Въ голосъ имъ. Гора звучитъ созвучно
Небесамъ... И снова шепчутъ вѣтви...
Звѣзды гаснутъ. Край небесъ свѣтлѣетъ.
Изъ-за края моря брызжетъ солнце...
Гостя ликъ сіяетъ предъ очами...
Смотритъ въ очи милостное солнце.

Нельзя было не привести заключительныхъ стиховъ этого дивнаго ноктурна, въ столь торжественно-тихихъ аккордахъ преображающихъ нѣгу жертвенной самоотдачи и зиждательной смерти. Но болѣе близко духу поэта то другое преображеніе діонисіазма, ярост-

ное, созидющее въ чувствѣ полноты мига непосредственно передъ его разрушеніемъ истинно трагическое настроеніе. Это и есть мотивъ Фаетона, мотивъ Орфея; но нигдѣ поэтъ его не воплотилъ такъ смѣло и такъ ярко, какъ въ образѣ еессаалійца Еврипила—одной изъ немногихъ своихъ балладъ („*Cog ardens*“, I, 31). Здѣсь полиѣе, чѣмъ гдѣ-либо, съ Діонисомъ сочетался Гераклитъ, мистическое изреченіе котораго о „судѣ огня“ дало и эпиграфъ стихотворенію. Сюжетъ заимствованъ изъ темной патрейской легенды, сообщаемой Павсаніемъ (VII, 19, 6): „Когда Иліонъ былъ взятъ и эллины стали дѣлать добычу, Еврипилъ сынъ Евемона, получилъ ларецъ; а было въ томъ ларцѣ изображеніе Діониса, произведеніе, какъ говорятъ, Гефеста, данное Зевсомъ въ даръ Дардану (родоначальнику троянскихъ царей). Говорятъ еще, что Кассандра подбросила этотъ ларецъ на горе тому изъ эллиновъ, который его найдетъ. И вотъ Еврипилъ вскрылъ ларецъ, увидѣлъ изображеніе и тотчасъ лишился ума“. Для нашего поэта безуміе Еврипила могло быть только діонисическимъ безуміемъ ясновидящаго, такимъ, въ которомъ его прозрѣвшій умъ постигъ таинство зиждательной смерти, всепоглощающаго ради всесозиданія огня. А если такъ, то

Пойте пагубу сраженій,
Торжествуйте съвы съчъ!
Правосудныхъ расторгеній
Лобызайте алый мечъ!

Огневого воеводы
Множьте, множьте легіоны!
Кто прильнулъ къ устамъ свободы,
Хмелемъ молній упоенъ.

IV.

Діонисически-гераклитовское міросозерцаніе ведетъ послѣдовательно къ идеѣ эстетическаго, не этического оправданія міра, или, что одно и то же, къ идеѣ этической безцѣльности мірового становленія. „Міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобъ можно было жить“,—нашъ поэтъ приводитъ гдѣ-то эти извѣстныя слова Бальмонта; но это оправданіе міръ носитъ въ себѣ, въ самомъ прекрасномъ процессѣ своего становленія, а не въ какой-нибудь нравственной цѣли. Растерзанный титанами Діонисъ вновь возсоединяется самъ съ собою; но когда наступитъ „полюта мига“ этого возсоединенія, „сердце вновь измѣнитъ счастьемъ, нектаръ цѣльный разольетъ“. Итакъ, что же такое міровое становленіе? По Гераклиту—забава бога; Эонъ—это мальчикъ, играющій въ шашки; такъ гласитъ его знаменитая притча. Точно такъ же и его послѣдователь Ницше сорвалъ завѣсу съ таинственно-страшной міровой Воли Шопенгауэра—и передъ его уже не испуганными, а смѣющимися глазами предстало зрѣлище всемірной, безконечной пляски, предсталъ Зара-

тустра-плясунъ, стряхнувшій со своихъ легкихъ плечъ „яро цѣлей“. По той же стезѣ пошелъ, наконецъ, и нашъ поэтъ; такова, по крайней мѣрѣ, одна изъ уловимыхъ идей, вздымающихся въ туманномъ морѣ его символической трагедіи „Танталъ“. Герой похищаетъ у боговъ кубокъ безсмертія, удѣляетъ его своимъ единомышленникамъ и пьетъ изъ него самъ; но когда тѣ его спрашиваютъ, что онъ, безсмертный и богъ, онъ, Танталъ-Солнце, будетъ дѣлать со своимъ безсмертіемъ, онъ, просвѣтленный наитіемъ Діониса, отвѣчаетъ:

Плясать

Я буду, други! И поить безсмертіемъ
Изъ этой чаши—нѣтъ въ безсмертной чашѣ дна!
Вы, други, будете царить, а я—плясать,
Скитаясь долу! Упоенный сонмъ со мной
Содружниковъ, сочеловѣковъ, собоговъ—
Прекрасный сонмъ, богоявленный, гордый сонмъ!..
Вы жъ стерегите свой вѣнецъ: они встаютъ,
Какъ лѣсъ дремучій—и со мной заплещетъ лѣсъ!
Смѣется Танталъ! Пляшетъ съ нимъ его печаль,
Его „Довольно!“ словъ прощальныхъ—и его
„Приди!“ обѣтованьямъ Адрастеннымъ.

Вездѣ ли остался онъ вѣренъ этой идеѣ красивой безцѣльности и безпредѣльной пляски? Я лично ни мало не поѣтовалъ бы на него и за измѣну: пусть глаза отдыхаютъ на ней—сердцу хочется большаго, хочется чего-то немыслимаго и непредставимаго, но страстно чаяннаго и возлюбленнаго. А поэту позволительно отдаваться и противорѣчивымъ настроеніямъ и чаяніямъ. Только былъ ли В. Ивановъ вполне поэтомъ, когда онъ создавалъ свою мыслительски глубокую поэму „Сонъ Мелампа“ („Сог ardens“ I, 98)? Да, былъ; и воспроизвелъ онъ свой собственный діонисическій сонъ о Діонисѣ растерзанномъ и Діонисѣ возрожденномъ, о змѣяхъ Геи, змѣяхъ женскаго порядка, змѣяхъ-причинахъ, но и... о змѣяхъ Зевса, змѣяхъ мужскаго порядка. Кто они? Это

Намъ—женихи глубокихъ небесъ, обрученные змін
Цѣлей святыхъ. Ибо каждой изъ насъ уготовленъ на нивѣ
Пламенной той, что кудрями главу облегаютъ Кронида,
Ярый супругъ. Совершатся судьбы, приведутъ гимени:
Всѣ мы, утробы земли, сочетаемся съ жалами неба.

Но вотъ проснулся вѣщій сновидецъ, вспомнилъ другой свой сонъ, сонъ вѣчной пляски и красивой безцѣльности... Какъ же такъ? Цѣли и безцѣльность? Задумался—и сочинилъ въ прозѣ примѣчаніе къ poemѣ: „Сонъ Мелампа“.

Да, этотъ двойной порядокъ змѣиной породы былъ правиленъ, есть потокъ и встрѣчный потокъ, есть Роя и Антирроя; „но вопреки тексту поэмы, я отождествляю понятіе Антиррои съ понятіемъ цѣлесообразности лишь условно и предпочитаю опредѣлить первое просто, какъ встрѣчную причинность“. Итакъ, не *finis*, а только

causa finalis; конечно, разъ мы въ области метафизики, то субтильную дистинокцію всегда найти можно, чтобы загладить противорѣчіе. Но я предпочитаю вѣрить, что „Сонъ Мелампа“ тоже явился изъ роговыхъ вратъ, предпочитаю признать въ немъ тоже своего рода антиррою и сохранить въ ихъ неприкосновенности оба противорѣчивыхъ діонисическихъ чаянія.

V.

Въ краткомъ очеркѣ всего не перескажешь. Я остановился на двухъ кормчихъ звѣздахъ В. Иванова,—или, пожалуй, трехъ, такъ какъ къ Діонису и Гераклиту необходимо прибавить еще и Ницше, сіяющаго не однимъ только отраженнымъ свѣтомъ тѣхъ двухъ. Но ихъ гораздо больше: тутъ и Данте, Петрарка, Леопарди, и Гете съ Новалисомъ, и Байронъ и Бетховень; встрѣтимся даже и съ „ботаникомъ зла“. Хотѣлось бы однако указать еще на одну звѣзду, — звѣзду первой величины. Безъ нея В. Ивановъ не былъ бы исполнителемъ тѣхъ надеждъ, о которыхъ я говорилъ въ моей вышеприведенной вѣщей замѣткѣ. Это — русская народность.

Діонисическое міровоззрѣніе, жертвенность, зиждательное страданіе и зиждательная смерть—они давно слились съ атмосферой, которую отчасти впиталъ въ себя, отчасти изъ себя родилъ „край родной долготерпѣнія“. И В. Ивановъ, какъ вѣрный сынъ этого края, нашелъ въ діонисіазмѣ именно эту черту, мало выдвинутую цвѣтущимъ эллинствомъ. Странно встрѣтить среди стихотвореній, посвященныхъ „Діонису“, въ качествѣ второго то, которое озаглавлено: „Аскетъ“. Но нѣтъ, такъ должно было быть („Кормчія звѣзды“, 45).

Я—жертва—жертвенникъ творила:
Достойны жертвъ дары мои!
Я міръ слезами напоила:
Ихъ сплавить въ людяхъ жаръ горнила
Въ восторги вѣчные любви!

„Жаръ горнила“! Конечно, вѣдь Діонисъ—это огонь, мы это уже знаемъ.

И тутъ Діонису-огню подаетъ руку древнерусская міеологія съ ея культомъ огня и солнца. „Какъ зарница по поднебесью гуляла“ („Кормчія звѣзды“, 43), „У меня ль, у заряницы, златъ вѣнецъ“ („Сог ardens“, 131)—и такъ далѣе. Эта нотка нашла полный и богатый отзвукъ въ сердцѣ поэта-ученика: я разумѣю первый стихотворный опытъ, внушившій столько надеждъ, Сергія Городецкаго. Теперь и у него уже явились ученики; русско-народный діонисіазмъ завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ современной поэзіи.

VI.

Но Діонисъ—это символъ, а символъ—это сверхполнота представленія. Символическая рѣчь не наливаетъ вамъ по каплямъ именно столько, сколько нужно для вашего сознанія,—она ударяетъ въ него волнами, и каждая волна, приливъ отливаетъ и, отливая, оставляетъ въ вашемъ сознаніи осадокъ; этотъ осадокъ—это и есть то, что нужно. О символизмѣ, какъ стилѣ, много говорили и еще больше писали; мнѣ дѣло представляется такъ, при чемъ прошу не смущаться прозаичностью моей притчи.

Древняя фармакопея стремилась знать „всѣ зелья, какія рождаетъ кормилица земля“; каждое имѣетъ свою цѣлебную силу, но извлечь эту силу она предоставляла самому организму, въ который она вводила данное цѣлебное зелье. Новѣйшая фармакопея извлекаетъ эту силу сама; гдѣ древняя прописывала „мяту“, тамъ новѣйшая прописываетъ „ментолъ“. Что такое ментолъ? Это—цѣлебная сила мяты, изъ нея извлеченная; кромѣ него, мята содержитъ еще другія составныя части—клѣтчатку, бѣлковыя вещества, соли. Не онѣ важны; но древняя фармакопея, имѣвшая только мяту, поневолѣ и ихъ давала пациенту, предоставляя ему самому выдѣлить ихъ силой своего организма. Итакъ, мята—это сверхполнота, это символъ; ментолъ—это извлеченность, отвлеченность, абстракція. Съ нашей точки зрѣнія древняя фармакопея была символической, новѣйшая—отвлеченной.

То же самое относится къ языку—и здѣсь приходится вспомнить о красивомъ и глубокомысленномъ разсужденіи Ницше подъ заглавіемъ „объ истинѣ и лжи во внѣнравственномъ значеніи“ (Werke, X, 15, 9 сл.). Мы говоримъ о „силѣ“, но силы я не вижу, я вижу только предметы, въ которыхъ эта сила проявляется; и если я живу въ первобытной обстановкѣ, то сила будетъ для меня нераздѣлима съ ея самыми сильными живыми носителями, со львомъ или быкомъ; я скажу „быкъ“ тамъ, гдѣ мнѣ нужно сказать „сила“. Въ представленіи „быкъ“ много составныхъ частей и помимо „силы“: тамъ и „ростъ“, и „вѣсъ“, и „бурость“ (или „бѣлость“ и т. д.), и „четвероноготь“, и „рогатость“, но я предоставляю своему слушателю самому ихъ отбросить и сохранить въ своемъ сознаніи только то, что нужно, а именно „силу“. Ну, а развитой языкъ самъ извлекаетъ изъ быка и прочихъ носителей силы это ихъ свойство, онъ создаетъ понятіе „сила“, эту великую ложь,—по Ницше,—смѣнившую съ тѣхъ поръ древнюю истину непосредственного представленія. Для разумѣющаго „силу“—„быкъ“ будетъ сверхполнотой, будетъ символомъ. Итакъ, все изначальное было символическимъ, все развитое стало отвлеченнымъ.

Отсюда видно, что символическая рѣчь—самая естественная рѣчь для діонисически настроенной души; ибо діонисизмъ, это возвращеніе къ изначальности, это отреченіе отъ „лжи“ понятій въ

пользу „истинности“ представлений. Этимъ однако еще не все сказано: психологія символизма гораздо глубже.

Я сказалъ только что, что символизмъ—это сверхполнота представлений; это опредѣленіе нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи. Въдѣ само по себѣ это свойство въ умѣ разсудительнаго человѣка можетъ сойти за недостатокъ. На что этотъ переизбытокъ? Повидимому, новѣйшая фармакопѣя поступаетъ вполне правильно, извлекая изъ мяты одинъ ментолъ и жертвуя остальными веществами. То же и здѣсь.

Нѣтъ не то же. Не слѣдуетъ забывать, что названная сверхполнота представленія вызываетъ въ душѣ воспринимающаго и сверхполноту чувства, а съ него такой подъемъ, который немислимъ при рѣчи несимволической, дающей именно столько, сколько нужно. Игра приливающихъ волнъ меня радуетъ и крѣпитъ совершенно независимо отъ ихъ осадка, хотя этотъ осадокъ и есть то, что мнѣ нужно въ данную минуту. Пусть изъ представленія „быкъ“ мой умъ выдѣлитъ только понятіе „сила“; все же его образъ, разъ будучи выраженъ, не пропадетъ для меня безслѣдно, онъ вызываетъ во мнѣ чувства, которыхъ никогда не вызоветъ голая отвлеченность „сила“; и въ этой сверхполнотѣ чувства и заключается цѣнность и прелесть символической поэзіи.

Я во всемъ этомъ отрывкѣ не называлъ по имени нашего поэта, но имѣлъ все время въ виду его одного. Конечно, онъ далеко не единственный символистъ даже и въ нашей литературѣ; но врядъ ли для кого-либо символическая рѣчь будетъ такимъ естественнымъ способомъ выраженія, какъ для этого пророка Діониса.

VII.

А это въ свою очередь отразилось на языкѣ. Языкъ В. Иванова—нѣчто единственное, ни у кого, кромѣ него, не встрѣчающееся, предметъ безпредѣльнаго удивленія для его друзей, но и постоянныхъ насмѣшекъ для его противниковъ.

Дѣйствительно, что случилось съ русскимъ языкомъ, застывшимъ, казалось, въ богатствѣ своихъ словъ и формъ, что случилось съ нимъ въ рукахъ у этого кудесника. Мы опять возвращены къ изначальности, къ періоду творческой молодости языка. Въ горнилѣ діонисіазма плавятся острые грани и отвердѣлыя поверхности словъ; языкъ вновь становится гибкимъ и способнымъ къ новымъ образованіямъ и сліяніямъ. Въ то же время воскресаетъ и то, что казалось полузабытымъ и даже совсѣмъ забытымъ. Малѣйшая извилина мысли, тончайшая тѣнь представленія ищетъ своего, именно ей нужнаго выраженія и гнетъ, растягиваетъ, спаяетъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ того, что ей нужно. Если бы было принято составлять для нашихъ поэтовъ, какъ для древнихъ, „спеціальные словари“, врядъ ли кто-либо оказался бы по запасу своихъ словъ богаче нашего

поэта. И при такомъ переизбыткѣ вѣчное алканіе—то и дѣло тонкость ощущенія, музыка стиха, игра аллитераціи потребуютъ новыхъ образованій,—и поэтъ беретъ свой молотъ и куетъ, куетъ до тѣхъ поръ, пока изъ элементовъ существующаго не выкуетъ того новаго, которое ему нужно.

Но при всей своей смѣлости В. Ивановъ всегда строго націоналенъ; его переизбытокъ состоитъ либо изъ древнихъ церковно-славянскихъ или русско-народныхъ словъ или изъ имъ же образованныхъ съ помощью русскихъ же элементовъ. Отсюда строгое единство, строгая цѣльность его поэтического стиля; тѣхъ галлицизмовъ, которыми пестритъ, на примѣръ, языкъ его сподвижника, покойнаго И. Θ. Анненскаго, и которые ему прощаются, какъ удивительно соотвѣтствующіе его прихотливой, слегка офранцуженной натурѣ,—ихъ у В. Иванова не найдешь. Конечно, я далекъ отъ мысли, чтобъ всѣ его неологизмы (въ широкомъ смыслѣ) были одинаково удачными, мнѣ очень не нравится одно изъ его излюбленныхъ словъ—„молнійный“ (особенно въ сравнительной степени—„молнійнѣй“), тѣмъ болѣе, что аналогіи родственныхъ образованій „линейный“, „лилейный“ и т. д. доказываютъ его несоотвѣтствіе духу языка; я бы предпочелъ „молненный“. Не думаю, равнымъ образомъ, чтобы слово, „рыжекосмый“ годилось въ эпитетъ легкимъ нимфамъ; я бы его скорѣе примѣнилъ къ Іудѣ Искаріоту или къ сатанѣ. Но это мелочи; въ общемъ же можно только преклониться передъ творческой силой нашего поэта, не находящей себѣ равной даже у самыхъ могучихъ представителей современной русской поэзіи,—поскольку они поэты, а не спортсмены.

Но откуда же взялась эта сила?

Я уже обмолвился объ этомъ. Изъ всѣхъ языковъ нашей европейской культуры только одинъ ею обладаетъ, и притомъ дѣйствительно, въ еще большей степени, чѣмъ даже достигнутая В. Ивановымъ; это языкъ греческій. И нигдѣ словотворная сила греческаго языка не сказывается такъ мощно, какъ въ гимнахъ, посвященныхъ Діонису—въ диѳирамбахъ. Это Діонисовъ огонь расплавляетъ застывшія образованія и дѣлаетъ ихъ способными ко все новымъ и новымъ сочетаніямъ. А изъ поэтовъ-недиѳирамбистовъ только одинъ къ нимъ приближается по оригинальности и силѣ своего творчества въ области слова, это—Эсхиль. В. Ивановъ въ сущности только перенесъ въ русскій языкъ ту діонисическую свободу, которую онъ изучилъ въ твореніяхъ своихъ греческихъ образцовъ; и въ этомъ отношеніи онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ возрожденцевъ, которыхъ требуетъ загорающаяся заря русской умственной культуры.

VIII.

Казалось бы, такой пламенный новаторъ во всей области поэзіи, какъ В. Ивановъ, долженъ былъ и въ ея метрической части прорвать традиціонныя межи; на дѣлѣ же это ожиданіе оправдывается

только наполовину. Если раздѣлить всю область размѣровъ и строфъ на русскую и экзотическую, включая въ первую всѣ тѣ, которыя либо ощущаются нами, какъ родныя, либо путемъ родныхъ же приемовъ могутъ изъ нихъ быть развиты, то мы въ этой русской области находимъ у нашего поэта нормальное богатство, но не переизбытокъ; по крайней мѣрѣ, другіе поэты—Бальмонтъ, на примѣръ, съ его асинаркетами—зашли въ этомъ отношеніи дальше. Самыя глубокия и привлекательныя свои мысли В. Ивановъ высказалъ въ сравнительно очень простыхъ строфахъ.

Другое дѣло—экзотическіе размѣры и строфы; въ нихъ мы можемъ различать античную, романскую и нѣмецкую группы... Не скажу, чтобъ всѣ экзотическія строфы въ нихъ укладывались. Есть у В. Иванова, на примѣръ, и газели, но о нихъ пусть судятъ другіе; для меня это—упражненія на трапеціи, удивительныя по ловкости, но и только. Есть у него затѣмъ и „слоки“ („Прозрачность“, 17), превосходныя по силѣ и таинственности, но, къ сожалѣнію... или, вѣрнѣе, къ счастью, не имѣющія ничего общаго съ настоящими слоками. Это простыя русскія строфы, и я этому сердечно радъ: индійскаго Діониса я и въ искусствѣ не выношу. Нѣтъ, вернемся къ отмежеваннымъ тремъ группамъ.

Античная не болѣе, какъ естественна; можно скорѣе подивиться, что она сравнительно такъ слабо представлена. Къ ней принадлежитъ, прежде всего, тотъ ямбическій триметръ, которымъ написанъ „Танталъ“—написанъ удивительно плавно и естественно: теперь у насъ есть, что сопоставить съ третьимъ дѣйствіемъ—этой драмой въ драмѣ, второй части Фауста. Ну, а затѣмъ—гексаметры, гликоней, алкеевскія и сафическія строфы, подобія асклепіадеевъ; не забудемъ и виртуозныя воспроизведенія хорическихъ строфъ въ переводахъ изъ Пиндара и Вакхилида. Все же я желалъ бы видѣть въ логаядахъ нашего поэта болѣе выдержаннымъ принципъ одинаго ударенія: здѣсь, гдѣ, вслѣдствіе неравномѣрности, не размѣръ опредѣляетъ удареніе, а удареніе размѣръ, неопредѣлимыхъ удареній быть не должно. Возьмемъ стихъ (гликоней) въ родѣ слѣдующаго: „Голубѣющую печаль“ („Прозрачность“, 92); какъ его читать? „Голубѣющую печаль“ или „Голубѣющую печаль“? Только при второмъ чтеніи получится требуемый (второй) гликоней; но откуда намъ знать, что его слѣдуетъ читать именно такъ? Вотъ почему принципъ одинаго ударенія долженъ быть признанъ обязательнымъ. Конечно, его проведеніе повлечетъ съ собою нѣкоторыя стѣсненія—длинные слова, въ родѣ выписаннаго, имъ исключаются. Но вѣдь логаяды вообще не принадлежатъ къ насущному хлѣбу поэта.

Изъ романскихъ формъ болѣе всѣхъ представленъ сонетъ и терцина,—формы трудныя съ ихъ тройными и четверными приемами, но тѣмъ болѣе привлекательныя для такого виртуоза приема, какъ нашъ поэтъ. Можно даже сказать, что онъ иногда увлекается своей ловкостью въ побореніи этихъ трудностей, нарочно отыскивая са-

мья рѣдкія и замысловатыя риѣмы. Впрочемъ, современная поэзія вообще достигла такого совершенства въ этомъ направленіи, что, даже будучи В. Ивановымъ, будешь только однимъ изъ лучшихъ, а не лучшимъ.

Зато нѣмецкая ритмика съ ея произвольнымъ числомъ безударныхъ слоговъ между ударными врядъ ли составитъ цѣнное приобрѣтеніе для нашей поэзіи; мнѣ она кажется противорѣчащей духу нашего языка. Конечно, если В. Ивановъ напишетъ, пользуясь ея приемами, такое чудное стихотвореніе, какъ „Аттика и Галилея“ „Cor ardens“, 62),—

Я видѣлъ храмъ Дѣвы нерукотворный
Гдѣ долинамъ Эдема свѣтитъ ангелъ Гермона,
Паросенонъ златоржавый въ кремль Необорной
Предъ орломъ синекрылымъ Пентеликона—

то часть обаянія естественно перейдетъ и на размѣръ. Но это не доказательство.

Вообще же стихъ В. Иванова поражаетъ своей звучностью, плавностью. Мало кто, какъ онъ, умѣетъ избѣгать шероховатостей красивымъ подборомъ гласныхъ, благорастворенностью согласныхъ, наконецъ, всякаго рода звуковыми эффектами. Къ нимъ принадлежитъ и та аллитерація, которую онъ самъ насмѣшливо называетъ „тягучей“ („Cor ardens“, 149). Она у него рѣдко бываетъ очень замѣтной; такіе стихи, какъ („Cor ardens“, 134)

Пьяный пламень поле пашетъ,
Жадный жатву жизни жнетъ—

критика ихъ не пощадила—составляютъ исключеніе. Обычно она является скромной и стыдливой парой („Прозрачность“, 33):

Рѣяній знаменья,
Вѣяній вѣстницы,
Райскаго каменья,
Легкія лѣстницы—

и кто откажется въ такихъ случаяхъ признать ихъ своеобразную эфирную красоту?

IX.

Въ заключеніе да будетъ мнѣ разрѣшено еще разъ сослаться на мою статью-предтечу.

„Въ настоящее время,—сказалъ я въ ней (стр. 232),—поэтъ античности долженъ быть въ значительной степени и изслѣдователемъ, притомъ изслѣдователемъ добросовѣстнымъ и терпѣливымъ. Тѣ идеи античности, которыя лежали на поверхности и могли быть найдены безъ труда, уже давно восприняты человѣчествомъ; это было въ эпоху перваго романскаго возрожденія, давшаго намъ Шекспира. Уже въ эпоху второго, германскаго возрожденія требовалась

работа заступа, чтобы обнаружить подповерхностный слой античности; еще въ большей степени эта работа требуется теперь для осуществленія третьяго, славянскаго возрожденія“.

Крупное значеніе В. Иванова, какъ одного изъ предвѣстниковъ этого возрожденія, обуславливается тѣмъ, что онъ въ то же время и поэтъ, и изслѣдователь античности. Филологомъ началъ онъ свое поприще, филологомъ остался онъ и понынѣ. Его филологическое изслѣдованіе о публиканахъ на латинскомъ языкѣ (которымъ онъ, къ слову сказать, владѣеть прекрасно), его книга о страдающемъ богѣ (Діонисѣ), его введеніе къ Гомеру показываютъ намъ его именно, какъ добросовѣстнаго и терпѣливаго изслѣдователя античности, этой материнской почвы его идей. Его переводы изъ Пиндара и Вакхилида, о которыхъ уже была рѣчь, являютъ намъ въ счастливомъ сліяніи филолога и поэта и заставляютъ жалѣть, что онъ сравнительно такъ мало посвятилъ свой талантъ воскрешенію греческой поэзіи въ русской. Правда, онъ принципиально скептически относится къ переводамъ („Прозрачность“, 113):

Затѣмъ, что стихъ чужой—что скользкій богъ Протей;
Не улучшить его охватомъ, ни отгадой...
Милѣй досужій людъ своею забавить сказкой.

Милѣй, не спорю; но творящій долженъ творить то, чего никто лучше него сотворить не въ силахъ. Всѣ указанная свойства В. Иванова намѣчаютъ его, какъ будущаго переводчика Эсхила—и именно поэтому онъ отъ этой задачи уклониться не въ правѣ. Въ этой области слѣдуетъ сказать: кто можетъ, тотъ и долженъ. Этимъ не высказано пренебреженіе къ „своей сказкѣ“ нашего поэта; никто, прочитавъ настоящій очеркъ, меня въ этомъ пренебреженіи не обвинитъ. Но если есть кто-нибудь, передъ кѣмъ ему не стыдно будетъ преклониться, то это—поэтъ-жрецъ античной трагедіи; и если есть заслуга, которой онъ можетъ превзойти свои понынѣшнія заслуги, то это—возсозданіе Эсхила въ русской поэзіи.

Вячеславъ Ивановъ.

Андрея Бѣлаго.

I.

Творенія Вячеслава Иванова стали предъ нами труднѣйшимъ, мудрѣйшимъ, „крутѣйшимъ“ экстрактомъ культуры не оттого, что облекъ онъ заданія свои въ утонченныя сложныя формы, а оттого, что обиліе граней его, изъ которыхъ отдѣльная грань представляетъ собой красоту простоты,—волятъ встать передъ нами въ одновременномъ охватѣ; теряемся мы; нѣтъ активности въ насъ и нѣтъ воли вниманія къ странному міру его, гдѣ огромность перспективъ сочетается съ тщательнымъ совершенствомъ деталей; парить въ облакахъ мы привыкли; привыкли разсматривать въ лупу деталь; ни видѣть деталей пареній, ни воспарять сквозь детали еще не умѣемъ.

Его книги проходятъ предъ взоромъ величіемъ замысла, покрываемого инкрустаціей мелкой работы, напоминая слоновъ изукрашенныхъ золототканными пологамъ и влекущихъ увѣсистый шагъ своихъ ритмовъ по инкрустаціямъ словъ; сытый роскошью, данной отъ Бога ему похищаетъ, какъ Танталя на пирѣ боговъ, свои образы онъ; мы же, критики, уподобляясь Иксиону и Сизифу, то крутимся въ вихрѣ его созерцаній, томясь этимъ вихремъ, то подымаемъ обиліе образовъ, точно тяжкій утесъ намъ упавшій на плечи.

Въ сочетаніяхъ многообразья даровъ съ неумѣніемъ ихъ возвести въ простоту совершенства вскрываетъ трагедію онъ александрійской культуры, непонятой нами; периферическое выраженіе ея есть эклектика; бранный оползень „синтеза“, передъ нами разсыпанный щебнемъ изъ догмъ, поученій и сектъ, на протяженіи столѣтій скрываетъ онъ тайну истоковъ души, не сумѣвшей осуществить печать духа въ каркасахъ всесвѣтнаго синтеза и въ расщеплахъ сознанія.

Въ Александріи вставала задача неописуемой сложности: выявить всеединого духа—конкретно; „душевное“ взятіе Духа (разсудкомъ и чувствомъ) явило расщепъ. Между схемой и чувствен-

нимъ образомъ распять Александріецъ, имѣвшій видѣніе на пути въ свой Дамаскъ о которомъ онъ намъ и не могъ внятно снѣтъ (по условіямъ философіи и мистики того времени): нужно было шестнадцатъ столѣтій искать путей новаго Синтеза, чтобы съ новыми средствами мысли и чувства стоять передъ „тайною“ Александрии, еще не разгаданной; въ ся разгадкѣ грядущее.

И поскольку мы взоръ устремляемъ въ грядущее, въ насъ развиваются и болѣзни „Александрійскаго“ времени, какъ прообразы неизбежныхъ и „дѣтскихъ“ болѣзней духовнаго роста.

Тайна духа не вскрытаго въ произведеніяхъ Александрійской культуры есть „покровеніе“. Откровенія пятнами, образованными въ глазахъ при неосторожной попыткѣ взглянуть въ лицо солнца: пятна мрака на свѣтѣ—глазной катарактъ—есть явленіе временное и оно — неизбежно.

Вячеславъ Ивановъ — Александріецъ XX вѣка не тамъ, гдѣ смакуетъ красоты античности онъ; Александріецъ онъ тамъ, гдѣ въ заданіяхъ нашего времени видитъ онъ прорѣзы будущихъ чаяній; говоря о ядрѣ его личности, мы должны говорить о его антиноміяхъ, неизбежныхъ несовершенствахъ и... срывахъ; легкокрылой гармоніи мы а priori не должны ожидать отъ него. Для себя избираетъ труднѣйшее онъ и его удѣлъ—смерть.

Говорить о его совершенствахъ, желать воскресенія безъ смерти ему мы не можемъ, мы слишкомъ серьезно относимся къ содержанію духовныхъ трагическихъ даровъ имъ развитыхъ. Высшей хвалою ему можетъ быть лишь строжайшая критика; таково его творчество, что оно не вскрываемо въ нѣдрахъ своихъ безъ войны, объявляемой маскамъ его—„совершенству“¹⁾ и „дѣльности“. Объективное изъясненіе путей Вячеслава Иванова—изъясненіе градации углубляемыхъ антиномій; исходя въ антиноміяхъ, онъ умираетъ предъ нами, какъ только поэтъ или только философъ. Пересѣченіе поэта въ мудреца не достигнуто имъ: возможно въ грядущемъ, оно, но... цѣною... трагедіи, почти катастрофы; драмой судьбы говорить его книги.

II.

Антиноміи нашего времени перекрещены въ Вячеславѣ Ивановѣ. Онъ являетъ собою столкновенье даровъ: мистикъ, лирикъ, филологъ, философъ, профессоръ, новаторъ, утонченный скептикъ—въ немъ спорятъ мозаикой, гдѣ отдѣльный камень есть даръ; сумма выглядитъ великолѣпною выставкою; многогранное творчество предстаетъ птицей—Сириномъ: „На суку извилистомъ и чудномъ пестрыхъ сказокъ пышная жилица, вся въ огнѣ, въ сіяньѣ изумрудномъ, надъ водой качается жарь-птица“ (Фетъ).

¹⁾ Объявленіемъ „войны“ теоретнику выполняю свой долгъ передъ „трагикомъ“ моею цѣннымъ и вызвавшимъ собственный рокъ: умереть, чтобы... воскреснуть.

Собесѣдникъ, соединяющій проникающую съ добротой и способностью увлекаться всѣмъ яркимъ, — таковъ онъ въ общеніи; здѣсь „поэтъ“ преломляетъ собою педантизмъ специалиста въ особую зоркую мягкость; въ филологѣ крѣпнѣтъ поэтъ; авторъ книги, написанной на изящной латыни, трактата о Діонисѣ, ученаго очерка „Эпосъ Гомера“ въ годахъ расцвѣтаетъ поэтомъ, мыслителемъ и теоретикомъ русскаго символизма. Специалистъ спѣлъ поэму по многогомію словарей; придавая наукѣ оттѣнокъ фантазіи и создавая фантазіи остовъ изъ фактовъ, сумѣлъ сочетать онъ науку и мифъ; и тенденція къ сочетанію выражаетъ основу души его, антиномичность его раскрывается въ уплотненіи мифическихъ крылій до исторической были.

Сочетаніе мифа науки съ научной основой фантазіи, вписанной въ насъ, вылагается въ цѣмъ многоцвѣтной мозаикой, изъ которой намъ сложены великолѣпія его умственныхъ и душевныхъ картинъ; Вячеславъ Ивановъ проникнуть дыханіемъ пресыщенной Александрійской культуры; Муза — „Сказокъ... жилища“ — въ огнѣ¹⁾, пробѣгающемъ вихремъ образовъ: огнезрящіе, огнесержные легионы духовъ въ огнеструяхъ летятъ, огненосицы жены и огненосцы на огненосныхъ коняхъ низвергаютъ столпаменность огневѣчныхъ пожаровъ, несясь огнеокими, огневержными водопадами мимо²⁾. Коверъ его Музы изотканъ обличьемъ огней — Гераклитовыхъ, или... Логе?

Ни того, ни другого: огней самоцвѣтныхъ каменьевъ.

Пейзажъ Вячеслава Иванова есть мозаика изъ прозрачныхъ и непрозрачныхъ кристалловъ: граненіе, разгражденіе, преломленіе блестящихъ хладно-каменныхъ граней встрѣчаетъ насъ въ пей; Вячеславъ Ивановъ сопутствуетъ всюду своей тяжкогранной природѣ; онъ пишетъ въ стихахъ философію драгоцѣнныхъ камней³⁾, преломлений и отношенія свѣточей къ краскамъ (напоминая намъ Гете)⁴⁾, гдѣ жизнь только радуга⁵⁾, порожденная солнцемъ⁶⁾ гдѣ „я“ раздробляется спектрами двойниковъ всеединого „я“. „Гдѣ я, гдѣ я — по себѣ я возалкалъ: Я — на днѣ своихъ заркалъ“⁷⁾; соединеніе преломлений — Оаворъ: вознесеніе „я“ въ сферу свѣта⁸⁾. Откликнулся онъ контрапункту идей контрапунктами призматическихъ свѣточей; вложена точность фантазіи въ блески, и мысль, какъ алмазъ, охраняетъ ее; вся „Прозрачность“ — нѣжнѣйшая лирика мысли; и — „диссертація въ образахъ“, истощившая точность и движимая въ

¹⁾ Курсивъ всюду мой. А. Б.

²⁾ Словарь „Кормчихъ Звѣздъ“ и „Прозрачности“.

³⁾ См. „Прозрачность“. Вторая книга лирики.

⁴⁾ Idem.

⁵⁾ Idem, стр. 5.

⁶⁾ Idem, стр. 100.

⁷⁾ Idem, стр. 11.

⁸⁾ Idem, стр. 123.

обобщенных стихий; перемещение природы фантазий в мысль (и обратно)—трагедия Лиро-научных поэм.

Пейзаж, соответствующий мысли, построен законом эстетики, извлекаемым из созерцания геометрических форм, где эпипоэтический Бог разграждает миры¹⁾ и скульптурит холмы, выская в них роши из камня²⁾, вершина горы—„грань“ алмаза³⁾, и лилия—бллая, как... асбест⁴⁾; иконостасный закат изливается заревом „цареградской мозаики“⁵⁾ и „гранями сапфира огранена земля“⁶⁾; и выложен купол небесный просвѣтнымъ кристалломъ⁷⁾; небесный пожаръ ясногранно горитъ адамитовымъ камнемъ⁸⁾ и синимъ сапфиромъ⁹⁾, слагающимъ: тяжеловѣсную храмину; и она—огнестолпна¹⁰⁾.

Такъ что блескъ этой „храмины“ есть пожаръ цареградской мозаики изъ адамантовъ и яхонтовъ; не Гераклитовы вихри огня здѣсь летятъ, а стоятъ на столбахъ мозаичныхъ недвижныя огненосицы, не могущія тронуться, не рассыпавшись въ тяжеловѣсную горсть благородныхъ, холодныхъ, блестящихъ стекляшекъ.

III.

Многоцвѣтны личины поэта-филолога—мистика—полиглота—ритмиста; валы за валами бьютъ пѣснями; пѣснь валовъ перекидывается въ чужія нарѣчія; и Вячеславъ Ивановъ садится писать: по нѣмецки¹¹⁾, латини¹²⁾, по гречески¹³⁾; тѣсно ему въ русскомъ метрѣ, обогащаетъ поэзію ритмомъ Алкея и Сафо, размѣрами хоровъ, ямбическимъ триметромъ¹⁴⁾ старо-романскими пѣснями¹⁵⁾, создавая капризы свои (шестистопный терцинь¹⁶⁾), сонетъ въ диаметрѣ и восьмистопный хорей; то онъ мчитъ галопами на восьмистопномъ хорей, то—длитъ ходы ямба, пресыщая спондеями до... Молоссовъ, и создавая въ Анапестъ—Кретики.

1) „Кормчія Звѣзды“. Первая книга стиховъ. Стр. 100.

2) „К. З.“

3) „Нѣжная тайна“, стр. 101.

4) „Cor Ardens“, I ч., стр. 64.

5) „Ibid“ I ч. стр. 79.

6) „Нѣжная тайна“, стр. 54.

7) „Cor Ardens“, I ч., стр. 61.

8) „Н. Т.“

9) „Cor Ardens“, I ч.

10) „Idem“, стр. 24.

11) „Idem“.

12) „Н. Т.“

13) „Cor Ardens“.

14) Размѣръ Алкея и Сафо см. „Кормчія Звѣзды“; и „Прозрач.“; хоровые размѣры см. драма „Танталъ“ Сѣв. цѣты IV, сборникъ К-ва Скорпионъ, 1904.

15) „Cor Ardens“, II ч., стр. 12—15, 46—47, 105—109, 146, 147, 149 и т. д.

16) „Cor Ardens“, I ч.

Многіе, прочитавъ „сны строки“, соглашаются съ ними, и отклоняя капризы ритмической гастрономіи, восклицаютъ другіе: „Переходятъ радужныя краски, раздражая око свѣтомъ ложнымъ“; тѣ и эти — неправы.

Онъ — поэтъ словарей, поэтический сонъ въ немъ — иллюзія; но иллюзія — сухость; у преддверія легконогой науки становимся мы, гдѣ и методъ — ритмиченъ, и миры суть гнозисы. Онъ въ прогнозахъ согрѣтъ теплотой невосшедшей зари, отказавшись отъ прошлой гармоніи отвлеченной науки и легкокрылой поэзіи; и трагедіей пропечатанъ его поэтический и мыслительный ликъ; гдѣ онъ труденъ, какъ лирикъ, тамъ онъ углубленъ какъ трагикъ; и гдѣ миловиденъ, тамъ именно онъ всего ядовитѣй: слѣпить сладкій ядъ; и рой образовъ, освѣтленныхъ „Прозрачностью“, гаснетъ — до одной восьмой доли первоначальнаго свѣта¹⁾; и зрѣтъ въ глазу катарактъ въ аллегоріяхъ горельефной гирлянды золотошечныхъ амуровъ барокко, силетенный съ небесными духами *Style jesuite*,²⁾ гдѣ всѣ розы — розетки, которыя онъ считаетъ за образы тайнъ; между тѣмъ: самонаблюденіе воспаленнаго и налитаго кровью зрачка — это все.

Поводырь слѣнца-лирика, Вячеславъ Ивановъ профессоръ — въ сопровожденіи Ницше и главнымъ образомъ Роде теперь зажигаетъ пожары идей о крушеніи „келейныхъ“ культуръ.

Соединить мысли Ницше съ ученіемъ Августина — нельзя; общины христіанъ, каннибаловъ и мистовъ — несогласуемы вовсе; такъ вступивши на путь, по которому шелъ Манесъ, онъ срывается тотчасъ же, эсотерическій мистикъ; онъ топить въ себѣ геніальнаго теоретика символизма и зоркаго критика (вмѣстѣ съ Вагнеромъ — нѣмецъ, французъ — съ Маллармэ, англичанинъ — въ умѣннѣ пересказывать Байрона).

IV.

Истина есть конкретность, разломы ея въ „всесобытіи“ — абстрагизмъ; сенсуальность — естественное дополненіе абстракціи; недостаточный специалистъ въ философіи, чтобы быть новымъ Гегелемъ, недостаточно измѣнившій себя въ послушаніи (какъ того онъ потребовалъ отъ Оеурга) — являетъ *quaternio terminorum* красотою размаха; да, драма „Сократика“ — въ немъ. Въ танцѣ образовъ, снявшихся съ мѣстъ, что-то силится видѣть „Сократикъ“; и видитъ — пятно изъ лучей, обусловленное приливами крови; его уплотняетъ онъ заревомъ цареградской мозаики.

Неописуемая по глубинѣ и размаху трагедія аномалія передовыхъ пѣвцовъ мысли: предъ колыбелью рожденія въ нихъ ихъ ис-

¹⁾ Отношеніе свѣта къ мраку равно 4 въ „Кормч. Зв.“ и $\frac{1}{2}$ въ „Нижн. Тайнѣ“.

²⁾ „Слѣпы мы на красоту явленій“. *Cor Ardens*, I ч., стр. 112.

конного „я“ — поднимается образъ „сквернѣйшаго челоуѣка“ (это — „духъ земли“ Фауста).

Съ Вячеславомъ Ивановымъ, Фаустомъ нашего вѣка, у граней культуры, любимея заревомъ цареградской мозаики мы, не понимая, что это — зарево пламени, охватившее ветхую „храмину“ — тѣло, палимое молніей духа, упавшаго съ высей и породившаго въ чувствахъ — алчбу: „Твоя душа глухонѣмая въ дремучіе поникла сны, гдѣ бродятъ, заросли ломая, желаній темныхъ табуны“¹⁾; въ сознаніи появляется „Вагнеръ“, (Вагнеръ „Фауста“ — „Вагнеръ“ въ Фаустѣ), алчба чувствъ — „духъ“ земли, непрочитанный духомъ²⁾ но — тѣломъ; а непрочитанный Вагнеръ — предтеча... явленія Мефистофеля: „Съ Протеємъ будь Протей, вторь каждой маскѣ — маской“, то есть, стой передъ нами не нищій, а весь увѣшанный „солицами“³⁾ изрѣченій и золотыхъ пентаграммъ, уподобляясь Фаусту въ монологѣ о томъ, что философія утомила его⁴⁾; духъ земли, появившись на зовы его ужасаетъ, и покидая, бросаетъ „Du gleichst dem Geist, den du begreifst“... Входитъ — „Вагнеръ“: въ халатѣ, въ ночномъ колпакѣ.

Вячеславу Иванову принадлежитъ драма „Танталъ“ и въ ней повѣствуется о страданіяхъ богоборца, повѣшеннаго въ безысходныхъ пустотахъ съ потухшею сферой въ рукахъ; намъ Ивановъ являетъ потухшую сферу огромнаго солнца, которое въ состояніи было бы освѣтить... горизонты грядущей культуры.

V.

Душа возлежитъ въ саркофагѣ изъ тѣла, какъ мумія, оглашающая ночь квадратнаго мрака рѣченіемъ текстовъ, изсѣченныхъ здѣсь; надъ квадратною комнатою — міровой пустотой — взлетѣли массивы камней миллионно пудовою грудой: то — пирамида; она — наше тѣло, внутри — „пустота“ (или — тѣло стихій); „пустота“ отдѣляетъ отъ стѣнокъ массивъ саркофага, выбитаго молоткомъ эгоизма плѣниваго душу; душа — это мумія; въ ночи ей положили папирусъ — повѣствованіе о путешествіяхъ, „Книгу Мертвыхъ“.

Перспектива космическихъ и историческихъ мыслей Иванова есть „пирамида“, таящая „Саркофагъ“, или — „Тантала“, брошеннаго посерединѣ пространства квадратнаго мрака... въ эгоистической „самости“ и пирамида стоитъ передъ нами, какъ... каменный бредъ.

Одинъ молодой египтологъ замѣтилъ: надгробные тексты, пе-

¹⁾ Cor Ardens, стр. 195.

²⁾ „И душа, какъ Сомнамбула, шла въ полуснѣ... И свѣточъ тухъ“... „Все — только звукъ, только зовъ, мощь безъ выхода, воля въ неволѣ... Или: „всѣдневная измѣна, всѣдневный новый станъ: безвыходнаго плѣна, безвыходный обманъ“, Cor Ardens, I ч. стр. 104, 114... „Прозр.“ стр. 90, сюда же о „Слѣпотѣ“. Cor Ardens, I ч. стр. 112, 122, 118, 143, 191, 99 и т. д.

³⁾ Idem.

релетая со стѣнокъ гробницы на саркофагъ непосредственно, обнимаютъ массивы его въ человѣкоподобную форму и высѣкаютъ въ космическихъ, іероглифическихъ надписяхъ постепенно проявленный человѣческій смыслъ.

„Пирамидоло“ выперты въ насъ наши органы тѣла въ космическихъ бредахъ пространства; ощущенія „самости“ въ насъ—„саркофагъ“, заключающій мумію; посерединѣ пустого квадратнаго мрака стоитъ эта самость; она и есть „Танталъ“, повѣшенный въ мировой пустотѣ, ограниченной блещущимъ „Зодиакѣмъ“ (тѣлеснымъ составомъ); мумія саркофага есть „Фаустъ“ (изъ сцены съ лемурами); по просверленнымъ корридорамъ—„артеріямъ“ кровеносной системы—топочутъ Лемуры въ квадратную комнату: въ грудь; и подступивъ къ „саркофагу“—пробившему „самостно“ сердцу—они голосятъ: „Кто это построилъ... такой скверный домъ?“ Мефистофель командуетъ ими: „Сторожите же, толстобрюхіе, въ нижнихъ областяхъ тѣла“... Лемуры стоятъ: сторожатъ Вячеслава Иванова, обступивъ его „сердце“ и снявъ съ него крышку; внутри „сухой муміи“ (въ пустотѣ грудной клѣтки) почилъ синеватый „божокъ“ (клали муміи въ ротъ его): „духъ“, защищенный душой отъ кольца обступающихъ Лемуровъ. Надъ нимъ стали ангелы: „Часть персти... если бы даже была... изъ асбеста... Не было бы въ ней чистоты“. Но „проясняются облачки... сонмъ блаженныхъ младенцевъ“... И ангелы возвѣщаютъ: „Радостно мы принимаемъ его—нынѣ въ состояніи куколки... Снимаемъ съ него пелены“... (окончаніе „Фауста“).

— Совлечемъ же и мы постепенно съ Иванова-Фауста пологи мыслей, играющихъ ритмами самоблещущей метрики; мы услышимъ нѣжиѣйшіе лепеты дѣтскаго недоумѣннаго духа: „Нищъ и свѣтель, прохожу я и пою, отдаю вамъ радость щедрую мою“. Знаемъ: „раки“ Озириса могутъ быть сброшены съ... Горуса, возстающаго изъ „потушенной сферы квадратнаго мрака.

Иванову въ будущемъ могутъ сказать:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen ¹⁾.

VI.

Вячеславъ Ивановъ, когда читалъ у себя на дому курсы лекцій о ритмѣ и метрѣ, вооруженный мѣлкомъ передъ черной доской, онъ—прекрасенъ, когда превращаетъ вопросы просодія въ міровыя картины, не разъ въ разговорѣ съ Ивановымъ я испыталъ ширину кругозора его.

Въ своеобразіи ритмики и словаря его пѣсенъ теряемся мы; за

¹⁾ Заключительная сцена I части „Фауста“.

ства стопы: то прыгучь и задоренъ онъ (въ диметръ), то величавъ (пятистопный хорей), то—летитъ тарантеллою, какъ хорей восьми-стопный; послѣднимъ владѣть Ивановъ, предпочитая ему величавый хорей ¹⁾, хореическій диметръ—слабѣ. Среди комбинацій гексаметра мною замѣчено до пяти комбинацій въ „Кормч. Звѣздахъ“ (стопъ двудольныхъ съ трехдольными) ²⁾; 32 комбинаціи мы находимъ въ гомеровской строфѣ; у Гесиода ихъ 28; у ореиковъ 24; количество гексаметрическихъ формъ упадаетъ стремительно (до пяти) въ Александрійскій періодъ ³⁾; гексаметръ Иванова—александриченъ насквозь.

Ритмъ Иванова организованъ сознаниемъ утонченнаго мастера.

Менѣе организованы рѣзмы ⁴⁾; аллитераціи собраны къ первому звуку словесъ, выдающихъ искусственность звука и позволяющихъ безъ ущерба собирать со строки аллитераціонную корочку, какъ... рачью шейку; физиологія аллитераціоннаго перелива весьма не богата; у Пушкина, Блока она изливается въ ткани строки, переполняя собою все тѣло поэзіи, являя собой перепрыжки, градаціи, переходы отъ группы къ иной смежной группѣ, какъ-то „пл-вл-рв-бт“ и т. д. Для Иванова характерны „Платона—Платаны“ (плтн-плтн) ⁵⁾, въ этомъ ихъ нарочитость; звучитъ ассонансъ не всегда, все же порой высѣкаетъ изящный граверъ утонченныя звучности: „Мощной мѣрѣ горныхъ хоровъ вторитъ откликъ“ ⁶⁾ параллелизмы сопутствуютъ строкамъ. Ивановъ съ мѣлкомъ передъ черной доской—сопровождаетъ себя, какъ поэта, подсматривая вдохновеніе звуками: таково его свойство: едва вдохновится „прозрачностью“—принимается: контрапунктировать слово „прозрачность“ градаціей рѣзмы; вдохновитъ его „роза“—гирляндю „розъ“ обовѣетъ свои строчки ⁷⁾ подумаетъ о гіератикѣ строчки,—уже осыпаетъ страницами насъ гіератической лирики.

Сплетая фантазію съ мыслью, являетъ онъ даръ; это свойство его порождаетъ шедевры изящества; инкрустація строкъ оживаетъ... растительной тканью въ строфѣ: „Ты все стремленье, трепеть страстный, пѣвучій блескъ, глубинный звонъ, восторга вихорь само-

¹⁾ Имъ написано въ „Кормч. Звѣздахъ“ до 23 стихотвореній.

²⁾ Вотъ эти формы: а) DDDSDS б) DSDDDS в) SDSDDS г) DDSDDSS д) DD DDDS.

³⁾ См. Изслѣдованіе проф. Новосадкаго „Объ ореическихъ гимнахъ“.

⁴⁾ Хотя и тутъ мы встречаемъ примѣры изысканности. „Неводахъ—на водахъ“, „Опечалены—челны“, „Повывѣситъ—вывѣситъ“, „Нѣжная Тайна“, стр. 17.

⁵⁾ Примѣры аллитераціи: „Скользкій склепъ“ (ск-ск-ск) „встаютъ вратами валъ“ (в-в-в), „въ срамѣ крови, въ смрадѣ пепла“ (срм-срм) и т. д. Сюда см. „Cor Ardens“. I ч. стр. 38, 62, 43, 109, 196, 38, 62, 63, 40, 41, 42, 44, 49, 50, 63, 64, 78, 111, 121, 150 и т. д. „Прозрачность“ стр. 24, 117, 52, 123, 130; „Кормч. Звѣзды“, стр. 54, 57, 108, 47, 48, 60, 68, 71, 72, 83, 99 и т. д.

⁶⁾ „Кормч. Звѣзды“ стр. 123. Здѣсь: а) м-м, б) р-р-р-р, в) о-е-о-о-о-о, г) ор-ор-ор, д) то-ог.

⁷⁾ На двадцати страницахъ „Rosarium'a“, повторяетъ 115 разъ слово „роза“. См. „Cor Ardens“. II ч. Rosarium, стр. 87—124.

властный, порыва полоненный сонъ" ²⁾. Всѣ газзлы его верхъ изящества; напримѣръ, „Левъ, Ангелъ Абессиніи въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ. Зардѣли своды синіе въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ. На дикой гривѣ вздыбленной, почилъ Господень крестъ, какъ жезлъ, процвѣтшій въ скинии, въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ" и т. д. Кокетливо спрятали рѣзны изысканность окончанія—посерединѣ строки.

Онъ порой создаетъ и „гротески“, какъ и „сирины“ звуковъ его, излетаютъ изъ тѣхъ же заданій они: изъ заданія сочетать гранный методъ съ безгранностью мѣта; что многимъ вмѣнится въ вину, то ему—сходитъ съ рукъ, потому что искусственность Вячеслава Иванова—непосредственна въ немъ; истекаетъ онъ изъ его души въявь—емъ сказки; и сонъ—„Словарь Даля“.

Двѣ линіи расходящихся пѣсенъ текутъ изъ души, перекинутой межъ двумя берегами сознанія; одна течетъ... къ Тютчеву; къ Третьяковскому упадетъ другая ¹⁾.

²⁾ „Прозрачность“, стр. 56. Сюда же, напримѣръ, „Душа, когда ея краѣ исполнить солнечная сила, глубокий полдень затая, не знаетъ дѣйствительнаго пыла“. „Прозрачность“, стр. 58.

¹⁾ Вотъ удачѣйшія стихотворенія „Корм. Звѣзды“: „Невѣдомому Богу“, стр. 46—50. Много внутреннихъ рѣзмовъ. Отдѣлъ „Въ челнѣ по морю“, стр. 149—154. Великолепны здѣсь образы моря. „Зарница“ стр. 73. „Поль дровомъ кипариснымъ“ стр. 75. „Терпандръ“, стр. 115. „Дни недѣли“ стр. 119. „Богиня“, стр. 137. „Чудесныя великолѣпныя кумы“, стр. 113, хорошъ весь отдѣлъ „Thalassia“ изобилующій водой. Въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ великолепны всѣ образы позднего благополучнаго эллинизма исполненнаго эпикурейскимъ спокойствіемъ.

Къ удачѣйшимъ стихотвореніямъ „Прозрачности“ слѣдуетъ отнести „Хмель“, стр. 37. „Дриады“, стр. 23. „Долина — храмъ“, стр. 8. „Душа сумерокъ“, стр. 9. „Ганимедъ“ стр. 137 и „Орфей“. Последніе два отдѣла принадлежатъ едва ли не къ лучшимъ созданіямъ Вяч. Иванова. Стихотворенія эти приподымаютъ завѣсу надъ тайною души эллина. Прелестна дикая „Bethoveniana“, прелестно, какъ вздохъ вѣтерка стихотвореніе „Дафнисъ и Хлоя“: здѣсь данаковка лучей солнца лѣтнимъ полуднемъ и т. д.

Къ прекраснымъ стихотвореніямъ „Cor Ardens“ I части относимъ мы: „Весенняя оттепель“, стр. 119. „Ливень“, стр. 120. „Осень“, стр. 120. „Терпишь къ Сомову“, вызывающіе образы Ватто и передающіе „сомовское“ отношеніе къ міру съ большою рельефностью, нежели самыя картины Сомова, стр. 140. „Палатка Гафиза“ — эпикурейство, изысканная помѣсь изъ арабскаго стиля и XVIII столѣтія, забавляющагося разсказами о „восточной нѣгѣ“, стр. 159. „Менала“ стр. 7; во второй части „Cor Ardens“ рекомендуемъ вниманію „Газзлы о розѣ“, стр. 93—97, уснащенные всѣми великолепными персидскаго орнамента и распускающія передъ нами свои „павлиньи хвосты“; подлинная красота „Газзель“ не мистика ихъ, а „Style oriental“; далѣе „Tutris“ „Евигнеа“, стр. 172. „Бельтъ“, стр. 179—181 (едва Вяч. Ивановъ коснется моря, какъ въ немъ слышится размахъ крупнаго лирика!). Поэма „Феофилъ и Марія“, сомнительная по темѣ, великолепна по красочности и прозрачности пейзажа.

Хороши въ „Нѣжной Тайнѣ“, „Троетіонъ“, „Блоку“, „Предгорье“, „Нѣжная Тайна“, „Библиофилъ“ и т. д., стр. 10—13, 16, 52, 79, и т. д. Вполнѣ неудачны (гротески) въ „Кормч. Звѣздахъ“: „Земля“, „Зеркало чаянія“, „Себя забывшіе“, „Вожатый“, „Врата“ и т. д. стр. 67, 87, 89, 99, 295—302. Въ „Прозрачности“: „Крестъ зла“, „Возвратившіе“, „Яценку“ и т. д. Въ „Cor Ardens“ I ч.: „Assai palpitasti“, „Солнце-двойникъ“, „Язвы гвоздиныя“, стр. 18, 44. Въ „Cor Ardens“ II ч.: „Crux Florida“, „Rosa in Spice“, „Солнце-Перстень“, стр. 156, 129—141. Въ „Нѣжной Тайнѣ“: „Сонъ“, „Уходъ царя“ и т. д.

По Иванову слово есть символъ; метафора; какъ таковой, оно—внутренне, и вырастаетъ изъ опыта произнесеній, молитвъ, какъ цвѣтокъ изъ земли; въ воображеніи возникаетъ оно воспоминаніемъ о событіи космической жизни, запечатлѣнномъ въ народѣ; мифично оно; но сказать нельзя въ ветхомъ словѣ: *quaternio terminorum* сопутствуетъ выявленію логической мысли; Новалисъ и Тютчевъ изъ глубин молчаній растятъ намъ цвѣты; и поэзія ихъ, какъ сомнамбула подъ покровами ночи слагаетъ свой знакъ нѣмоты; это—символь, взрывающій воспоминанія въ насъ о событіи космической жизни, и въ немъ—зерно мифа; искусство, основанное на символахъ, есть символика религиозныхъ реальностей; логику съ глубиной нѣмоты сочетаетъ она; здѣсь, въ символикѣ—вскрытіе слова и прорѣзы путей; здѣсь, въ метафорѣ,—созрѣваетъ младенческий мифъ, прорѣзаясь сквозь коросты внѣшнихъ канонѣвъ эстетики и питаясь послушаніемъ поэта пути его жизни; индивидуумъ, разрывая со внѣшнимъ канонѣмъ въ келейныхъ исканіяхъ ищетъ подхода къ внутренне всенароднымъ словамъ; міры символовъ—рудименты; они развиваются въ органы новой, сверкающей жизни, которой слѣды ощущаются въ мифѣ уже; нынѣ вновь изживаемъ мы истину мифѣвъ античности, гдѣ пока опочилъ новый творческий мифъ; оттого-то въ „метафорѣ“, соединяющей образы вѣхаго міра, восходитъ грядущее слово: неологической порослью; творчество словъ—выявленіе религиозной эпохи, въ насъ внутренне крѣпнущей ¹⁾.

Составъ словъ его лирики опредѣляется взглядомъ поэта на слово.

VIII.

Плетясь, обвиваютъ „Прозрачность“, „Cor Ardens“ и „Кормчія Звѣзды“ неологизмы, какъ плющъ, соединеніемъ со словомъ „огонь“ ²⁾ изобилуетъ міръ прилагательныхъ; въ „Корм. Звѣздахъ“ это—метафора, сколоченная въ тяжеловѣсность гротеска: „Молотобойный“ или „скрежетопильный“ ³⁾, какъ табуны носороговъ, гротески топчутъ отъ плоскогорія „Кормчихъ Звѣздъ“; и—забѣгаютъ въ „Прозрач-

¹⁾ Сюда „По Звѣздамъ“, первый сборникъ статей: „Копье Аѳины“, стр. 43—53. Двѣ стихіи въ современномъ символизмѣ. „Поэтъ и чернь“, стр. 33—42. „Предчувствія и предвѣстія“, стр. 189—219. Сюда же „Борозды и межи“, второй сборникъ статей: „Завѣты символизма“, стр. 121, 122—124, 125, 127, 128, 129. „Мысли о символизмѣ“, стр. 154. Сюда же: Эллинская религія страдающаго Бога. Глава III-ья.

²⁾ „Многочадный“, „Стопламенный“, „Огнецвѣтный“, „Пламенноствольный“, „Сребропламенный“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 115, 211, 140, 163 и т. д.

³⁾ Сюда же „Прозрачность“, стр. 4, 7, 23, 65, 85, 61 и т. д. „Кормч. Звѣзды“ стр. 291, 296, 249, 300, 164, 176, 177, 183, 195, 201, 67 и т. д.

ность", встрѣчаясь въ сумеркахъ знойныхъ „Cor Ardens“ ¹⁾; гротески—искусственны: склеены механически; и въ стремлении разломаться обратно на „день“ и на „свѣтлый“ (подобно кентавру) эпитетъ „днесвѣтлый“ топочетъ по строчкѣ ²⁾.

Тяжелый, обломочный міръ представленій, лежащихъ недвижимымъ затормомъ изъ сочетанія двухъ существительныхъ („свѣта мощь“, „чадо сферы“), — бугрясь ужасаетъ ³⁾ гротесками: „мироносными крилами“ и „древле-страдальными“ персями ⁴⁾; нагроможденіе двухъ существительныхъ оттого, что „титано-убійцы“ хотятъ разломаться и стать лишь „титановъ убійцами“ ⁵⁾.

На протяженіи всѣхъ лирическихъ книгъ проплавляетъ въ единство поэтъ свои дѣтища, напоминающія кентавровъ; въ процессѣ проплава сперва, не сливаясь, срастаются въ двоесловія, гармонично „звучащія“ („крутобокіе паки“) ⁶⁾ его неизящныя двоесловія; появляются однословія прилагательныхъ, вызывающихъ тонкія впечатлѣнія: „тугая борьба“, или „красная тризна“ ⁷⁾; они утопаютъ среди двоесловій сперва; и текутъ въ позднихъ книгахъ нѣжнѣйшими лепетами; этихъ лепетовъ болѣе всего въ „Нѣжной Тайнѣ“; появляются неологизмы (какъ „дѣвій“, „безнорый“, „охладный“ ⁸⁾) и необычныя сочетанія обычнаго слова („умильныя предомленія“) ⁹⁾ и т. д.

Брызнувши, славянизмомъ, какъ „пря“ и „кошница“ ¹⁰⁾, словарь существительныхъ образуетъ затормы „нагорій“, „прилукъ“, „поймъ“, „разлоговъ“, „упрягъ“ и „окрѣпъ“ ¹¹⁾; образуетъ затормы другъ съ другомъ „узилище міра“ „зыкъ боя“ ¹²⁾—затормы, черезъ которые ску-

¹⁾ Напримѣръ. „Круговратная ночь“, „Крупнолистый листокъ“, „Cor Ardens“ I ч. стр. 12, 32.

²⁾ „Кормч. Звѣзды“, стр. 203.

³⁾ Или: „Прагъ тьмы“, „Прагъ вилль“, „Желчь потира“, „Зовъ гибели“, „Ртуть озеръ“, „Перлы тучъ“, „Мрежи росъ“, „Молий пламенникъ“, „Днеирамбъ ногъ“ „Кормч. Звѣзды“, стр. 291, 249, 296, 300, 164, 176, 183, 195, 201, 67 и т. д.

⁴⁾ „Кормч. Звѣзды“, стр. 61, 48, 49.

⁵⁾ „Кормч. Звѣзды“.

⁶⁾ Сюда, напримѣръ, „Мѣдно-стропильный храмъ“, „Тонко-ствольная чаша“, „Свѣтоносная Гея“, „Черноногий Мелампъ“, „Чернокосмый буйтуръ“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 47, 54, 110, 177, „Cor Ardens“, I ч. стр. 78, 98 и т. д.

⁷⁾ „Кормч. Звѣзды“, стр. 54, 57.

⁸⁾ „Нѣжная Тайна“, „улыбчивый“, „гиперборейскій“, „укромный“, „звончатый“, и т. д. стр. 11, 16, 19 и т. д. Сюда, напримѣръ, „Прозрачность“, стр. 76, „Cor Ardens“ I ч. стр. 71, 103, 146, „Нѣжная Тайна“, стр. 32 и т. д.

⁹⁾ Сюда же „Подходимныя змѣи“, „Ледяныя звѣзды“, „Потусклые мысли“, „Желѣзная тризна“, „Сладкая лазурь“, и т. д. „Прозрачность“, стр. 28, 30, 57, 76, „Cor Ardens“ I ч. стр. 98, 99, 100, 131 и т. д. „Нѣжная Тайна“, стр. 12, 19, 85 и т. д.

¹⁰⁾ „Биссось“, „дшеръ“, „храмина“, „зерцало“, „вертоградъ“, „топъ“, „прагъ“, „мрежи“, „лебрь“, „парды“, „гладъ“, „млатъ“, „персть“, „выя“ и т. д. „Кормч. Зв.“, стр. 165, 170, 203, 206, 209, 211, 271, 291, 295, 297, 350, 296, 299, 300, 301, 311, 295, 43, 33, 132, 49, 96, 29 и т. д.

¹¹⁾ „Кормч. Звѣзды“, стр. 5, 72, 74, 112, 167, 297, 306, 335 и т. д.

¹²⁾ Сюда „Кормч. Звѣзды“, стр. 47, 32, 52, 109, 123 и т. д.

дно текутъ „безглагольные“ глагольные ручейки, сдвливаемые плоскогорьями существительных, не процвѣтающихъ образомъ; силу дѣйствія образа въ этомъ случаѣ возмѣщаетъ количествомъ образовъ нашъ ученый поэтъ: „день денницъ“, „небеса небесъ“, даже „око очей“¹⁾; око очей равно „оку“; простѣйшее размноженіе образа не помогаетъ поэту; оно въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ развѣ что „слава надстолбія“ („двусловіе“, употребленное имъ): то-есть оно—аллегорія на столбѣ.

Въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ Ивановъ—поэтъ существительныхъ; ихъ количество превышаетъ количество употребленныхъ глаголовъ... разъ въ десять: типична строка для него „чадамъ боговъ посохъ изгнанья легокъ“, гдѣ нѣтъ намъ глагола и гдѣ четыре образа существительныхъ: „тучъ пожаръ—мракъ безднѣ—и крылій снѣгъ“ въ существительныхъ окремнѣваетъ въ душѣ безглагольно: торчатъ плоскогоріемъ²⁾; 14 существительныхъ, отягченныхъ 7-ю прилагательными и 2 отглагольными формами виснеть на тоненькой нити глагола „пріяла“ въ длинѣйшемъ отрывкѣ: „На блѣдный ликъ“ подъ звѣзднымъ покрываломъ, утѣшнымъ такъ сіяючи лицомъ, даръ золотой: змѣю, хвостъ алчнымъ жаломъ язвящую, сомкнутую кольцомъ,—разлуки даръ, знакъ вѣчнаго начала съ торжественнымъ побѣдныхъ розъ вѣнцомъ“.—(Ликъ, покрываломъ, лицомъ, даръ, змѣю, хвостъ, жаломъ, кольцомъ, разлуки, даръ, знакъ, начала, розъ вѣнцомъ).

— Что?

— „Пріяла“...

Блѣдиорѣчивы глаголы на всемъ протяженіи „Кормч. Звѣздъ“ въ слишкомъ явной тенденціи обернуться страдательной формой³⁾; и часто абстрактны („являль“ или „пріяль“); они констатируютъ фактъ „существительнаго“ („своды сводятъ“); не проникая его динамизмомъ⁴⁾; медлительны въ собственномъ видѣ: „грядеть“ или „цвѣла“⁵⁾.

Пророкъ динамизма и музыкальнаго дѣйствія выступаетъ въ глаголахъ своихъ безъ единого дѣйства; дородная муза его „Кормчихъ Звѣздъ“ возсѣдаетъ въ „бармахъ“, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, какъ въ тяжкихъ веригахъ. Пейзажи словесъ представляются: плоскогоріемъ существительныхъ, гдѣ прыгучія воды глаголовъ мелѣя лѣ-

¹⁾ Сюда: „Кормч. Звѣзды“, стр. 65, 66, 126, 183 и т. д.

²⁾ Сюда, напримѣръ, „Кормч. Звѣзды“, стр. 63, 67, 126, 185 и т. д.

„Пасомы цѣлями незримыми“, „язвимъ раскаяньемъ“, „пугиводимое любовью“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 100, 109, 173 и т. д.

³⁾ Сюда: „блѣдностью блѣднѣють“, „громовикъ не громыхаетъ“, „когтьми когтитъ“, „ключомъ клюетъ“, „пламенѣются пламенники“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 54, 73, 80, 168, 169 и т. д.

⁴⁾ „Благовѣстиль“, „воспрянулъ“, „воскресиль“, „разверзся“, „исполнь“, „вздвигаясь“, „спрядаетъ“, „зиждетъ“, „браздить“, „смирениствуетъ“, „ліеть“, „зрять“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 295, 297, 296, 290, 167, 173, 183, 187 и т. д.

ниво текутъ; и—уходять подь почву; всѣ безтѣнные плоскости пейзажа, гдѣ облака нѣтъ, иззубчились скульптурою „рудобурныхъ“ холмовъ; въ собственномъ смыслѣ пейзажъ, какъ увидимъ мы, соответствуетъ явно пейзажу словесному. Такъ словесное творчество начато имъ.

IX.

Вскорѣ онъ развиваетъ ученіе о глагольности всякаго предиката сужденія: и вниманіе переносится—съ метафоры на глаголь; мы присутствуемъ при удивительномъ зрѣлищѣ: при выступленіи глаголовъ „Прозрачности“ изъ своихъ узкихъ руслъ для потопленія существительныхъ континентовъ; глаголы тутъ—дѣйствуютъ; розы—„дышутъ“; и „шепчется“ боръ; весна плететъ „сѣти улыбокъ“; и „дышутъ, и дрожатъ, и шепчутъ луга“; такъ глагольная численность множится ¹⁾; выпренность пропадаетъ; и мягкою гибкостью дышать они ²⁾ и влажнять существительное, которое испаряетъ, росѣя, воздушныя начертанія: „умиленія“, „окрыленія“, „удольи и т. д.“ ³⁾;

Проецвѣтаніе пейзажа и въ собственномъ смыслѣ вполне соответствуетъ проецвѣтанію пейзажа словесъ (такъ всегда у Иванова); теперь слово „зеленый“ встрѣчается чаще; слово „зелень“, „зеленый“ на протяженіи всѣхъ трехсотъ шестидесяти страницъ „Кормчихъ Звѣздъ“ мною встрѣчено десять лишь разъ; я, воистину, здѣсь—среди кремнистыхъ сухихъ плоскогорій,—набралъ очень тощій букетикъ изъ чахлахъ травинокъ; безъ травинки, безъ облачка въ кристаллическомъ, въ ослѣпительномъ небѣ проходятъ десятки страницъ; вдругъ—обиліе зелени, травъ ⁴⁾, излученій, паровъ: древо жизни—цвѣтетъ; и Дріада въ немъ кроется, покрывается небо то облакомъ зноя, то—мглою паровъ ⁵⁾.

Проецвѣтаніе пейзажа изъ слова поэта о немъ, а проецвѣтаніе слова изъ... проецвѣтающей мысли поэта: о словѣ; съ тѣмъ же бѣлымъ мѣлкомъ передъ черной доской возникаетъ предъ нами опять

¹⁾ „Ужасая, льстила шаткими вѣсами“ (2 глагола, 1 сущ.). „Таятся близится и льнетъ, и льнетъ луна“ (4 глагола, 1 сущ.). „Сердце внемля ждало“ (2 гла., 1 сущ.). и т. д. „Прозрачность“, стр. 52, 55, 56, 49, 71 и т. д.

²⁾ „Теплится“, „улегается“, „зыблется“, „пьетъ очами“, „таится“, „огни занимаются“, „окрыляются“, „преображаются“, „манягъ“, „мрѣютъ“, „лучатся“, „ласкается озеро“ и т. д. „Прозрачность“, стр. 14, 23, 29, 47, 48, 135 и т. д.

³⁾ „Прозрачность“, стр. 4, 5, 16, 27, 30, 41, 76, 80, 97, 35 и т. д.

⁴⁾ „Пронзаютъ перегной мечи стеблистыхъ травъ, зеленыя сосенки“ „покрываютъ“, „зеленые склоны“; здѣсь сплетеніе вязовъ, а тамъ „луговины“, „ты павелики запутала тонкія въ чуткіе сны тростника“; и руины „покрыты плющемъ“; цвѣты всюду: „бѣлолистые тополя“, „лилии“, „яблонь пѣтъ“, „роза злая“ и „оливы“. „Прозрачность“, стр. 147, 36, 153, 41, 23—25, 4, 28, 32, 75, 69, 53, 75, 123, 53, 47 и т. д.

⁵⁾ „Прозрачность“, стр. 61 65, и т. д.

Вячеславъ Ивановъ „профессоръ“; и доказавши словесную магію связи метафоръ со связью суждений въ динамикѣ предиката,—спѣшить сѣсть за письменный столъ; провести in concreto задание творенія „мира“ метафорическихъ дѣйствъ въ контрапунктъ глаголовъ уже не банальныхъ: они пролетаютъ крылатыми птицами; стайки ихъ пролетаютъ въ „Cor Ardens“. Свирѣлить ¹⁾ по новому намъ ²⁾ ³⁾).

Проносится опьянѣніе хмелемъ Діониса: пьянѣть очи, желаніе, полнота, „пьянѣть нектаръ лазури“; пьянѣть сама „Вѣчность“ ⁴⁾).

Такъ легкая муза его „Нѣжной Тайны“ несется на крыльяхъ сіяющихъ птицъ; и разрѣшается многими дѣйствами; и выступаетъ въ глаголахъ своихъ нашъ ученый поэтъ, какъ пророкъ динамизма, Діониса и музыкальнаго дѣйствія.

Х.

Вячеславу Иванову мы обязаны великолѣпнымъ трудомъ о религіи Діониса ⁵⁾; эрудиція оригинальнѣйшей мысли сверкаетъ зарницами фактовъ, бросающихъ отблескъ въ религію; основные вопросы религіи столкнуты имъ съ „Происхожденіемъ трагедіи“ Фридриха Ницше.

Вячеславъ Ивановъ подсматриваетъ бѣгъ изъ Фракіи въ Грецію „кровавого“ Діониса; перебѣгаетъ по культамъ, какъ плющъ по деревьямъ, свѣтлѣя „кровавое“ божество; Аполлонъ отражаетъ набѣги и въ Дельфахъ слагается равновѣсіе между двумя боже-

¹⁾ „Cor Ardens“ I ч.

²⁾ „Мужествовать“, „отронуть“, „осѣнить“, „измѣть“, „звѣздить“, „росѣть“, „умилаться“, „трезвиться“, „смутянить“, „еще окрылиться робѣло“ и т. д. „Cor Ardens“ I ч. стр. 14, 75, 120, 129, 130. „Нѣжная Тайна“, стр. 17, 22, 85 и т. д.

³⁾ Вотъ сравнительная характеристика прилагательныхъ Вяч. Иванова „Кормч. Звѣзды“, „огненосный“, „огнезарный“, „днесвѣтлый“, „древлестрадаальный“, „мѣдно-стропильный“ и т. д. „Прозрачность“—„онѣмѣлый“, „опальный“, „страдаальный“, „зеркальный“, „умильный“, „плавучій“ и т. д. „Cor Ardens“, I ч., здѣсь встрѣчаются двѣ линіи прилагательныхъ: а) сладкій, нѣмнотный, сладимый, зазывный, утомный, истомный, усладный, узывный, б) отсмѣтительный, душный, глухой, слѣпой, темный, нѣмой, мгластый, и т. д.; сочетаніе душевной сладости съ отсмѣтительной темнотой даетъ сладкій ядъ въ настроеніи эпитетовъ. „Нѣжная Тайна“: медлительный, темноволннй, тончайшій, широкошумный, недольный, укронный и т. д. укронная грусть въ неостывшей грозѣ—дѣйствіе-мотивы въ прилагательныхъ. Вотъ глаголы по книгамъ: „Кормч. Звѣзды“—пассивные, страдаальные, глаголы, неокрыленные и давимые славянизмами; „Прозрачность“—все дѣйствія свѣта: лучить, осіявить, теплится, заниматься, свѣтить, сіять, преобразать и т. д.; „Cor Ardens“—двѣ линіи дѣйствій: а) мѣть, изнывать, „по тебѣ исцхннуть“, измѣть, „любовью требовать“; б) нудить, безумѣть, дерзать, прекословить, смутянить, вихриться, дыбиться и т. д. т. е.—сочетанія дерзости въ сладкой истомѣ; „Нѣжная Тайна“—живописанія природы: звѣздить, сочетать, отронуть и т. д.

⁴⁾ „Прозрачность“, стр. 56, 57, 62, 73, 123 и т. д.

⁵⁾ „Эллинская религія страдающаго Бога“, печатавшаяся въ журналахъ „Новый Путь“ и „Вопросы жизни“ 1905 г.

ствами; Діонисъ, признаваясь народнымъ, Діонисъ торжественно вводится, какъ Всебогъ, въ элевзинскую церковь; и въ символахъ виноградной лозы, преломленія хлѣбовъ, причастія въ немъ начинаютъ звучать христіанскія ноты ¹⁾.

Ивановъ вскрываетъ, что эсотерика эллинскихъ культовъ — узнаніе дѣйствія ихъ — въ Діонисовомъ культѣ ²⁾; приподымается самая тайна души человѣческой въ немъ ³⁾; приподымается мрачно-безвыходный фонъ человѣческой жизни; міръ души древнихъ эллиновъ выявилъ правду души ⁴⁾; чрезъ символику Крейцера, углубленную Келлеромъ, прояснились „двуликости“ Діонисова культа, раскрытыя Велькеромъ; въ углубленіи орѣизма, связавшаго съ Ведами лейтъ-мотивъ Діониса („жрецъ, жертва — одно“) мы выходимъ за грани обычнаго міра къ первоистокамъ трагедіи человѣческой личности, тонущей въ мракъ безъ „бога“; Ницше понялъ источники Діонисовыхъ тайнъ ⁵⁾, но не проникъ въ глубину зарожденія источниковъ.

Здѣсь Ивановъ пытается преодолѣть мысли Ницше: въ Діонисовыхъ силахъ — просвѣты сѣдой старины религіозныхъ стихій, истекающихъ изъ раздвоенія „я“ ⁶⁾ и садизма убійства ⁷⁾; за многолічіемъ „бога“ — козла, быка, барса, змѣи, козы, рыбы, — ужасная данность, ревушая мракомъ на насъ; это она соединяла когда то тоскующихъ канибаловъ въ безумныя общины ⁸⁾; изступленія, опьяненія, оргіи создаютъ намъ „бакхантовъ“ (Козловъ); первоначально „бакханты“ — внѣ „бога“; „богъ“ — сонъ, ими созданный; Вакхъ — созданіе вакханалій ⁹⁾ несущихъ повѣтріе сумасшествій по городамъ древней Греціи ¹⁰⁾; „вакханаліи“ — память о древней основѣ религіи безъ бога и плясокъ священнаго Топора; „Вакхъ“ — безликій убійца и жертва ¹¹⁾ живущій въ сердцахъ и исполненный сладострастной жестокостью; изъ почитанія мяса и крови, сліянной съ эксцессами чувственности, перерождались радѣнія „растерзателей“ ¹²⁾, и — заплелись въ плющъ и хмель: Діонисъ расцвѣтвился побѣдами: зеленъ ю душъ, соединенныхъ съ древомъ и послѣ смерти живущихъ въ произрастаніи цвѣтовъ и плодовъ; произошло соединеніе Діониса съ Деметрой ¹³⁾.

¹⁾ „Эл. рел. стр. бога“ Главы: Діонисъ и эллинизмъ. Діонисъ и христіанство.

²⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. II.

³⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. I.

⁴⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. I.

⁵⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. II.

⁶⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. II.

⁷⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. IV.

⁸⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. V.

⁹⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. I.

¹⁰⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. III.

¹¹⁾ „Борозды и межи“, Существо трагедіи, стр. 235—258.

¹²⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. V. „Н. П.“ сент. 1904 г., стр. 59.

¹³⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. V.

Въ углубленіи Ницше Ивановымъ „Діонисы“—внѣбожныя становленія перевоплощеній природы; они—лейтъ-мотивъ христіанства; слияніе ихъ есть слияніе элементовъ природы (земли, воды, воздуха) въ „Космосъ“, который—огонь Аполлона¹⁾.

XI.

Свѣтъ и тьма (Аполлонъ, Діонисъ, Сердце, Солнце)—мотивы изысканной лирики (знаемъ а priori мы) явятъ точную метаморфозу изъ образовъ свѣта и тьмы, пересѣкающихъ лирику въ „границахъ кристаллахъ“, въ пейзажѣ природы Иванова свѣты, цвѣты и мраки въ распредѣленіи красочныхъ пятенъ являютъ борьбу Аполлона и Діониса; взглядъ на драму его атрофируетъ Аполлона (діалогъ) и расширяетъ хоръ зрителей; и казалось бы: въ діонисіискихъ разлившихся сумеркахъ пейзажа его будутъ намъ доминировать темныя, томныя краски, переходящія въ ночь.

Между тѣмъ въ „Кормчихъ Звѣздахъ“, въ „Прозрачности“—блескъ и безоблачный день; атрофировавъ Аполлона въ статьяхъ, онъ его славословитъ въ пейзажахъ: чрезмѣрностью свѣта²⁾.

Пробѣгая градацію взглядовъ Иванова по статьямъ за 14 лѣтъ, видимъ мы: отъ темнотнаго становленія, отъ „какъ“ и примата динамики направляется онъ къ свѣту истины ставшей, статической („Res“ религіи, онтологическій догматъ); отъ Гераклита, отъ Вагнера, Ницше идетъ онъ то къ истинѣ Августина, то къ истинѣ Православія; градація колоритовъ пейзажа его убываетъ: тутъ именно пейзажъ погружается въ мракъ³⁾ и статистика блесковъ и свѣточей „Кормчихъ Звѣздъ“ и „Прозрачности“ намъ рисуетъ картину творимаго космоса красокъ и свѣточей⁴⁾.

Доминируетъ блещущій свѣтъ, все усиливаясь преобладая надъ краскою словъ приблизительно втрое⁵⁾; но этотъ свѣтъ не богатъ словаремъ: онъ блистаетъ абстрактно: „свѣтъ—свѣтитъ“—вотъ

¹⁾ „Эл. рел. стр. бога“, гл. I.

²⁾ Свѣта вдвое болѣе тьмы. Въ „Корм. Зв.“, „Пр.“, I ч. „Cor Ard.“ и въ „Нѣж. Тайна“. Сумма образовъ, связанныхъ со свѣтомъ въ суммѣ словъ равна 945; сумма темныхъ же образовъ, связанныхъ съ суммою словъ, равна 568.

³⁾ Отношеніе между свѣтомъ и тьмою есть „4“ въ „Корм. Зв.“ и въ „Прозр.“ т.-е. $\frac{1}{4}$ пейзажа въ тѣняхъ и, $\frac{3}{4}$ —въ свѣтѣ; отношеніе это въ Cor Ard. I ч. и въ „Нѣжной Тайнѣ“— $\frac{1}{2}$ т.-е. $\frac{1}{2}$ свѣта въ сумеречномъ освѣщеніи этихъ книгъ. Вотъ таблица соотношенія группы словъ свѣта (прозрачный, свѣтъ, свѣтитъ, свѣточь, ясный и т. д.) къ группѣ словъ мрака (мракъ, мгла, сумракъ и т. д.) по книгамъ: „Корм. Зв.“ „Прозрач.“ „Cor Ard.“ I ч. „Нѣж. Тайна“.

С в ѣ т ъ	104	116	67	23
Т ь м а	63	28	94	41

⁴⁾ Вотъ статистика эта для „Корм. Зв.“ свѣтъ—104, блескъ—28, золото—50, серебро—19, бѣлоснѣжность—18, золото—10, драг. камни—18, снѣжное—20, огонь—29, мракъ—28, черное—10, тусклое—19.

⁵⁾ На 450 словъ о блещущихъ свѣточахъ лишь 129 словъ выражающихъ спектральную краску.

что утверждает словарь „Кормчихъ Звѣздъ“¹⁾; и конкретнѣе свѣты „Прозрачности“, крѣпнущіе до образа появленія Аполлона²⁾.

Богъ его міра думъ—Діонисъ и Аполлонъ—міра лирики.

Сфера свѣта, излитаго метаморфозами пламеней въ красочный спектръ матеріальныхъ поверхностей, гдѣ доминируютъ синія и ало-рдяныя тоны³⁾—преобладаетъ; и земли, гдѣ корчутся спины холмовъ, или алая лавы, или синія дали; въ великолѣпія водчествъ⁴⁾ вырѣзываетъ изъ кремней стихотворецъ намъ основы синей земли и синить ея травы⁵⁾; дополненія алому—нѣтъ, дополненія синему—нѣтъ; нѣтъ цвѣтовъ Діониса: и зеленою бѣденъ, какъ пурпуромъ, онъ; нѣтъ оранжевыхъ, розовыхъ, желтыхъ, лиловыхъ, голубоватыхъ тоновъ; синекрасныя росписи въ бѣлоблещущемъ свѣтѣ своей пестротой утомляютъ глаза; мраки—складки тѣней въ плоскогоріяхъ красокъ (лишь четверть поверхности); тѣнею Діонисъ умалется въ краскахъ.

Пѣонъ Аполлону звучитъ.

Въ первой части „Cor Ardens“ огромное измѣненіе: въ распределеніи свѣта; протянута жирная тѣнь: гаснутъ свѣточы⁶⁾; много огня; пробѣденіе бѣлыхъ поверхностей⁷⁾ выступаетъ неявно: во мглѣ, изъ которой, какъ призракъ Гекаты, глядятъ бѣлыя пятны, поэтъ повторяетъ: „Слѣпой. Слѣпота“. Ядовитая нѣга⁸⁾ переплетается со смертью любовь⁹⁾; мглу онъ душитъ искусственно „добровонными“ розами сладострастнѣйшей мистики: „Въ Росалии весеннія святителя Николы украсьте розой, клирику церковныя престолы, обвейте розой посохи, пришельцы, богомольцы¹⁰⁾“. Украшеніе розой Св. Престола приводитъ поэта къ сравненію Таинства Причащенія съ измѣненіемъ томной невѣсты¹¹⁾. Rosarium

1) Слова ясность, прозрачность, лучезарность и т. д. рядки.

2) „Прозр.“, стр. 137.

3) Вотъ суммы красокъ „Корм. Зв. и „Прозр.“: красное—80, синее—76, бѣлое—39, черное—29, зеленое—27, пурпуровое—11, желтое—10, голубое—8, оранжевое—4, фіолетовое—3.

4) Великолѣпія скульптура Ивановскихъ образовъ: „И крестъ на бѣдности озерной подъ рубищемъ сухихъ вѣтвей напечатлѣтъ вырѣзъ черный“ или „этой церкви вѣтхій остоѣ—испостившійся монахъ“, или „какъ вырѣзъ чащи... мгла по золоту“. Нѣж. Тайна“ и „Cor Ard.“, II ч., стр. 194.

5) „Синія земля“, „синія скалы“, „синѣющія долины“, „лазурная Партепопья“, „синѣтъ листь лозы“, „синій боръ“ и т. д. Сюда „Нѣж. Тайна“ стр. 116, „Прозр.“ стр. 58, 75, „Cor Ard.“, I ч., стр. 159, 179, и т. д.

6) Отношеніе свѣта къ тѣмѣ въ „Корм. Зв.“ и „Прозр.“ есть отношеніе 120 къ 90, а въ „Cor Ard.“, I ч., оно есть отношеніе 67 къ 94.

7) Статистика бѣлаго по 4-мъ книгамъ лирики такова: „Cor Ard.“, I ч.—46 бѣлыхъ образовъ; „Корм. Зв.“—21 бѣлыхъ образовъ „Прозрачность“—18; „Нѣж. Тайна“—12.

8) „Сбираетъ яды горькихъ нѣгъ“, „отстоенныя яды“, „ядъ бѣсовъ и корчъ“, „яды... доблестъ волятъ явить“ и т. д. Cor Ard., I ч., стр. 93, 88, 187, 104 и т. д.

9) „Cor Ard.“, II ч. Отдѣлъ: „Смерть и любовь“.

10) „Cor Ard.“, II ч., стр. 117.

11) „Cor Ard.“, II ч., стр. 158.

искусственно озаренъ: изъ лазури исходятъ теперь голубоватые тоны, переходящіе въ зелень ¹⁾, а изъ алости — пророзовѣнія зорь ²⁾; но избыточность розъ нездорова. Избытокъ розъ въ опочивальнѣ душевной ³⁾ не нектаръ ⁴⁾, а — ядъ.

Свѣточъ угасъ въ синевѣ „Нѣжной Тайны“: голубовато-зеленые тоны восходятъ; и — умалается алость; не сине-красныя росписи на бѣло блестящемъ фонѣ встрѣчаютъ насъ здѣсь; голубовато-зеленые тоны поимые тьмою и грустью: Ватто оживаетъ; и „Embarquement“, въ „Grande Nuit“ — тема тристій Иванова, полная смутныхъ призывовъ къ діонисической тьмѣ; Діонисъ приближается грозами; молніей перепоясаны дали грустѣющей Тайны ⁵⁾; но въ это именно время философъ и мистикъ Ивановъ стоитъ передъ нами опредѣленнымъ поборникомъ онтологическихъ догматовъ; и надѣваетъ на темнолонную тьму своихъ чувствъ аполлонову маску.

XII.

Въ періодъ разлитія „ядовъ“ эсотерическихъ мистикъ, Ивановъ второй, учитъ: древность немыслима внѣ преемственныхъ знаній о Богѣ; и къ общинѣ „маговъ“ должны повернуться новаторы: новый міръ предисчисленъ; Корнелій Агриппа въ пятнадцатомъ вѣкѣ гласитъ о событіяхъ двадцатаго вѣка; и элексиры динамики жизни таятся въ нетлѣнномъ футлярѣ Онтологической Формы; законъ становленія — въ ней, а этапы возврата къ закону есть путь посвященія въ іерархію цѣнностей (a realibus ad realiora); дано, что религія — знанье Реала, который искусство копируетъ лишь въ матеріалѣ предметовъ; и правда о Богѣ передается изъ общины въ общину ⁶⁾; отъ мудреца къ мудрецу — по вѣкамъ и „что“ всякой истины намъ первѣе, чѣмъ „какъ“, ея правда — въ „догматахъ“: въ нихъ уже данъ установленный строй іерархіи, истекшій отъ Бога.

Такъ учитъ Ивановъ... изъ тьмы пейзажей, переплетая со смертью любовь, и искусственно прыскаетъ изъ пульверизатора въ мглу Діониса струею „Уайтъ Розы“; и Діонисъ, вопреки всѣмъ словамъ его, грозами близится, напоминая ему его прежнія истины. Вотъ эти истины:

— „Богъ“ — порожденіе Діонисовыхъ силъ въ человѣкѣ; онъ — „миръ“ человѣка-вакханта, переживающаго ставшія истины пѣной чувственныхъ становленій ⁷⁾; въ Діонисовыхъ силахъ — трагедія; музыка — подоснова ея — волить къ дѣйству; и Моисей новой дра-

¹⁾ „Cor Ard.“, II ч., стр. 102, 115, 123, 173 и т. д.

²⁾ „Cor Ard.“, II ч., стр. 172, 179, 180, 116, 118.

³⁾ „Cor Ard.“, II ч., стр. 193.

⁴⁾ „Cor Ard.“, II ч., стр. 117, 107, 105, и т. д.

⁵⁾ „Во мракѣ бѣлой огненицы переломилася стрѣла. „Нѣж. Тайна“.

⁶⁾ По звѣздамъ: стр. 311. И далѣе: Двѣ стихіи, стр. 247—290. „Борозды и межи“. „Завѣты Символизма“, стр. 141, 158 и т. д.

⁷⁾ „Эллинская религія страдающаго бога.“

мы простеръ изъ Байрета надъ драмой коверъ мифотворчества; но и онъ не даетъ диѳирамба; опредѣляется соборностью хора герой; отрѣшеніе отъ среды убиваетъ театр; все художество лишь моментъ жизни драмы; пока не родится изъ зрителей хоръ, драмы собственно нѣтъ; но протянется зрителю сцена, преображаясь въ общину, зритель взойдетъ по подмосткамъ на сцену, рождая изъ хора опять „Діониса-младенца“ и утопляя въ звучаніяхъ хора героевъ трагедіи Ибсена, разорвавшихъ реальную связь съ ихъ родившей средой; „Проза“ драматической современности Вячеслава Иванова вскрываетъ намъ въ чайняхъ Ницше и Ибсена; Достоевскій предчуеъ грозу; и Толстой возникаетъ какъ кризисъ; въ сердцахъ копошатся уже Діонисовы ужасы; „Cogito“—нѣтъ; и утоплено „Sum“ въ Діонисовой безднѣ; мотивъ неприятія стараго міра—Сократова, Канто-Декартова—соединяетъ титановъ эпохи въ бунтующей общинѣ уединенныхъ келейниковъ: кельи будутъ распахнуты и бунтари (или „вакхи безъ Вакха“) соединятся для таинства богорожденій, радѣній, трагедія—будетъ ¹⁾).

Это—отпрыски мыслей, произрастающихъ изъ его религій Діониса, написанной имъ въ періодъ тяжкограннаго зодчества пѣсенъ „Кормч. Звѣзды“, гдѣ скульптура недвижимыхъ холмовъ минеральной природы являетъ намъ аполлоновы сине-красныя росписи на... бѣлоблещущемъ фонѣ, гдѣ нѣтъ ни травинки, облачка въ бѣлоблещущемъ этомъ и гранно разставленномъ мірѣ раздѣльныхъ и „ставшихъ навѣки“ стихій.

XIII.

Стихи природы поэзіи изобилуютъ образомъ: зодчій ваяетъ лазурныя глыбы земель и гранитъ въ плоскогоріяхъ скалы—тіары ²⁾; кристаллы—основа природы его; сперва до бѣла раскаленный расплавъ („Преображались, корчась, въ плоскогорья и горбились холмовъ крутыя спины“) ³⁾ остывающій передъ нами горбинами и рогаатыми гребнями ⁴⁾; думается, что и небо поэта—расплавъ, остывающій лалами ⁵⁾; и вода—минеральный расплавъ: „Изъ золотыхъ котловъ торжественной рѣкой... лію серебряныя

¹⁾ „Борозды и межи“: существо трагедіи, стр. 235-258. Эстетическая норма театра, стр. 261—278. О Достоевскомъ стр. 127. Левъ Толстой и культура. „По звѣздамъ“: Предчувствія и предвѣстія, стр. 189—219. Вагнеръ, и Діонисово дѣйство. Конье Аѳины, стр. 43—54. Кризисъ индивидуализма, стр. 131. Ты—еси. „Эллинская религія страдающаго бога“. Главы I и V.

²⁾ Эта каменная глыба, какъ тіара возлегла. „Нѣж. Тайна“, стр. 22.

³⁾ „Кормч. Зв.“, стр. 306.

⁴⁾ „Прозрач.“, стр. 48; „Нѣж. Тайна“. стихотвореніе „Утѣсь“ и т. д.

⁵⁾ „День въ сіяющихъ расплавахъ“ „Сог. Агд.“ I ч., стр. 75. „Въ бору“, „Лалы рдѣють и плавится мѣдъ, стр. 134 и т. д.

сплавы" ¹⁾; богаты расплавы ²⁾ морей, „яхонтъ волнъ" ³⁾ „свинецъ" ⁴⁾ моря съ прекраснымъ отливомъ фольги и съ лазурными блесками зыби ⁵⁾; „фосфорическіе блески въ переливахъ безъ числа ткутъ живые арабески вокругъ подвижнаго весла" ⁶⁾; прыгучія зыби мѣднаго моря красивы своимъ непочатымъ здоровьемъ (у Блока — больная вода).

Воздухъ, стынуцій (какъ и все) перламутрами ⁷⁾, перлами тучъ ⁸⁾ и сквозяцій перловою бездною, въ основѣ своей — густой, тяжкій; и — передущенный розами, смолами, нардами; огонь... — въ наиболѣе тонко духовной стихіи Хирамъ-Храмотворецъ — сраженъ (и огнемъ силенъ Блокъ); всѣ процессы свѣченія (свѣты) непламенны: или они мозаичны, иль явно разсудочны; а процессы горѣнія — яды и трепеты низменныхъ проявленій астрала.

Изъ пламени возстаютъ небеса по Лукрецію, Гераклиту, и — мистикамъ; пламень неба Иванова (*astra ergo*) возстаетъ изъ тѣлесныхъ объятій: „И въ дрожи тѣлъ слѣпыхъ и въ ошупи объятій животворящихъ силъ бѣжитъ астральный токъ" ⁹⁾; языки огней неба — астральные змѣи ¹⁰⁾; его небеса — материальная слѣпота: глядя вверхъ видитъ онъ — не духовное небо, а внутренніе процессы зрачка, покрытаго катарактомъ, какъ... амальгаммой; и — ставшаго зеркаломъ стража порока, возставшаго изъ глубины существа въ видѣ чудища: „Щетиной вздыбился горбатой и въ лѣсъ разлапый и лохматый взраститъ геенну красныхъ змѣй" ¹¹⁾.

Такъ огонь распадается на процессы горѣнія (геенну) и „мертвую свѣтлость" ¹²⁾, на становленіе и ставшее, на *Cor Ardens* и солнце.

XIV.

Вячеславъ Ивановъ пытается преодолѣть мысли Ницше на то, что въ основѣ трагедій — „братскій союзъ двухъ божествъ („діонисово-аполлоновскій геній)" ¹³⁾ создавшій отчетливость аполлоновскихъ формъ въ прозвуч-

¹⁾ „Прозрач.", стр. 97.

²⁾ „Cor Ard.", I ч., стр. 76.

³⁾ „Кормч. Зв.", стр. 210.

⁴⁾ „Прозрач.", стр. 77.

⁵⁾ „Прозрач.", стр. 77.

⁶⁾ „Нѣж. Тайна", стихотвореніе „Барка".

⁷⁾ „Кормч. Зв.", стр. 154.

⁸⁾ „Прозрач.",

⁹⁾ „Кормч. Зв.",

¹⁰⁾ „Cor Ard.", I ч.

¹¹⁾ „Cor Ard.", I ч.

¹²⁾ „Гляжу я изъ дозора мертвой свѣтлости моей", „Прозрач.", стр. 144.

¹³⁾ Ницше, „Происхожденіе трагедій", абзацъ пятый.

чавшемъ діалогѣ ¹⁾. Но Ивановъ діалога мало коснулся, а въ „Танталѣ“, драмѣ своей, развоплощаетъ діалогъ онъ въ вихрь восклицаній и въ морокъ метафоръ; такъ вновь „діонисово-аполлоновскій“ геній становится: Критомъ и Фракіей въ Дельфахъ Иванова.

Раздѣлены два начала, сляинныя Ницше; упаль Діонисъ въ свое прошлое; въ мертвую свѣтлость абстракцій упаль Аполлонъ ²⁾. Ты покинулъ Діониса... Аполлонъ покинулъ тебя ³⁾. Теоретикъ Ивановъ расходится съ Ницше въ стремленіи вывести драму на площадь: то—грѣхъ Эврипида, смѣнившаго зрителемъ (демократическимъ хоромъ) героя по Ницше; въ стремленіи расширить театръ получаетъ отъ Ницше суровую отповѣдь онъ: „Въ отношеніи знакомой намъ... формѣ хора... Мы сочли бы за богохульство говорить о какомъ-то предчувствіи... народнаго представительства, хотя... нашлись люди, не испугавшіеся подобной хулы“ ⁴⁾.

Ницше понялъ Діониса: „Въ діонисическомъ опьянѣніи и мистическомъ самоуглубленіи, одинокій, гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ безумствующихъ и носящихся хоровъ, падаетъ онъ (трагическій поэтъ) и вотъ аполлоновскимъ воздѣйствіемъ сна ему открывается его собственное состояніе... въ символахъ и подобіи сновидѣнія ⁵⁾. Перефразируя по Ивановски Ницше, должны бы поправить мы Ницше „Въ діонисическомъ опьянѣніи“, въ мистическомъ выхожденіи изъ „я“ соплетаясь съ хороводомъ безумныхъ, носящихся хоровъ чинить свои оргіи онъ; діонисовой силой приподнять, онъ видитъ подобіемъ міва космической смыслъ пережитій народной души; и о немъ учитъ онъ... въ отвлеченіяхъ Августиновой тезы. Межъ фразами—видитъ читатель—огромна дистанція.

Ницше вѣщаетъ: „Онъ... шествуетъ (трагикъ) восторженный и возвышенный, такимъ... онъ... видѣлъ... боговъ. Человѣкъ... уже болѣе не художникъ, онъ самъ сталъ художственнымъ произведеніемъ“ ⁶⁾. Самосознаніе не угасаетъ по Ницше; трагедія—въ гнозисѣ; но сложивъ по Ивановски фразу, отвѣтимъ опять-таки Ницше: „Онъ... скачетъ (подобно козлу) восхищенный, разорванный въ ключья; черезъ него гласятъ боги; онъ—медіумъ передающій пассивно пейзажи духовнаго міра другимъ“... Вырастаетъ дистанція“. „Sum“, „ergo“ „cogito“—„топятся въ безднѣ“ ⁷⁾.

О ней сказалъ Ницше: „Мы имѣемъ въ виду огромную пропасть, которая отдѣляетъ Діониса грека отъ Діониса варвара“. Пропасть есть чистота Діониса у эллиновъ и „половая разнузданность“

¹⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“.

²⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“, абз. 8.

³⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“, абз. 10.

⁴⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“, абз. 2.

⁵⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“, абз. 2.

⁶⁾ Ницше, „Пронсх. траг.“.

⁷⁾ „По звѣздамъ“. Ты еси.

діонисических варваровъ; „тутъ спускалося съ цѣпи самое дикое звѣрство природы вплоть до... отвратительнаго смѣшенія сладострастія и жестокости, которое всегда представлялось мнѣ подлиннымъ напиткомъ вѣдмы“¹⁾.

Объ Эврипидѣ промолвился авторъ религіи Діониса: „воображеніе наше влечется за нимъ“²⁾. И промолвился Ницше: „Что тебѣ нужно было, преступный Эврипидъ, когда пытался принудить умирающаго (миѳъ)... къ рабской работѣ на пользу тебѣ... Ты былъ въ силахъ создать только подложную музыку“³⁾. Раздѣляя гармонію съ ритмомъ (это дѣлають музыкальные модернисты, какъ Штраусъ), Ивановъ расходится съ Ницше во взглядахъ на музыку; и—не случайно конечно: гармонія сферы пейзажей его—не дуновение; и не восторгъ серафимовъ. Рисуетъ гармонію сферы намъ Гете: „Die Sonne tönt nach alter Weise im Brudersphären Wettgesang, und ihre vorgeschriebne Reise vollendet sie mit Donnergang“.

Гармонія эта есть „гласъ хлада тонка“.

По лирикѣ Вячеслава Иванова звуки гармоніи взнужданы скрежетопильными трубами и молотомъ барабана бьютъ сistrъ и безумный тимпанъ⁴⁾, одичавъ⁵⁾ разрываются въ грохотахъ мѣдноязычнаго гама; надъ всей оркестровкой огромный Иванъ (то Иванова колокольня въ Москвѣ)⁶⁾ бьетъ въ огромный кимваль ослѣпительнымъ свѣтомъ, спускающимся синекрасною росписью въ ясномъ, безтѣнномъ пространствѣ; и Эврипидовскимъ деѳирамбомъ, житейской расчетливой трезвостью строитъ Ивановъ свой міръ изъ тяжелыхъ расплавовъ въ союзѣ съ Сократомъ, разламывающимъ драматическій миѳъ; барабанно-трудные грохоты поздняго деѳирамба сломали единство крылатаго миѳа; предметъ и абстракція—части миѳической цѣльности.

Конкретности прядаютъ ритмами метафорфозы явленій; метафорфозу беретъ онъ внѣ ритма; и стынетъ единство его категоріей Канта; и множествомъ ставшихъ предметовъ разсыпана „всячность“; діонисическій паѳосъ Иванова есть становленіе миговъ, гдѣ Вѣчность похищена мигомъ, разорваннымъ... Вѣчностью 1) въ косность вещественной формы, остывшей изъ тяжкихъ расплавовъ (и зодчій Ивановъ ваяетъ лазурныя глыбы земель, ограняя кристалами небо) 2) въ недвижимость разсудочной формы, встающей надъ міромъ „рогатыхъ гребней“ и „столбовъ“ (какъ то столпная

1) Ницше, „Пронс. Траг.“ Абзацъ 2-й.

2) „По звѣздамъ“, стр. 1.

3) Ницше, „Пронс. Траг.“ Абзацъ 10-ый.

4) „Кормч. Звѣзды“, стр. 205.

5) „Прозрачность“, стр. 93.

6) „Cor Ardens“, I ч., стр. 127.

7) „И бьетъ въ кимваль большой Иванъ, ведя зыбучій станъ“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 127.

пальма) ¹⁾ „столбъ пальмы“ ²⁾ аллегорической прописью; Аполлонъ его міра двоится: гончарною формою и этикеткой надъ нею (символомъ...); на этикеткѣ же надписи: „Необходимый сущаго порядокъ“ ³⁾ и такъ далѣе.

А всеединство расколото (все ⁴⁾ и „единство“); его кореллаты (или множество ⁵⁾ формъ въ апперцепціи) суть: „многобожіе“ идоловъ въ „безбожьи“ субъекта, простѣраго категоріями (этикетками) къ идоламъ изъ... музейнаго купола ⁶⁾.

Ницше, вѣдая эллиновъ, ищетъ ключей къ объясненію драмы—въ душѣ у себя (О... познай себя); онъ работаетъ надъ путемъ посвященія въ „Я“, соединяя раздвоенность „я“; пѣсня, пѣтая имъ, дышитъ цѣлностью; эстетическій взглядъ его—скромность: молчащаго миста.

Сократически опознавъ „сократизмъ“, пресыщенный филологъ Ивановъ, разсудкомъ себя убѣдилъ въ необходимости „Діонисовой“ жизни, не проникнувъ ритмически въ жизнь стихій; онъ разслышалъ поэтому въ голосахъ „хлада тонка“ безконечныя сложности оркестровки; и уплотняя ея въ брэнномъ образѣ звука, онъ насъ извѣщаетъ о грохотѣ „мѣдноязычнаго“ гама.

Путь Иванова—неизбѣженъ, разъ станемъ мы на точку зрѣнія Ницше; мы всѣ—лишь „сократики“; и воспріятіе нами стихіи Діониса ведетъ неизбежно сперва: къ осознанію сократизма въ себѣ; чрезъ трагедію крестную упраздненія въ себѣ ложной позы абстрактнаго знанія (и связанной съ ней сенсуальностью)—путь къ „христіанскому Діонису“, который возможенъ, загаданъ: не... здѣсь, не... теперь.

Съ Вячеславомъ Ивановымъ, „Фаустомъ“ нашего вѣка, у граней культуры сократиковъ мы, въ преддверіи новой культуры, стоимъ, уличаемы Вагнеромъ, спрятаннымъ въ насъ,—и убоги и наги; а кажется: мы развиваемъ „хвосты“ изреченій о томъ, что абстракція насъ утомила; не въ силахъ отдаться мы Духу Земли; и встрѣчаемъ его новымъ чувствомъ; не ищемъ мы встрѣчи на небѣ... въ пивномъ погребокѣ, гдѣ одинъ „сократическій человѣкъ“ (или Фаустъ) пытался заплывать въ сплошной мусикійской стихіи и—выхваченъ былъ изъ пространствъ; онъ схватился за брѣнные органы, ими накрылся; но эти органы чувствъ, спавъ, не служатъ нормально: „башлыкъ“ передъ мѣстомъ угасшаго глаза—не глазъ: катарактъ.

1) „Кормч. Звѣзды“.

2) „Cor Ardens“, II.

3) „Се—Вѣчности Символь“, „Кормч. Звѣзды“.

4) Сюда же „Пять нерадивыхъ дѣвъ—пять чувствъ“, „Cor Ardens“, I ч., стр. 60, или „Учить мудрая познанию причинъ“, „Кормч. Звѣзды“, стр. 202.

5) „Въ храмѣ всебожья—все Богъ“, „Кормч. Звѣзды“, стр. 245. Сюда же: „Кормч. Звѣзды“, стр. 242, 164, 35, 57, 27, 64, и т. д. „Прозрачность“, 73, 115, 22, 135, 100, 1, 71, 44, 123 и т. д.

6) „Кормч. Звѣзды“, стр. 209. „Прозрачность“, стр. 106. „Cor Ardens“ I ч., стр. 126.

7) „Внемлетъ духъ... сто устому, безбожнику, мнотобожию“, „Прозрачность“.

XV.

Концепція Ницше есть „миг“, просіяніе драмы въ столѣтьяхъ; плѣненный концепціею Ницше, Ивановъ развертываетъ неразложимый въ исторіи мигъ просіявшихъ столѣтій въ *regretium mobile* линіи; и убѣгаетъ по линіи вспять: въ лабиринты; изъ лабиринтовъ глядятъ: не бакхантъ—каннибалъ; и не богъ Діонисъ—миноватвръ, пожирающій мясо; миѡъ Ницше плотнится обиліемъ наблюденій надъ жизнью... бушменовъ и кафровъ, осуществляющихъ функціи первобытной души.

Въ гармонизаціи міеа „трубой“ лексиконовъ и „барабанами“ данныхъ Эванса о критской культурѣ—сказался „сократикъ“; увы! историческое становленіе культовъ не есть высота становленія ихъ въ душѣ поздняго эллина. Преодоленіе Ницше—вглубь, ввысь, ведетъ къ проведенію равенства межъ сладострастьемъ и таинствомъ ¹⁾.

Лирикъ, укушенный варварскимъ Діонисомъ, принявшимъ личину змѣи ²⁾, умираетъ отъ ядовъ, переживаемыхъ нектаромъ ³⁾, причащеніе ядомъ ⁴⁾ являетъ „Cor Ardens“ какъ чашу со змѣемъ, ползущимъ оттуда; становится нектаръ напиткомъ, изготовляемымъ... вѣдьмою.

Хаосъ змѣи ⁵⁾ только морокъ отравленныхъ ощущеній подъ пологомъ діонисическихъ зноевъ ⁶⁾ внушаетъ влеченіе... къ отроку ⁷⁾ онъ; кровосмѣшеніе древнихъ нѣгъ создаетъ ликъ слѣпота—„Эдипа“. И ночь „слѣпота“—представляется темною кущей ⁸⁾ ⁹⁾ ¹⁰⁾;

1) „Чѣмъ нѣжнѣе устами къ жертвѣ нѣжной припадаю, тѣмъ чаша благовонная темнѣе: ни нѣгъ твоихъ, ни мукъ не разгадаю, хоть слышу боль... измѣла ты, невѣста, въ темной мглѣ, желаньемъ устъ, въ которыхъ пламенѣтъ двуострый мечъ“. Стих. „Плоть и Кровь“. „Cor Ardens“, II ч., стр. 158.

2) „Колдовалъ я, волхвовалъ я, бога Вакха вызывалъ я“. „Cor Ardens“, I ч. Эросъ, стр. 187. Сюда о змѣѣ: „Віась ползешь передохнуть свой ядъ бѣсовствъ и порчѣ“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 91. „Взрастилъ Геену красныхъ змѣй“. „Cor Ardens“, I ч. Эросъ. Сюда же: Пр. стих. „Орфей“, или „Звѣзды—змѣи надъ Геей“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 162. „Зевесъ“, I ч. Эросъ, стр. 101. Сюда же „Cor Ardens“, I ч., стр. 100.

3) „Чашу черноогненную раздѣли“. „Cor Ardens“, I ч., Эросъ, стр. 191.

4) „Cor Ardens“, I ч., стр. 188. Сюда же: „Сбираешь яды горькихъ нѣгъ“, „ядъ бѣсовскихъ порчѣ“, „яды доблестъ волятъ явить“, „зной отравный...“ „провидцы... низводятъ ядъ“, „звѣздный ядъ миѣ показалъ, волхву“. Сюда же, „Cor Ardens“, I ч., стр. 93, 104, 187, 188, 89 и т. д.

5) „Взрастилъ геену красныхъ змѣй“.

6) „Cor Ardens“, I ч., стр. 188.

7) „Я вдали и я съ тобой незримый“, „Неотвратно на тебя гляжу я,—опускаю взоры, настигая“, „И сталъ одинъ другому—Мой. Молячи. Навѣки—мой“, Или „взоръ узывный, взоръ усталый, обрати въ новы ко миѣ“. „Cor Ardens“, I ч., Эросъ, стр. 189 и т. д.

8) „Увидитъ мать и слѣпъ въ кровосмѣшенъ древнихъ нѣгъ“ „Cor Ardens“, I ч., стр. 22. Или: „Триста тридцать три соблазна, шестьдесятъ и шесть объятій и шестьсотъ пріятій есть“. „Cor Ardens“, I ч.

9) „Ночь нѣмая, ночь слѣпая, ночь глухая“. „Cor Ardens“, I ч. Эросъ, стр. 196. Или: „Качая мглою, встаетъ Ничто“. „Cor Ardens“, I ч. „Путь въ Эммаусъ“.

10) „Впереніе, слѣпыхъ очей“, „слѣпота связная... дочь, слѣпое желаніе“.

окультистъ, весь увѣшанный странными знаками, силится онъ прозирать естество сквозь растущую ткань катаракта; и развиваетъ учение о гес (катарактъ); его разверзанія чувствъ, запрещенныя школой Востока, суть даръ созерцать... всѣ процессы своей физиологiи—ощупей себя самого: „И въ ошупи объятій животворящихъ силъ бѣжитъ астральный токъ“²⁾; этотъ токъ—просто муть: но у него эта муть въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ есть „мутъ міровъ возможныхъ“; „мутъ міровъ“—не изъ Бога.

Но подвигъ, предпринятый имъ, и огроменъ, и цѣненъ: толковое изъясненіе ужасовъ кровавого божества и сомнительной магіи вызываетъ къ отданью себя всѣмъ стихіямъ въ насъ дремлющимъ подъ порогомъ сознанія; Вячеславъ Ивановъ возжаждавъ Θεурга, ошибочно и трагично въ себѣ создаетъ страстнаго мага, усиленіемъ воли разъявъ свое „я“ на два „я“, изъ которыхъ одно улетаетъ въ холодныя дали абстракцій (висѣтъ тамъ и плакаться); въ тартаръ слетаетъ другое; и—двойники!—они борются³⁾. Августиновы догматы таютъ въ летающемъ „какъ“; діонисовы пляски остыли; „огонь“ распадается и Ивановы—борются⁴⁾. Третій Ивановъ встаетъ.

XVI.

Учить онъ, что экстазъ выявляетъ раздвоенность; Діонисъ,—какъ менада богъ двойственный; двойственный Достоевскій подъ маскою „я“ умножаетъ свои двойники; все Ивановъ постигъ это, потому что онъ—гностикъ возжаждавшій упразднить въ себѣ „маску“; учить онъ, что томленіемъ къ истинѣ пламенѣетъ театръ; пафосъ этики освѣтилъ Діониса орфической церкви, откуда протекъ онъ какъ Эросъ въ логической мысли Платона. И Эросъ есть Логосъ; мистеріи безъ пути жизни истины въ „я“—только сны. Діонисовъ экстазъ только Ева, рожденная въ таинствѣ сна изъ Адамовыхъ реберъ. „Служи духу истины я“—говоритъ онъ себѣ⁵⁾

слѣпыя причины, зрачокъ въ ночи слѣпой дверь, какъ бѣльмо“. „слѣпы мы на красоты явленій“, „не видитъ видящій могъ взоръ“ и т. д. „Cor Ardens“, I ч., стр. 122, 207, 191, 104, 99, 143, 118, 112 и т. д.

1) „Въ душномъ раѣ утомныхъ кушъ“, „душный“, „сладимый“, „разомлѣлый“, „утомный“, „усланный“, „истомный“, „млѣть“, „твоя судьба измѣять“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 188, 18, 78, 130, 188, 191, 13, 14, 112, 193, 212 и т. д.

2) „Cor Ardens“, I ч.

3) „Въ личинѣ „я“—не я“. „Двойникъ я сущаго“. „Душа скорбитъ съ собою единой разлучена“, „Гдѣ я, гдѣ я“, „По себѣ возолкалъ“. „Тону въ неизмѣримость“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 344, 351 и т. д. „Прозрачность“, стр. 13, 14, 17, 25, 92 и такъ далѣе.

4) „Cor Ardens“, I ч., стр. 112.

5) „По звѣздамъ“, „Ты еси“, стр. 427, 432. Кризисъ индивидуализма, стр. 88—102. „Предчувствіе и предвѣстія“. Сюда же: „Элл. рел. страдающаго бога“. Глава „Діонисъ и эллинизмъ“. Сюда же: „Борозды и межи“. „Сущность трагедій“, стр. 348. „О Достоевскомъ“, стр. 40. „Эстетическая норма театра“, стр. 263. Сюда же: „По звѣздамъ“, „О веселомъ ремеслѣ“, „Умножъ веселья“.

Мечты о народѣ художникъ и т. д.

Но „путь посвященія“ абстрактенъ въ Ивановѣ — третьемъ: Ивановымъ первымъ тотъ путь упраздненъ; не изясненіемъ себя занять онъ, систематикой фактовъ исторіи; тракты исторіи остаются не вскрытыми; остается не вскрытымъ экстазъ; и абстракція порожденная головой, пресловутая „всемирность“ его, о которой такъ много имъ сказано. Спекуляція разсудочной мысли надъ тайнами групповыхъ вакханалій, до времени ширящихъ неокрѣпшее „я“ въ тѣсномъ кругѣ радѣй и „я“ разрывающихъ,—только рулады изъ словъ („все отзывный“, „все-зрящій“) среди гаммы стиховъ; и оттого то повисъ этотъ третій Ивановъ субъектомъ познанія Канта надъ масками непронизанной данности; и мотивы отчанья скепсиса—мощная нота удачѣйшихъ пѣсень его.

Тайна Духа Земли въ Духѣ Тайны Христовой; но Фаустъ увидѣлъ здѣсь чудище, и свѣтильни сознанія не опустилъ въ подсознаніе (въ чашу, налитую масломъ), попавши въ объятія Вагнера:

Du gleichst dem Geist
Den du begreifst!

Вникая въ дневникъ его думъ, сочетающихъ „становленіе“ и „ставшее“, хочется провести размышленіе о философахъ — номиналистахъ; философы номинализма, стоящіе съ необходимостью у границъ—они вращаются въ царствѣ... формъ... Если бы они вышли изъ царства... формъ, они бы пришли къ непрерывно движимой представляемости. ...И когда одинъ изъ нихъ... въ этомъ смыслѣ сталъ думать, то мало былъ понять онъ. Искажаютъ то, что писалъ Гете въ „Метаморфозѣ растений“, искажаютъ то, что называлъ „перворастеніемъ“ онъ... Съ понятіемъ „перворастеніе“, „первозвѣрь“ только тогда считаются правильно, когда ихъ мыслятъ въ подвижности. То же можно сказать о понятіи „всеединства“; внѣ движенія мысли оно распадается въ явную категорію Канта („единство“) и въ Діониса... бушменовъ.

Ивановъ старается тщетно избѣгнуть невольнаго срыва и заключая союзъ съ Августиномъ, приходитъ къ своей онтологіи, предавая Діониса; тутъ подлежить онъ убійственной гносеологической критикѣ. Августиново ученіе о „ges“ раскрывается явственно въ ученіи Августина о знаніи; знаніе „ges“ признается зависимымъ отъ надъ-духовнаго знанія, которое интеллектуально—насквозь; и вскрывается въ истинахъ математики и божественной діалектики; діалектика вскрыта критически Кантомъ, а на истинахъ математики обосновала себя вся новѣйшая абстрактная мысль; такъ ученіе о вещи до Канта связало себя съ Кантіанствомъ; и всѣ доказательства невозможности „вещи въ себѣ“ неизбѣжно проходятъ по тракту реалистическаго символизма.

Концепція Августина расколота: ея часть, очищаясь логически, незамѣтно сливается съ номинализмомъ, другая ея половина—съ наивнѣйшей метаморфозой матеріализма отсталой науки и нескрити-

ческой теології. Онтологія Вячеслава Иванова—фкція. Правъ философъ, гласящій: „Для философствующаго мало узко онтологическаго утвержденія... Это чувствовали, понимали, знали какъ Плотинъ такъ и Фихте“¹⁾. Номинализмъ, реализмъ—половинки расколотой мысли; и правъ Рудольфъ Штейнеръ, опредѣляя споръ „полуправдъ“ въ афоризмъ, ломающемъ мысли Иванова-гностика: „Реалисты не понимаютъ, что объективное есть идея; идеалисты же что объективна идея; развивъ эту мысль, утверждаетъ онъ: „субъективные“ идеалисты разсудочно опредѣляютъ идею, а „объективные“ реалисты лишь призракомъ реализируютъ міръ“²⁾. Августинова догма въ критической мысли двоится, а съ нею вмѣстѣ двоится ученіе Вячеслава Иванова о „мистической „ges“; онъ разсудочно опредѣляетъ міры своей мистики; одновременно онъ субъективно реализируетъ ихъ, не понимая, что „объективное“ „ges“ есть идея, что внѣ идеи „вещь“—шлакъ: трансцендентальный остатокъ, который во вскрытіяхъ новыхъ философвъ есть понятіе о предѣлѣ, иль... напросто: матеріальная вещь.

XVII.

Аполлонъ его міра есть ставшее „всеединство“: огонь, намъ свѣтящій; и „становленіе“ съ другой стороны: въ метаморфозѣ процессовъ горѣній. Становленіе его Діонисъ и „всебогъ“ (все—единство). Разъ я въ два начала, Ивановъ опять возвращается къ замыслу: слить два начала; и подмѣняетъ сліяніе тиранніею одного надъ другимъ; Діониса глотаетъ его Аполлонъ; проглотивши раздваивается: на абстрактную категорію и матеріальное множество; соединеніе единства и множества—есть всеобщность (категорія третья количествъ въ таблицѣ у Канта). Глотаетъ его Діонисъ Аполлона; и проглотивши исходитъ въ рояхъ „субъективныхъ видѣній“ и въ космосъ тяжеловѣснаго музейнаго міра.

Аполлонъ не есть „бабочка“ въ тяжкомъ Ивановскомъ мірѣ. Но свѣтами истины осѣняетъ, садясь на лобъ, аполлонова „бабочка“ свѣта; лѣясь брилліантами крылій, Ивановскій свѣтъ—нелетающій перлъ, за исключеніемъ одного лишь момента; моментъ изумительный; дышетъ тайнами эсotericической мистики онъ: три души, въ насъ живущихъ, какъ сестры (умъ, чувство и воля) встаютъ—треугольникъ передъ младенцемъ, Орфеемъ духовно рожденнымъ: „Тише, тише, сестры-свѣты. Сестры—свѣты тихихъ лонъ! Ризой свѣтлой вы одѣты: близкій, близкій свѣтѣль онъ. Свѣтлыхъ дѣвъ тебѣ привѣты, свѣтлоризый Аполлонъ“. Младенецъ—Орфей: „Въ мигъ роковой услышишь мой жертвенный завѣтъ: изъ волнъ встань свѣтъ“. (Солнце всходитъ.) „Міръ—полнъ“³⁾.

1) Б. Яковенко: „Что есть философія“. Логосъ 1911—12 г. Книга вторая и третья.

2) Статья—предисловіе къ тексту.

3) „Прозрачность“. „Орфей“, стр. 138.

Всеединство на мигъ осуществилось конкретно: три сестры и младенецъ теперь образуютъ духовно конкретную цѣлостность, тайна, которой вскрывается опредѣленной духовной работой: работа трехъ душъ надъ „младенцемъ“—въ сліяніяхъ образующихъ ясныя ясли и—въ солнечныхъ изліяніяхъ изъ яслей на... чувство, умъ... волю. Умъ: „Хочу я исполниться чистыми свѣтами далей вселенной“ и т. д. Чувство: „Хочу соткать блеснувшій свѣтъ я съ томной тьмой“ и т. д. Воля: „Хочу согрѣть я ткань души, хочу сгустить эиры жизни... Пускай они, себя творя собой, животворятъ себя ¹⁾ и т. д.

Вмѣсто этой работы надъ свѣтомъ душевныя силы поэта кошунственно нападаютъ на свѣтъ: „Мы титаны. Онъ младенецъ. Вотъ онъ въ зеркало блеснулъ: въ ясномъ зеркалѣ за моремъ ликъ его, дѣлясь, блеснулъ! Мы подкрались, улучили полноты верховный мигъ, бога съ богомъ раздѣлили, растерзали вѣчный мигъ“ ²⁾ Треугольникъ сестеръ разрывается. „Гелиады“ стенаютъ ³⁾ конкретно не взявшись за руки, не окружая „младенца“ и духовное „я“.

Не эвритмическое хожденіе по кругу соединившихся силъ, а радѣніе способностей, не подавшихъ другъ другу протянутыхъ рукъ—въ этомъ мѣстѣ.

И „мысль“ отъ Востока, взирая на сумерки сердца, не видитъ сестры посерединѣ потухшей космической, солнечной сферы (отдѣль „Сердце-Солнце“—насквозь реториченъ): не знаетъ любви; глядя внизъ, подъ собой, она видитъ одну „глубь ночную“; на „глуби ночной“ только зыбь двойника утверждаетъ она ⁴⁾ свѣтъ ея—несогрѣтый и стылый ⁵⁾.

Сестра же отъ юга переживаетъ толчки возбужденнаго сердца—физиологической пульсацией сердца; не „импульсомъ“ новой любви, согрѣвающей жизнь. Только „пульсомъ“, но пульсъ—лишь темнотные топоты табуновъ вождельній.

А воля отъ Запада, бросивъ на югъ и востокъ свои взоры, теперь неестественно соединяетъ холодный разсудокъ... съ „алчбой“: ритуаломъ сомнительной магіи; и—„страстный магъ“ возникаетъ: „Въ... ритмѣ сладострастій, къ чашѣ огненныхъ познаній, припадай... чтобы собрать въ единой длани всѣ узлы“ ⁶⁾. Страстный магъ въ головѣ начерталъ неестественный треугольникъ; и перенесъ его на темпосиняго цвѣта бумагу; внутри треугольника онъ вписалъ верхъ зубчатой, высоко приподнятой башни (своей головы); и пейзажъ на бумагѣ наивнѣйшимъ образомъ озаглавилъ: „По звѣздамъ“. Но эти „звѣзды“ (двѣнадцать созвѣздіи

¹⁾ Вольный переводъ изъ мистеріи-драмы Р. Штэйнера. „У вратъ посвященія“.

²⁾ „Прозрачность“, стр. 138.

³⁾ „Прозрачность“, стр. 130—132.

⁴⁾ „Прозр.“, стр. 145. „Глубь ночная смутно вылетѣть мой двойникъ“.

⁵⁾ „Тянусь изъ дозора мертвой свѣлости моея“. „Прозр.“, стр. 144.

⁶⁾ „Cor Ardens“.

среди которых одно называется „Res“—другое же „Ens“) суть двѣнадцать лишь кантовых категорій („реальность“ относится къ качествамъ, „сущность“ же есть категорія кантовыхъ „отношеній“). Страстный магъ начерталъ пламень сердца и этотъ пламень достойнѣйшимъ образомъ изобразилъ ему Сомовъ въ великолѣпномъ фронтисписѣ къ „Cor Ardens“ (соединеніе обложекъ не есть путь „сердечнаго знанія“).

Словомъ—нѣтъ треугольника. Съ Сѣвера поднялся мексиканскій голосъ „Куда... направится ватага“¹⁾.

Три Иванова шествуютъ отъ развалинъ душевнаго храма... во мракъ лабиринтовъ.

XIX.

„Посвященіе“ не состоялось.

Но Вячеславъ Ивановъ трагедію свѣтлаго мига съ магической силою запечатлѣлъ въ ослѣпительномъ „Танталѣ“, драмѣ своей намъ сжимающей души; проходитъ слоновой костью увѣсистый триметръ, граня инкрустаціей слово: и перлы утонченныхъ образовъ обсыпаютъ его; тяжеловѣсіе замысла и громада, покрытая мелкогранною работою, напоминаетъ слона, изукрашеннаго золототканной попоной, влекущаго шагъ черезъ площадь предъ взоромъ раджи; драматургъ, сытый роскошью, данной отъ Бога ему, похищаетъ на пирѣ боговъ свои горніе образы.

И гласить: о растерзаніи Вѣчности мигомъ, похитившимъ тайну напитка боговъ; пропѣтая де-Троа и Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ легенда о Гралѣ оригинально мѣняется; здѣсь мистерія „Парсифаль“, омрачась, переходитъ въ трагедію, до которой способны намъ оскверненнымъ Клингзоромъ; и послѣ разбитымъ на части; трагедія перенеслась здѣсь на небо; и—вмѣстѣ: очерчена драма души, созерцающей небо.

Она есть... Клингзоръ; она—Танталъ; и Вячеславъ Ивановъ—она же, укрытая мѣомъ; фантазмами древняго мѣа очерчена драма души: полубогъ, сытый даромъ боговъ, этотъ Танталъ на пирѣ боговъ похищаетъ свѣтлѣйшую чашу: „Съ высотъ святыхъ“, потироносецъ, нисхожу я въ міръ глубокой опьяненъ божественно, подъявъ высоко въ чашѣ свѣтлой страшный даръ рукою дерзновенной... О, мой полный мигъ“²⁾. Проглочена Вѣчность эгоистической самостью мига; пытается Танталъ въ подножіе пира толпы—своры миговъ—унизить Духъ жизни; и „табуны темныхъ чувствъ“ пробѣгаютъ по ризѣ, изотканной свѣтомъ: „И ты струя безсмертія, ты

¹⁾ „Прозрачность“.

²⁾ „Сѣверные цвѣты“. Ассирійскіе Альманахи, IV. К-во „Скорпіонъ“ „Танталъ“ стр. 231.

амбросія, святая сила, что до днесь уста владыкъ поила жизнью...! Возведи рабовъ въ царей“.

Для свершенія страшнаго дѣла зоветъ богоборецъ Сизифа, Иксіона (Вячеслава Иванова перваго и втораго), не претворившихъ путей своей собственной жизни—въ жизнь неба: „Привѣтъ, пришельцы! Радуйтесь и пейте вы первины неба!“ Сизифъ (или—первый Ивановъ): „Какимъ ты хмелемъ лъстивымъ помутилъ мой духъ, волшебникъ хитрый“. Иксіонъ (Ивановъ—второй): „Вращается ль сводъ? или самъ я верчусь колесомъ міровымъ? Властный волшебникъ волчкомъ вихревымъ закружилъ меня!“ Танта́ль (иль третій Ивановъ — Клингзоръ): „Я съ жертвой кровной, духъ произвѣвъ, взошелъ на пиръ, неся въ объятыхъ отчихъ сына малаго царямъ въ добычу... И привлекъ... Кронидъ его на лоно... Изъ длани сына чашу взявъ, я низошелъ“ ¹⁾.

Рожденнаго сына (исконное „я“) онъ, подьема одну рукою въ обители неба, другою—похищаетъ Грааль; и—бросаетъ своихъ двойниковъ, опоивши ихъ мистикой, въ небо, гдѣ въ нихъ разгорается... чувственность: облако обнимаетъ Иксіонъ, рождая Кентавра въ пылу любовнаго томленія къ...самой міродержицѣ Герѣ; Сизифъ—алчетъ молніей; самъ Танта́ль впадаетъ, томясь, въ оцѣпенѣнные сны; появляется низшее „я“, порожденное Танталомъ; пользуясь оцѣпенѣніемъ Танта́ла („рокъ ты звалъ, о Танта́ль!“)—пользуясь оцѣпенѣніемъ „Бротеевъ“ бросается къ чашѣ; и—вдребезги разбивая ее, онъ пронзается молніей; черныя тучи окутываютъ ²⁾ пейзажи души Вячеслава Иванова (Танта́ла) сладострастьемъ сомнительныхъ, магическихъ чувствъ напряженіе... „Cor Ardens“.

„Черезъ долгій промежутокъ времени въ глубокомъ мракѣ загорается огненное явленіе Гермеса ³⁾“.

Г е р м е с ъ.

Проснися, Тартаръ!.. Иль паденье мощныхъ Трехъ отъ сновъ тебя не разбудило тяжкое?

Г о л о с ъ Т а р т а р а.

Кто полубоги?

Г е р м е с ъ.

Сынъ Зевсовъ, Танта́ль... Царь Иксіонъ. Царь Сизифъ.

Три Иванова (Треугольникъ)—низвержены! Треугольника нѣтъ! „Пелопсъ“, въ духѣ рожденное „я“, божествами не принято въ небо: отвержена жертва.

¹⁾ „Танта́ль“, стр. 235, 236.

²⁾ „Танта́ль“, стр. 243.

³⁾ „Танта́ль“, стр. 243.

Г о л о с ь И к с і о н а.

...Я распятъ въ вихрѣ огневомъ.

Г о л о с ь С и з и ф а.

...Скользятъ утесъ—

И рухнулъ.

Г о л о с ь И к с і о н а.

Я мучусь, Танталъ!

Г о л о с ь С и з и ф а.

Танталъ, стражду я!

(Во мракѣ становится различимымъ темное видѣніе висящаго въ воздухѣ Тантала. Обнимая руками, онъ поддерживаетъ нижній край огромной потухшей сферы.)

Т а н т а л ь.

Темной окаменѣвъ громадой,

Повисло тяжело,

Тебя подавивъ, твое темное солнце...

XX.

— „Темной окаменѣвъ громадой, повисло тяжело, тебя подавивъ, твое темное солнце“—вотъ что можно сказать Вячеславу Иванову, лирику, мистiku, полиглотту-философу, разставаясь съ пятикнижіемъ лирики и съ трехкнижіемъ мудрѣйшихъ прогнозовъ въ грядущую эру. И это все говоритъ „діамантовый“ Танталъ.

За одинъ „золотой треугольникъ“ Ивановъ бы отдалъ величіе всѣхъ, имъ созданныхъ красотъ, но „треугольникъ сестеръ“ имъ разорванъ: и вѣшніе знаки—не сущи.

И созерцая его:

— Какъ онъ тамъ повисаетъ (тончайшій изъ русскихъ поэтовъ, мудрѣйшій, быть можетъ, изъ насъ!) и поддерживаетъ края тухнувшей сферы—

— мы видимъ Танталово дѣло! Два образа встаютъ передъ нами: „младенецъ“ и—Танталъ, сходящій съ небесъ, высоко поднимающій плоскую чашу и намъ восклицающій:

„Прозрачный міръ, блаженный міръ, бессмертный міръ“.

Не правда: два міра имъ созданы; третій еще имъ не созданъ: міръ Воли.

Міры лучезарныхъ кристалловъ „Прозрачности“, міръ упоеній блаженства „Cor Ardens“, міръ мысли и чувства—міръ морока, если усиленіемъ Воли не воплотитъ тѣ міры: міръ бессмертія отсюда.

Но „треугольника“ нѣтъ; безъ него восклицаніе небо укравшаго Тантала—восклицаніе „доктора философіи Фауста: „Остановись ты, — мгновенье“.

Остановивъ „становленіе“ вѣчнаго мига въ себѣ, онъ его превратилъ въ діамантовый камень; и Вѣчность отъ этого стала — регрессивъ mobile; и Вячеславъ Ивановъ стенаетъ намъ гласомъ Иксіона, что „распятъ онъ въ вихрь“; „Вращается ль сводъ или самъ я верчусь колесомъ міровымъ?“ „Колесо міровое“ — не Вѣчность, а... „вѣчное возвращеніе“; и Сизифомъ томится: „Утесъ“ — рухнулъ: „мигъ“ каменный — рушится. Оттого то его „полночное солнце“ не солнце, а развѣ что... Иксіоновъ колесо; и оттого оно превращается въ тяжкокаменно рухнувшій Сизифовъ утесъ: „Темной окаменѣвъ громадой, повисло тяжело, тебя подавивъ, твое темное солнце“.

Потироносецъ, повѣшенный въ воздухѣ, онъ „стенаетъ“, согбенный подъ бременемъ павшей на шею ему „онтологической истины“ — потухающей сферы: ее обнимая руками, онъ дрожитъ согбенный... —

— надъ голосомъ Тартара: „Бремя тяжело новыхъ сновъ“.

XXI.

Что случилось съ „младенцемъ“?

Младенецъ не умеръ; имажинации сна развернули предъ нимъ длинный свитокъ путей, изображающихъ путешествіе по загробному міру. Его тройники — „Вячеславы Ивановы“ (старшіе братья) нашептами овѣвають пейзажъ возникающихъ сновъ: смутный ужасъ встаетъ; и душа приникаетъ къ лозѣ придорожной, что „шепчется съ ужасомъ“; волна миражей, какъ смутные сны долгой ночи, застигла въ пути; возникаетъ за образомъ образъ, поднимается издали „Сфинксъ“ ¹⁾ на прекрасныхъ Терцинахъ и крикнетъ ему: „Стигмы Сфинкса“ ²⁾; протянетъ геральдику знаковь о Сердцѣ и Солнцѣ ³⁾, воздвигнетъ кристаллы огней („Огненосцы“), преслѣдуя въ снахъ, какъ лѣсной запѣвающий царь, и протягивая чрезъ туманъ свои руки: „Неволей иль волей, а будешь ты мой“. Это Кто-то изъ образовъ шепчетъ, напоминая „пити-пити-итити“ бреда князя Андрея ⁴⁾: „Повынутѣ жребіи, суды напропорочены“ ⁵⁾.

„Пити - пити - итити“ появляется въ окнѣ старой готической башни во образѣ Неттесгеймскаго мужа: осаживать яды и „мути“ міровъ — на днѣ чаши „Въ ночи, когда со звѣздъ провидцы и поэты въ кристаллы вѣчныхъ формъ низводятъ тонкій ядъ, ихъ тайнодѣянныя сообщницы — планеты — надъ міромъ спящимъ“

¹⁾ См. „Кормч. Зв.“, стихотвор. „Сфинксъ“.

²⁾ „Кормч. Зв.“, стих. „Сфинксъ“.

³⁾ „Cor Ardens“, I ч., см. отдѣлъ „Сердце — Солнце“.

⁴⁾ Толстой. „Война и Миръ“.

⁵⁾ „Cor Ardens“, I ч., стр. 49—52.

ворожать. И въ дрожи тѣль слѣпыхъ, и въ ошупи объятій животворящихъ силъ бѣжить астральный токъ, и новая душа изъ хаоса ~~загла~~ объятій пускаетъ въ новый міръ ростокъ. И новая Душа прибоемъ поколѣній, подмывъ обрывы Тайны по знаку звѣздныхъ чиселъ, въ наслѣдѣ творческомъ непонятыхъ велѣній, родной разгадываетъ смыслъ. И въ кельяхъ башенныхъ отстоянные яды преобразуютъ плоть и претворяютъ кровь“ и т. д. ¹⁾.

Этотъ сонъ о Клингзорѣ, укравшемъ Грааль для кошунственныхъ, алхимическихъ опытовъ, отображается образомъ Доктора въ пламенной мантии, произносящаго съ чашей въ рукѣ монологи („пити-итити“) и все о томъ, что „измѣнню“ томной невѣсты ²⁾ подобно „прикосновеніе къ чашѣ; сонъ — ярче, осѣлъ новый міръ въ чашѣ съ ядомъ изъ ясныхъ кристалловъ, — тотъ міръ —

— гдѣ сонетъ, получившій законченность совершенства, блистаетъ закономъ пѣона второго въ опаловой мути спондея, гдѣ зубцы существительныхъ, отлагаясь гексагональными призмами, источаютъ тончайшія струйки расплавленной мѣди (глагола), гдѣ строится зданіе ихъ сіяющихъ палочекъ; гдѣ гранится на „кретикѣ“ небо...

— Сонъ длится: и Докторъ поить его ядомъ; въ глазахъ (приливая отравленной кровью) сіяетъ геральдика горельефной гирляндю золотощекихъ амуровъ барокко, сплетенныхъ съ небесными духами *Style jesuite*, гдѣ всѣ розы — розетки, которыя (объясняетъ учитель) суть образы тайны; и проходятъ капеллой, объясняя младенцу „Необходимый сушаго порядокъ“, „явственны небесъ іерархіи“, „молятъ истины Святыхъ Отцовъ соборы“, „учить, мудрая, познанию причинъ“ ³⁾. На столбахъ, или „славахъ надстолбій“ великолѣпно изваяны: „пять нерадивыхъ дѣвъ — пять чувствъ“ ⁴⁾. Докторъ Фаустъ — Ивановъ — построилъ и сплелъ этотъ куполь „вѣнкомъ изъ сонетовъ“, поставивъ его на блистающихъ, мозаичныхъ колоннахъ, откуда свергаютъ стопламенность огневѣйныхъ пожаровъ пестрѣйшія жены: его „огненосицы“; мигъ —

— великолѣпія пятенъ снялись: огненосицы, не могущія тронуться съ мѣста, воздушно упрыгиваютъ тамъ спиралями блеска... въ Ничто.

XXII.

„Въ даль тихо плывущихъ чертоговъ уводитъ свѣтлая нить — та нить, что у тайныхъ пороговъ сестра мнѣ дала

¹⁾ „Cor Ardens“, I ч., стр. 88.

²⁾ „Cor Ardens“, II ч., Rosarium, „Плоть и кровь“.

³⁾ „Кормч. Зв.“, стр. 212, 344 и т. д.

⁴⁾ „Cor Ardens“, I ч., стр. 60.

хранить... И рѣя въ призракахъ зданій, кочуетъ душа, чутка къ призывамъ сквозныхъ свиданій за нитью живой „мотка“ ¹⁾.

„Сестра“ охраняетъ младенца; пусть „три нерадивыя“ сестры покинули „ясныя ясли“: четвертая, соединившая ихъ — при младенцѣ; она-то плететъ нити свѣта, бросая ребенку свою просіявшую нить въ бездну мрака „Ивановыхъ“: „Хочу соткать блеснувшій свѣтъ я съ томной тьмой“...

И Вячеславъ Ивановъ можетъ намъ сказать стихомъ одной изъ мистерій Рудольфа Штейнера: „Verzaubert Weben meines eignen Wesen“ ²⁾. Расколдовать его можно (хоть... трудно).

„Пѣлось младенцу мечтанье? Но все я той пѣсни полнѣ... Мнѣ снятся лучей трепетанье, шептанье угаданныхъ волнъ“ ³⁾. „Я видѣлъ ли въ грезѣ сонной, младенцемъ, живой узоръ, — снѣнь, тающей снѣти зеленой, съ ней жидкаго золота споръ“. Поученія „эсо-терической“ мистики, произносимыя „магомъ“ Ивановымъ — только „мраморъ обвѣтренныхъ стѣнъ“ многообразныхъ трактатовъ, прочитанныхъ имъ, а не истина жизни: но — тамъ, въ незримомъ просторѣ, за мшистой оградой плить — я чувствую — на плиты море волной золотой палить... чуть шепчетъ, — не шепчетъ, дышитъ, и вспомнить, вспомнить велитъ — и знаки свѣтомъ пишетъ, и тайну родную сулитъ.“ Эту пѣсню разслышалъ и Фаустъ, склоненный надъ чашею съ ядомъ... въ пасхальную ночь.

XXXIII.

„Слѣпота“ Вячеслава Иванова — чувства его! — есть стѣна изъ Лемуровъ; какъ „во гробѣ своемъ“, въ Вячеславѣ Ивановѣ тихо возлегъ имъ рожденный младенецъ: онъ — куколка; вѣрмъ: изъ „куколки“ вылетитъ бабочка Аполлонова свѣта. II „эпифанія“ — неудачная „эпифанія“ столькохъ лѣтъ! — разрѣшится; и „яды“, разлитые имъ по „младенцу“, „младенца“ не тронуть: „сестра“ — не допустить, „сестра“ — охранить.

А пока: —

— По просверленнымъ коридорамъ ветшающей пирамидной громады сбѣжались Лемуры въ квадратную комнату: въ грудь; и подступили къ саркофагу — пробившему самостно сердцу — снять крышку. Обстановка душевнодуховнаго быта его восьми книгъ, если снять съ нихъ покровъ, намъ явитъ: въ пескахъ — пирамиду съ пустою комнатою въ ней; посерединѣ ея — саркофагъ; подъ саркофагомъ — коричневетъ изсохшая мумія; положили папирусъ ей

¹⁾ „Cor Ardens“, I ч. „Пѣсни изъ лабиринта“.

²⁾ R. Steiner, Пробужденіе души. (Четвертая драма-мистерія.)

³⁾ „Cor Ardens“, I ч., стр. 68.

въ ноги; и то — „Книга Мертвыхъ“. Восьмикнижие Вячеслава Иванова — „Книга мертвыхъ“ его — повѣствуетъ о странствіи подсудимой души по пространствамъ загробнаго міра.

Недоумѣнные лепеты дѣтскаго духа встають въ этомъ мѣстѣ изъ „лирика“ Вячеслава Иванова: „Нищъ и свѣтель, прохожу я и пою; отдаю вамъ радость свѣтлую мою...“ Или: „Весело по цвѣтоносной Геѣ я иду невѣдомо куда“ ¹⁾.

И оттого-то, судя здѣсь „Озириса“ Вячеслава Иванова, вѣримъ мы въ Горуса, все еще могущаго встать изъ-за мрамора стѣны прославляемой имъ культуры, уже упadaющей въ грохотъ пушекъ и ревѣ стихій.

1) „Кормч. Звѣзды“.

Поликсена Соловьева (Allegro) въ пѣснѣ и думѣ.

Вячеслава Иванова.

I.

Нѣкто изъ современныхъ поэтовъ сказалъ о себѣ: „Не знаю самъ—какая, но все-жъ я міру вѣсть“. Если читатель, развертывая лирическіе свитки Поликсены Соловьевой, будетъ вопрошать у нихъ: „а вы, сивиллинскіе свитки,—ибо повсюду изъ-подъ зеленаго убранства вашихъ изумрудныхъ пѣсень обнажается сѣрокаменный кражъ духа, порывающагося ввысь, въ тоскѣ по безусловному,—какую вѣсть несете вы міру или таите отъ міра?“—ему послышится въ отвѣтъ многократный и настойчивый шопотъ: „вѣсть о любви небывалой,—о любви, побѣждающей смерть“.

Любовь и смерть всегда единый мой отвѣтъ...

Въ зелени этихъ пѣсень, въ „привѣтныхъ сплетеніяхъ“, „отрадныхъ вздохахъ“ и „вешнихъ шорохахъ“ „нѣжныхъ травъ“, „стройныхъ травъ“, подъ осыняющими ихъ „крестами чуткихъ, строгихъ елей“, въ „зеленыхъ объятіяхъ лѣса“, гдѣ „въ преломленьяхъ изумруда горитъ безчисленный отвѣтъ“, гдѣ „любится царевичъ печальный съ темноокою Тайной лѣсной“,—растетъ волшебное зеліе, „травы небывалая“. Такова мечта-воля,—или, что то же, самоопредѣленіе,—ихъ слагательницы. А, вникая въ лирику поэта, что иное дѣлаемъ мы, какъ не изучаемъ усилія его самоопредѣленія въ широкомъ смыслѣ этого слова? Когда же онъ идетъ намъ навстрѣчу, опредѣляя себя самъ,—передъ ищущими праваго разумѣнія его пѣвучей души зажигается вѣрный маякъ:

Тамъ, гдѣ родины моей земля, печальная и усталая,
Смотритъ въ небо и шепчетъ молитвы слова,
Вырастаетъ трава небывалая,
Плакунь-травы.

Царевичъ-пѣвецъ, съ которымъ сливается и отождествляется поэтесса въ издавна снимаемой ей „старомъ снѣ“, говорить освобо-

жденной имъ Царь-дѣвицѣ, не принимая отъ нея обручальнаго кольца, что его ждетъ „во мглѣ родного края томящаяся и вздыхающая“ узница, „въ камень злой заключенная“ страдальца, — „не невѣста, не жена“ (кто же другая? не мать ли? не душа ли родимой земли?); она любить его пѣсню—

Оттого, что въ ней для горя
Есть завѣтные слова
И сквозь гулъ побѣдный моря
Шелеститъ плакунъ-трава;
Оттого, что съ нею жарче
Приливаетъ къ сердцу кровь
И горитъ въ ней солнца ярче
Не бывала я любовь.

Слово „небывалый“ приходитъ поэтессѣ на уста всякій разъ, когда она намекаетъ на нѣчто завѣтное и послѣднее:

Въ сочетаньи небываломъ
Здѣсь земля и небеса...
И слышится голосъ небывалый:
Радуйся, Марія, Господь съ тобою...

—особенно же, когда изъ ея души рвется и сказаться не можетъ неизреченное благовѣстіе о завершительномъ чудѣ любви:

Я иду дорогой дальней и пою
Про любовь про небывалую мою.

Такъ говорить о себѣ царевичъ другой сказки, близкой по своему основному чувствованію къ первой, но болѣе глубокой по замыслу. Тамъ герой отказывается отъ обручальнаго кольца Царь-дѣвицы; тутъ—

Онъ похитилъ царевну чужой стороны:
Знать, желаній чужая покорной жены.

Но она не отвѣчаетъ на его любовь, межъ тѣмъ какъ „пестрый самолетъ“ несетъ похитителя съ его добычей въ царевичевъ городъ.

Вдругъ царевна задрожала, поднялась,
И, какъ облако, фата ея взвилась.
„Измѣнившему не буду я женой,
Лишь одинъ свободный нуженъ мнѣ, одинъ.
Но мечта моя съ тобою навсегда,
Не убьютъ ея холодные года.
Пусть живая перейдетъ изъ рода въ родъ,
И томится, и пылаетъ, и цвѣтетъ“.

Она исчезаетъ, разсыпавъ съ заклинаніемъ въ воздухъ жемчужную нить, зерна которой канули въ воды, въ землю и въ травы.

„Для того, кто эти зерна соберетъ,
Кто, любя, пути завѣтные пройдетъ,
Кто познаетъ землю, воду и траву,
Для того лишь, для того я оживу“.

Царевичъ—одинъ подъ многими ликами въ смѣняющихся безъ счета поколѣніяхъ людей—ищетъ „завѣтныхъ путей“ къ возлюблен-

ной, и—пока онъ не найдетъ ся—не нуженъ ему, да и принадлежать по праву не можетъ, царскій вѣнецъ. Въ переводѣ на языкъ христіанскаго умозрѣнія это значитъ: человѣкъ, сынъ Божій, доколѣ не возсоединится съ Божественною Софіей, не можетъ облечься въ богочеловѣчество, но приближается къ нему, слѣдуя путямъ платоновскаго Эроса.

Я люблю бродить въ дремучемъ во бору;
Не царемъ я, а царевичемъ умру.
Подъ землей огонь невѣдомый горитъ;
Онъ о жемчугѣ царевны говоритъ.
И я слышу, какъ шелковая трава
Повторяетъ заклинанія слова...
Предо мной лежатъ завѣтные пути;
Я хочу на нихъ жемчужины найти.
Я послѣдній, я единственный въ роду;
Я несчастный, я безумный,—я найду.

Мы знаемъ пафосъ этихъ исканій, стародавнюю пѣсню тоски о плѣнной Розѣ, о Спящей Царевнѣ, о Голубомъ Цвѣткѣ. Но вѣчно нова эта старая пѣсня, потому что завѣтнѣйшая мечта человѣчества „всегда съ нимъ“ и „переходитъ изъ рода въ родъ“—мечта о богоявленіи Жены, облеченной въ Солнце, въ преображенномъ любовью мірѣ. Изъ этой мечты—все „томленіе“ и „пыланіе“ и „цвѣтеніе“ духа...

Отмѣтимъ особенность лирической метафизики изучаемыхъ произведеній: разлука обусловлена невѣрностью любящаго. У царевича есть жена—Душа Земли; еслибы онъ былъ вѣренъ ей, какъ вѣренъ своей страдалицѣ царевичъ первой сказки, въ ней разоблачилась бы передъ нимъ Та, Которую онъ полюбилъ въ „царевнѣ чужой стороны“. Вѣдь и нынѣ нѣтъ для него иныхъ путей къ чудесной Возлюбленной, кромѣ приникновенія къ тайнѣ Земли. Итакъ, грѣхъ и плѣнъ, какъ и лучшіе порывы человѣка,—слѣдствіе его изначальной измѣны. Съ другой стороны, путь личности ввысь, путь къ чуду—земная вѣрность и преображеніе личной любви въ граняхъ личной жизни; правая любовь, она же и „небывалая“,—вотъ теургическая задача, поставленная каждому человѣку. Такова основная мысль разбираемой лирики, которая, благодаря проникающему ее горѣнію духовной воли, граничитъ въ наиболѣе задушевныхъ твореніяхъ поэтессы съ мистическою проповѣдью.

II.

Знаю, безвластна могила,
Смерть предъ Воскресшимъ смиряется.
То, въ чемъ душа измѣнила,
Не повторяется.

Гимнъ вѣрности составляетъ душу этой „безумной“ лирики, сотканной изъ полу-нѣмыхъ восторговъ и заглушенныхъ жалобъ о

томъ, что испытываетъ земная грудь, въ которую вдвинутъ огнемъ пылающій уголь, межъ тѣмъ какъ бѣдное трепетное сердце не вынута изъ нея и неумолчно стучитъ въ ночной тишинѣ. Вѣра и воля разгораются въ духѣ огненнымъ крестомъ одиночества. Люди окрестъ „идутъ безъ вѣры и безъ воли“. Ихъ жизнь—новый, плоскій, бездушный и безцвѣтный Содомъ,—не тотъ, древній, мятежно-огненный и небеснымъ пламенемъ спаленный.

То—древній сонъ земной гордыни,
Всегда онъ живъ въ душѣ моей.
Но сонъ иной мнѣ снится нынѣ,
Среди унынья темныхъ дней.
Нѣтъ древнихъ стѣнъ, нѣтъ стройныхъ башенъ,
Гдѣ проходилъ спасенный Лотъ,
И дымъ беспламенный такъ страшенъ
Надъ бѣлымъ призракомъ болѣтъ.
И нѣту грознаго Владыки,
И мщенія огненного нѣтъ;
Но въ бѣлой мглѣ на скорбномъ Ликѣ
Еще страшнѣе тихій свѣтъ.
И тихій голосъ громче грома
(Повикъ, блѣднѣю, трепещу):
„Я все простилъ сынамъ Содома,
Но вамъ, познавшимъ, не прощу“.

Пути людей далеки отшельницѣ духа, проходящей черезъ жизнь со своею „огненною тоской“. Но сознание ея—не уединенное сознание: всечеловѣческое, вселенское сочувствіе („душа загорѣлась отъ искръ неизвѣданной нѣжности“) не позволяетъ ей ни на минуту обособиться и помыслить свое бытіе отдѣльнымъ отъ судебъ всеобщихъ и отъ участи каждаго. на комъ бы ни остановилось вниманіе этого многомѣстительнаго сердца. И довольно ей завидѣть ненастною ночью слабый свѣтъ въ высокомъ окнѣ надъ пустынною улицей, чтобы благословить „невѣдомаго брата“, затеплившаго свой скромный огонекъ, и приобщиться душой его усталости, его одинокому горю. Укоры людямъ обращаются въ страстный призывъ къ новой жизни.

Мы живемъ и мертвѣемъ,
Наше сердце молчитъ;
Мы понять не умѣемъ,
Что намъ жизнь говорить.
Отчего мы стыдимся
Словъ нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видѣть вѣщіе сны?
Но душой неустаной
Мы должны подстеречь
Для любви небывалой
Небывалую рѣчь.

Для этой новой жизни потребны въ строѣ личнаго мірочувствія, какъ и въ укладѣ общественномъ,—вождемъ благодатныя „бури“:

только онъ сильны всколыхнуть содомскую мглу гнилыхъ болотъ. Эти тревога и томленіе, это чувство невозможности жить, какъ прежде,—типическія черты умонастроения нашихъ поэтовъ въ первомъ десятилѣтіи двадцатаго вѣка. Призывъ: „ей, гряди!“—всегда на устахъ тоскующей и чутко прислушивающейся („быть можетъ, ждетъ,—иди!“), то вдругъ „рвущей свои оковы“ („я зажгу своимъ пожаромъ новый факелъ въ міръ старомъ“), но никогда „не смущенной“ предчувственницы „небывалаго“.

Пусть медлитъ Другъ, пусть инеемъ покрылась
Его стезя надъ тихою рѣкой:
Я знаю все, что въ сердцѣ совершилось,
И я люблю мой огненный покой.

Какъ не любить ей своего „огненнаго покоя“, когда въ немъ—все оправданіе вѣрной, все обѣтованіе „не смущенной“?

Не измѣнившихъ вѣрный ждетъ удѣлъ...

Но отъ личности особенно требуются, для торжества высокихъ надеждъ,—цѣльность духа, сердце смѣлое до конца, вѣрность единой волѣ-любви. Какъ жарко любить людей, такъ же строго и судить ихъ горная сивилла, Изера:

Дитя, ты знаешь ли, что жажда въ этой жизни
Великихъ подвиговъ и небывалыхъ дѣлъ—
Все это лишь тоска по неземной отчизнѣ,
Желанье перейти за роковой предѣлъ?
Для множества людей вся жизнь—лишь сонъ неясный,
И, какъ въ бреду, они привыкли повторять
Слова великія, но сердце безучастно
Не бьется вслѣдъ словамъ: ихъ жребій—исчезать.
Другіе люди есть: ихъ правда увлекаетъ,
И смѣлости огонь порою въ нихъ горитъ,
Но силы нѣтъ въ душѣ, и пламя угасаетъ,
И долгій подвигъ ихъ смущаетъ и страшитъ.
Виновна ль я была, когда судила строго
Ихъ рѣчи смѣлыя, ихъ робкія сердца?
Тебѣ я помогу быть смѣлой до конца.

Такъ не говоритъ поэтъ-мечтатель, одному преданный—красному вымыслу. Онъ не задумывается скорбно о „небываломъ“, потому что небылица—его царство: стоитъ лишь его фантазіи развернуть свой коверъ-самолетъ. Романтикъ,—если онъ не Новалисъ,—вздыхаетъ не о небываломъ, а о быломъ или несбыточномъ. Ему потреба и утѣха изображать яркими красками свое небывалое-несбыточное. Тотъ, кто тоскуетъ о небываломъ, какъ о должномъ и заповѣданномъ, кто высказывается о немъ краткимъ и, быть можетъ, темнымъ исповѣданіемъ вѣры, а не словоохотливою и безответственной рѣчью мечтательства,—не романтикъ онъ по своей глубочайшей природѣ, но „взыскующій Града“ и „совѣстникъ“, какихъ немало родить по сей день наша земля.

III.

...Травъ, дорогихъ камней,
 Цвѣтовъ и звѣздъ она вліянья изучила;
 Съ ея очей порой спадалъ земной туманъ,
 И все грядущее предъ нею проходило
 Въ пустынь жизненной, какъ длинный караванъ.
 Но только тѣхъ людей молила она внимала,
 Чьи души не покрылъ земли холодный прахъ;
 На рѣчи праздныя она не отвѣчала,
 И даже въ избранныхъ вселяла тайный страхъ...
 Лишь я еще одинъ ея не забываю:
 Когда-то, ужъ давно, она мнѣ жизнь спасла;
 И я ее порой со стадомъ навѣщаю.
 Надъ хижиной ея возносится скала,
 И крестъ на ней стоитъ: огромный, величавый,
 Нечеловѣческой онъ высѣченъ рукой.
 И я люблю смотрѣть, какъ отблескъ вѣчной славы
 Пылаетъ на крестъ въ часъ утра золотой.

Въ этомъ разсказѣ пастуха объ отшельницѣ Изерѣ я улавливаю знакомыя черты: мнѣ кажется, что надъ зеркаломъ символа ненарокомъ склонилась, набрасывая эти строки, сама поэтесса и мимовольно зарисовала собственный обликъ. Я нахожу въ ея лирикѣ тотъ же тонъ вѣщаго таинovidѣнія и строгаго суда, созерцаю ту же обращенную на востокъ скалу и тотъ же крестъ, и на каменномъ крестѣ—тотъ же „отблескъ вѣчной славы“ въ благовѣстный утренній часъ... А вотъ другое воплощеніе той же души—изъ той же (вѣроятно, ранней) лирической драмы.

Онъ шелъ со знаменемъ въ рукахъ
 Впередъ, на поле битвы.
 У всѣхъ въ душѣ змѣился страхъ,
 И слышались молитвы.
 Въ немъ ужась сердца не сжималъ
 Холодными когтями...

Мірового ужаса, охватившаго современность, этотъ духъ дѣлать не можетъ. А между тѣмъ ужась не только въ сердцахъ, но и окрестъ въ дѣйствительности: „кругомъ ужъ смерть царила“. Герой шелъ прямо на смерть и палъ впереди отставшихъ и все же погибшихъ.

Лежалъ съ нахмуреннымъ челомъ
 Одинъ передъ врагами.
 Когда же къ трупъ подошли
 Изъ нихъ два самыхъ смѣлыхъ,
 То вырвать знамя не могли
 Изъ рукъ окоченѣлыхъ.

Эту пѣсню поетъ юная и свѣтлая странница, Антигона своего возлюбленнаго слѣпца, ослѣпшаго художника, и онъ говоритъ ей въ отвѣтъ:

Мнѣ правится напѣвъ могучій и унылый;
 Я слышу воиновъ тяжелыхъ, мѣрный шагъ;

Звучать слова молитвъ предъ близкою могилей,
И, какъ удары крыль, по вѣтру бьется стягъ.

Такова и сама поэтесса, какъ эта дѣвушка съ сердцемъ героя, не выпускающаго знамени изъ рукъ и послѣ смерти. Что до конца смѣло ея жертвенное сердце, юная героиня доказываетъ на дѣлѣ; обличемъ же похожа она, одѣтая во все бѣлое, на серебристое облачко въ горахъ. И какова она на путяхъ странствій подлѣ своего возлюбленнаго, мы видимъ изъ словъ его:

... Ея слова, движенья
Едва замѣтны мнѣ: такъ горячая рѣка
Лепечетъ и поетъ, смѣется и рыдаетъ.
Среди тревоги дня и въ тишинѣ ночей,
А тотъ, кто долго жилъ въ горахъ, не замѣчаетъ
Ни рокота ея, ни пѣсень, ни рѣчей:
Но если-бъ вдругъ замолкъ привычный смѣхъ и лепетъ,
Какъ испугала бы глухая тишина...

Этими образами мѣтко характеризуется, въ противоположность сторонѣ мужественно-героической, другая, подчиненная первой, женственная сторона изучаемой лирики, ея „смѣхъ и лепетъ“.

И борется весна въ душѣ моей съ зимой;
И веселъ громкій смѣхъ, но стихъ печалень мой...

Здѣсь, талантъ, какъ таковой, проявляется непосредственно и не устаетъ тѣшиться легкою игрой съ причудливыми созданіями свѣжей, какъ утро, фантазій. Это изумрудныя долины среди суровыхъ горъ; и охотиѣ всего собираетъ поэтесса на свои ясныя поляны дѣтей, заставляетъ ихъ вести по лугамъ хоромы, поетъ имъ пѣсни, чреватая сѣменами духа, рассказываетъ замысловатыя сказки, устраиваетъ дѣйства, полу-шутливыя, полу-торжественныя, благоухающія луговымъ запахомъ, обвѣянные лѣсною тѣнью,—дѣйства, въ которыхъ живая природа, созерцаемая чистымъ дѣтскимъ зрѣніемъ, открывается Христовой тайнѣ. И каждая свѣтлая шутка, сказанная свободнымъ и всегда готовымъ стихомъ, зарождаетъ въ дѣтской душѣ участіе къ плѣнной твари, своего освобожденія ждущей, по новозавѣтному ученію, отъ подвига сыновъ человѣческихъ.

IV.

И все же, какъ ни ярокъ талантъ Поликсены Соловьевой, онъ представляется мнѣ связаннымъ іерархіею ея собственныхъ душевныхъ силъ, ея слишкомъ цѣлостнымъ и непреклоннымъ для художника характеромъ, безусловнымъ законодательствомъ ея неусыпимаго огненного духа.

Незамѣтная тропинка
Чуть змѣнится по камнямъ;
Пестрой ящерицы спинка
Промелькнетъ то здѣсь, то тамъ...
А орелъ, забывъ движенье

И вонзая въ солнце взглядъ,
Какъ полдневное видѣнье,
Въ синемъ воздухѣ распять.

И едва разыграется на горной луговинѣ талантъ-Ганимедъ, какъ ревнивый стражъ, крылатый пестунъ, уже подстерегаетъ, зоркій, отрока и урываетъ его въ „строгий огонь“ эфирныхъ сферъ, къ вышнему престолу. Я не вижу въ творчествѣ поэтессы признаковъ того таинственного и, конечно, безсознательнаго раздѣленія творческой личности на два чуждые одно другому существа, при которомъ творящая часть на время оказывается всецѣло предоставленною себѣ самой. Неразрѣшимая загадка—художникъ: онъ не можетъ быть великимъ, если не великъ его духъ; но и тогда не достигаетъ величія, когда нѣтъ въ немъ другой первоначальной сущности, могущей, по нѣкому непонятному понужденію, отдѣляться отъ его духовно-нравственнаго я и творить свое неизбѣжное дѣло самозаконно и самовластно.

Это отнятіе руководящимъ духомъ державныхъ правъ, принадлежащихъ художественно-творческой сторонѣ души, имѣло своимъ послѣдствіемъ, что талантъ Поликсы Соловьевой сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ условіяхъ вышеописаннаго ограниченія своихъ полномочій: онъ проявилъ необычайную свѣжесть, гибкость, отзывчивость, изобрѣтательность, но, не будучи самодержавнымъ, не могъ достичь одного: истинной художественной самобытности. Поэтесса легко овладѣваетъ всѣми манерами, можно даже распознать и описать отличительную манеру ея самой, съ присущими этой манерѣ достоинствами (каковы крѣпость и—я бы сказалъ—здоровье стиха) и недостатками (какъ зачастую невыдержанность тона и, быть можетъ, порой погрѣшности вкуса); но, при всемъ постепенно достигнутомъ формальномъ мастерствѣ, она не могла найти формы достаточно впечатлѣющей и органически-необходимой, безусловно-неотдѣлимой отъ „содержанія“, столь глубокаго и своеобразнаго,—не могла доработаться до своего „стиля“. О стилѣ въ творчествѣ Поликсы Соловьевой можно говорить лишь въ собственныхъ категорій поэтики—въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, въ какомъ, согласно изреченію „le style c'est l'homme“—мы отождествляемъ стиль съ характеромъ...

„Откуда у тебя этотъ даръ прорицанія?“—спрашиваетъ Кассандру хоръ старцевъ въ Эсхиловой трагедіи: „не воспылалъ ли къ тебѣ любовною страстію самъ Аполлонъ?“—„Да“, отвѣчаетъ вѣщая царевна: „только стыдъ запрещалъ мнѣ въ томъ признаться раньше.“—„Итакъ, чаю, вы оба сочетались бракомъ, дабы родить дѣтей?“—„Тяжко было противиться богу, онъ дышалъ желаніемъ, я согласилась, но—обманула его.“—„А сама уже одержима была духомъ пророческимъ?“—„Уже всѣ бѣды пророчила я родному городу.“—„Какъ же не постигъ тебя гнѣвъ Аполлона?“—„Онъ отмстилъ мнѣ: никто не вѣрилъ моимъ словамъ,—вѣдь я солгала богу“.

Въ этомъ миѣ, пріоткрывающемъ глубокія и темныя тайны объ избранничествѣ, винѣ и участи вѣщихъ людей, выраженъ нѣкій общій законъ поэтического творчества. Тотъ, кто „родился поэтомъ“, чья душа изначала привлекла къ себѣ любовное вожделѣніе Аполлона къ „чадородію въ красотѣ“ (какъ опредѣляетъ Платонъ цѣль любви), бываетъ осчастливленъ лишь полною самоотдачей во власть лучезарнаго посланника: вѣдь Аполлонъ, по увѣренію того же Эсхила, не свое говоритъ, а только то, что слышалъ отъ Зевса: „отче вѣщаетъ сынъ“. Но въ душѣ Поликсы Соловьевой не Богъ борется съ дьяволомъ (какъ признается однажды она сама), а ревнуютъ другъ къ другу сами боги. На примѣрѣ многихъ художниковъ мы можемъ наблюдать борьбу между нравственнымъ характеромъ и художественнымъ талантомъ: порой эта борьба обостряется до непримиримости, какъ у Гоголя, порой кончается соглашеніемъ противоборствующихъ силъ. Этотъ синтезъ можетъ быть отмѣченъ печатью глубокаго своеобразія и духовной значительности, представлять самъ по себѣ высокую цѣнность (какъ у Владиміра Соловьева); и о Поликсѣ Соловьевой я бы сказалъ, что именно синтезъ таланта и нравственнаго характера возвращаетъ ея цѣлостному явленію ту самобытность, которой нельзя приписать художницѣ, какъ таковой. Если поэтесса думаетъ о себѣ, какъ одна изъ ея героинь:

Но на путяхъ, гдѣ я блуждаю,

Не пьютъ багряное вино,

И лишь теперь я понимаю,

Что мнѣ свершеній не дано,—

она знаетъ также, что „свершенія“ предчувственниковъ грядущаго— въ грядущемъ, дѣло же ихъ— вѣщіе сны горящаго сердца, и признакъ истинности сновъ— то, что никто имъ не вѣритъ. Душа, убогающая, подобно Дафнѣ, отъ объятій Аполлона, вожделѣющаго дѣторожденія въ красотѣ, обращается сама въ красоту пророчественнаго лавра.

V.

Лирика Поликсы Соловьевой— одно изъ благороднѣйшихъ оказательствъ глубокаго вліянія, испытаннаго нашею новою символическою поэзіей отъ безпритязательныхъ и какъ бы случайно расцвѣвшихъ по кручамъ нагорнаго пути,— подобно простымъ, но невиданнымъ и странно-душистымъ бѣлымъ цвѣтамъ,— лирическихъ вдохновеній Владиміра Соловьева. Но, кромѣ общей связи литературнаго преемства, каковую можно наслѣдить и у другихъ поэтовъ (напр., у пѣвца „Прекрасной Дамы“, который примыкаетъ къ Вл. Соловьеву непосредственно), между дарованіями брата и сестры чувствуется еще иная, интимная, кровная связь. Беру наудачу два-три примѣра.

На жизнь глядѣть безрукій долженъ съ вѣрой,
И въ этомъ убѣдить берусь я къ двухъ словахъ:
Давно доказано Милоскою Венерой,
Что сила, красота и мудрость—не въ рукахъ.

Это остроумное и вмѣстѣ глубокомысленное четверостишіе кажется однимъ изъ шутливо-торжественныхъ афоризмовъ Вл. Соловьева. То же можно сказать и о слѣдующемъ:

Гдѣ тайна скрыта—въ душѣ иль въ крови?
Пусть мнѣ разрѣшить, кто умѣетъ.
Но часто глупѣетъ мудрецъ отъ любви,
А глупый умѣетъ.

А вотъ параллель элегической рефлексіи:

Ты вѣдаешь, что день былъ шумно-зноенъ,
И горный путь тяжелъ;
Что плакала душа, но духъ мой былъ спокоенъ
Какъ въ вышинѣ орелъ;
Что вечеромъ я тотъ же, неизмѣнный,
Какъ въ яркій полдня часъ,
И такъ же для меня горитъ огонь вселенной
Во тѣхъ любимыхъ глазахъ.

Здѣсь бросается мнѣ въ глаза не столько общность тона и аналогія манеры, сколько основная соприродность лирическаго самочувствія у обоихъ сравниваемыхъ поэтовъ: отчетливое различіе въ переживаемомъ преходящемъ и сущаго, въ личности—„души“ и „духа“, созерцаніе жизни, какъ „горнаго пути“, сознаніе своей „неизмѣнности“ въ дѣлѣ духовнаго восхожденія, при изначальной рѣшимости непрестанно идти ввысь, не взирая на смертельную усталость,—исповѣданіе единой неколебимой вѣры-вѣрности, эротическій пафосъ столь же неуклонной, какъ эта вѣра, любви и, наконецъ, платоническое углубленіе послѣдней, ея возрастаніе изъ психологической сферы въ онтологическую, изъ зыбкаго и подвластнаго явленіямъ царства души въ „огненный покой“ духа. Для обоихъ поэтовъ любовь есть прозрѣніе въ единый вселенскій объектъ любви, имманентный существу любимому и открывающійся любящему чрезъ посредство одного любимаго, глядящій на него любимыми глазами.

Чтобы такая любовь стала въ человѣкѣ единымъ и верховнымъ внутреннимъ опытомъ цѣлой жизни, нужно родиться платоникомъ; и если лирическая проповѣдь „любви небывалой“ у Поликсены Соловьевой находитъ себѣ философскій коррелятъ въ ученіи Вл. Соловьева о „смыслѣ любви“, мнѣ думается, что эта характерная особенность міросозерцанія поэтессы не столько зависитъ отъ возрѣній нашего общаго учителя, сколько органически выявляетъ ея душевное сродство съ вѣщею душой ея брата. Оба кажутся мнѣ сопричастниками одного изначальнаго посвященія, оба имѣли „непостижное видѣніе“ Любви, движущей, по Данту, „Солнце и другія звѣзды“, и „съ той поры сгорѣли душой“, чтобы потомъ, обращаясь

среди людей, каждый по-своему и въ мѣру своихъ силъ, возвыщать и истолковывать людямъ законъ, прочтенный обоими на звѣздныхъ скрижаляхъ. Отсюда у обоихъ этотъ духъ „смѣлый и прямой“, огненный, одиодумный, „неизмѣнный“, „несмутенный“, тщетно смущаемый мимолетными прельщеніями, но въ себѣ несмутимый, цѣлостный и крѣпкій, какъ алмазъ. И всѣ эти опредѣленія, быть можетъ, въ большей мѣрѣ приложимы къ мужественному духу сестры, несмотря на то, что ея основное постиженіе уже и бѣднѣе, чѣмъ внутреннее откровеніе ея великаго брата. Потому, мнится, и большимъ ригоризмомъ проникнута проповѣдь первой. Если для Вл. Соловьева чадородіе отнюдь не назначеніе, а скорѣе ущербъ любви, то въ глазахъ Поликсены Соловьевой половая близость — прямой отказъ отъ теургической цѣли любовнаго союза.

VI.

— „Любовь рождаетъ и умерщвляетъ... Въ любви рабство, паденіе, проклятіе; и въ ней же — освобожденіе, воскресеніе и спасеніе. Поймите, что каждый можетъ принять участіе въ пересозданіи любви. И, пересоздавъ ее, превративъ ее теперешнее безобразіе въ красоту, мы измѣнимъ всю жизнь.“

— „Но вѣдь жизнь прекратится? Вѣдь не будетъ дѣтей?“

— „Этого ли бояться? Должны пройти вѣка, прежде чѣмъ окончательно измѣнятся жизнь и любовь. Да, люди должны понять, что нельзя безконечно давать жизнь — безконечно давать смерть... По-иному, по-новому никто еще не любилъ, но эта новая любовь начинается мерещиться многимъ. Знаете, какъ въ темную июльскую ночь кто-нибудь скажетъ: „Вотъ, зарница сверкнула“. А другой спроситъ: „Гдѣ, гдѣ?“ — и черезъ нѣсколько мгновений вскрикнетъ: „Да, правда, вотъ, и я увидалъ“. А разъ хоть одинъ или два увидали, значитъ — есть, значитъ — возможно... Не аскетизмъ: это — лодъ и кощунство. И не темное сладострастіе: это тоже рабство. Есть, долженъ быть третій путь.“

Такъ говорилъ Границынъ, влюбленный мыслитель, обрѣтшій въ умозрѣніи путь истинной любви и дошедшій по нему до той границы, гдѣ умозрѣніе кончается и начинается новая жизнь, — герой повѣсти „Небывалая“, которую мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, какъ одно изъ превосходныхъ произведеній русской прозы. Она повѣствуетъ о необычайномъ сближеніи Границына съ душою-сестрой, Софіей Кунде (что значитъ „вѣсть“), опекаемой ея неопредѣленнымъ и душевно ей чуждымъ мужемъ (какъ Самаритянка Евангелія — тѣмъ, кто „не мужъ ей“) и оплакивающей своего рано умершаго ребенка; о первомъ пробужденіи чувственнаго влеченія къ ней въ любящемъ и о первомъ шагѣ его къ измѣнѣ обѣту „любви небывалой“; наконецъ, о послѣдствіи этой измѣны — внезапномъ чудесномъ исчезновеніи возлюбленной со всѣмъ ея конкретно и интимно знакомымъ окруженіемъ: улица, гдѣ она обитала, та же, а ея жилища нѣтъ, какъ нѣтъ, и разомъ утеряны всѣ слѣды ея пребыванія среди живущихъ, какъ будто ея явленіе въ жизни Границына было лишь долгимъ бредомъ, причудливо сплетшимся съ дѣйствительностью и достигшимъ высшей степени осязательности и сложности.

Но, конечно, не галлюцинація бытіе „небывалой“, по замыслу автора, и „тайная правда“ повѣсти иная. Герой, котораго возлюбленная вдохновляетъ къ прозрѣніямъ въ глубочайшую сущность любви, вознагражденъ за высоту и чистоту своихъ исканій близостью души, давно имъ ожидаемой и нуждающейся въ немъ, въ его новой любви для своего спасенія („я умоляю васъ спасти себя и меня...“), для своего воскресенія къ дѣйствительному бытію изъ состоянія „небывалой“, призрачно сущей, плѣненной небытіемъ. Такая любовь должна торжествовать надъ всѣмъ, что не есть бытіе истинное, — и если это торжество не удалось, гостя земли должна, истаявъ въ мірѣ явленій, — какъ таетъ въ нихъ все, что не достигаетъ бытія, — опять дожидаться, въ бореніи съ мистическою смертію, своего суженаго избавителя; ибо этотъ, измѣнившій, не могъ пронести черезъ жизнь сосуда съ живою водою, не расплеснувъ животворной влаги. Разлука — заслуженное Границынымъ испытаніе, потому что въ немъ двѣ души, и одна изъ нихъ, маловѣрная, усомнилась и измѣнила.

— „А что, если тамъ ничего нѣтъ, одна пустышка и чернота? Что, если все ты выдумалъ, если родъ людской никогда не узнаетъ небывалой любви, а попросту застынетъ на своей застывающей скудной землѣ? Что, если на рогожѣ стоишь, съ ковра говоришь?“

И напрасно его лучшая душа — слишкомъ поздно! — начинаетъ осмысливать значеніе совершившагося.

— „Что же все это было? Неужели я силой мечты могъ вызвать ее къ жизни, а когда оскорбилъ мечту, — она исчезла? Но любовь ея, это — чувство единственное, небывалое. Нѣтъ, ея любовь существовала; слѣдовательно, и она существуетъ, и я найду ее“...

„Но онъ никогда ея не найдетъ“, — прибавляетъ авторъ, заключая этими словами свою повѣсть; ибо, какъ мы уже слышали, — „то, въ чемъ душа измѣнила, не повторяется“.

Любовь — торжество бытія; невѣріе въ бытіе истинное заставляетъ людей видѣть въ ней только праздникъ временнаго существованія — праздникъ бѣдный и грустный. Пишущій эти строки также знаетъ, что „тѣсна любви единой грань земная“, и согласенъ со всѣмъ положительнымъ содержаніемъ взглядовъ поэтессы на любовь, но далека отъ признанія отрицательной части этого ученія: ему чуждо непріятіе разумною нравственною волею закона смерти и, слѣдовательно, пола. Онъ видитъ въ дѣтяхъ — не цѣль, правда, — но благодатный залогъ мистически-реальнаго соединенія любящихъ, которому надлежитъ лишь возрастая въ бытіе истинное и его свободу. Въ каждой любви уже начинается чудо и, если потомъ прекращается, по нашей винѣ и измѣнѣ, то, съ другой стороны, оно можетъ и не начаться, какъ реальность, если не исполнено его первое, естественное условіе — сліяніе двоихъ въ одну плотъ и неизбежно вытекающая отсюда разлука: кто хочетъ воскресенія, долженъ принять смерть.

Этому примирительному взгляду Поликсена Соловьева противо-

поставляетъ пламенную увѣренность, что совершенному возрасту
человѣчества будетъ отвѣчать чудесная метаморфоза любви.

Но для любви еще нѣтъ чуда,
А безъ него она мертва..
Любовь такъ много освѣтила
Души тоскующимъ очамъ;
Но это лишь заря: свѣтило
И день его—не намъ, не намъ!
И ты, пѣвецъ, свои созданья
Для дня грядущаго готовь!..

Таково послѣднее слово проповѣди о „любви небывалой“ въ
прекрасно написанномъ, хотя и немного разсудочномъ, стихотвор-
номъ романѣ высоко талантливой поэтессы — „Перекрестокъ“.

В
1/2 кн

Оглавление VIII книги.

	Стр.
Борись Зайцевъ. <i>Біографическія свѣдѣнія</i>	65
Борись Зайцевъ. <i>Е. А. Колтоновской</i>	67
Вячеславъ Ивановъ. <i>Автобіографическое письмо С. А. Венгерову</i> . .	81
„Ивановскія среды“. <i>Н. Бердяева</i>	97
Вячеславъ Ивановъ. <i>Проф. Ф. О. Зелинскаго</i>	101
Вячеславъ Ивановъ. <i>Андрея Бѣлаго</i>	114
Иванъ Коневской. <i>Валерія Брюсова</i>	150
Поликсена Соловьева. <i>Автобіографическая замѣтка</i>	164
Поликсена Соловьева в пѣснѣ и думѣ. <i>Вячеслава Иванова</i> . . .	172
